

Министерство образования и науки Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.И. БОЧКАРЕВ

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ
В СЕМИОТИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ

Монография

НОВОСИБИРСК
2016

ББК 81.053.1

Б 866

Рецензенты:

А.В. Кокова, д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков
Новосибирского государственного педагогического университета

С.С. Жданов, канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков
и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного
университета геосистем и технологий

Бочкарев А.И.

Б 866

Косвенные речевые акты в семиотическом аспекте : моно-
графия / А.И. Бочкарев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. –
208 с.

ISBN 978-5-7782-3043-9

В данной монографии автор унифицирует терминологию в сфере речевых актов и теории текста. Автор также предлагает лингвосомиотический подход к исследованию гетерогенных языковых явлений. В представленной работе исследуются механизмы образования косвенных речевых актов и различные явления, находящиеся на границе их образования.

Книга поможет студентам, аспирантам и преподавателям овладеть комплексным подходом анализа гетерогенных языковых явлений.

ББК 81.053.1

ISBN 978-5-7782-3043-9

© Бочкарев А.И., 2016

© Новосибирский государственный
технический университет, 2016

*Существует столько лингвистик,
сколько есть лингвистов*

И.А. Мельчук

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография неслучайно начинается цитатой из книги И.А. Мельчука «Курс общей морфологии», так как цель нашего исследования прежде всего заключается в том, чтобы показать, что только путем интеграции знаний и подходов «лингвистик» возможно адекватно проанализировать какое-либо лингвистическое явление.

Как отмечает И.А. Мельчук, лингвистика «страдает от концептуального беспорядка» и «не располагает ни единой терминологией, ни даже более или менее универсальной теоретической базой» [62, с. 8]. Так, различные явления изучаются отдельно в каждой из «лингвистик», при этом одна лингвистика не учитывает достижения другой. Например, прагмалингвистикой исследуются преимущественно прагматические аспекты того или иного явления, в то время как в семантике учитываются только семантические аспекты.

Это приводит к тому, что, во-первых, многие проблемы попросту остаются нерешенными; во-вторых, создается только видимость решения тех или иных проблем, т. е. объясняется функционирование явлений исключительно в рамках одной из лингвистик, но при включении рассматриваемого явления в более широкий контекст предлагаемое объяснение перестает работать.

Именно ко второй группе случаев относится проблема механизмов образования косвенных речевых актов. Так, теоретическая база для данного явления была разработана в период с 1970-х до середины 1990-х годов. Но данная база была основана преимущественно на положениях прагмалингвистики, при этом даже если другие лингвистики изучали косвенные речевые акты, то основывались они на достижениях прагмалингвистики. В свою очередь, применение методологического аппарата и достижений других лингвистик может серьезно способствовать решению многих проблем в рамках прагмалингвистики, в

частности, проблемы идентификации языковых механизмов образования косвенных речевых актов.

В представленной вашему вниманию работе мы попытаемся унифицировать терминологию и предложить лингвосомиотический подход к исследованию данного языкового явления.

В первой части работы будет представлена теоретическая база, на основе которой будет осуществляться анализ языковых механизмов образования косвенных речевых актов. Так, в первой главе первой части будут рассмотрены внутренние характеристики речевых актов, а именно структурные компоненты речевого акта в частности и коммуникативного акта в целом. Во второй главе первой части будут изучены внешние характеристики речевого акта – контекстуальное и текстуальное пространства реализации речевого акта. В третьей главе первой части исследуются основные вопросы, связанные с косвенными речевыми актами.

В первых двух главах второй части анализируются два основных языковых механизма образования косвенных речевых актов: транспозиция и редукция. В третьей главе второй части рассматриваются такие языковые явления, как сложные косвенные речевые акты, псевдосложные косвенные речевые акты, аллокутивный сдвиг в коммуникативном акте. Эти явления объединяет то, что все они в той или иной степени связаны с языковыми механизмами образования косвенных речевых актов.

ЧАСТЬ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Интерес исследователей к проблеме речевых актов возник в середине XX века. Изначально они рассматривались только в рамках теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, У. Энгель и др.). Впоследствии речевые акты стали объектом исследования в различных направлениях лингвистики, а именно в социолингвистике (В.И. Карасик, Дж. Лич и др.) и в теории текста (теория репрезентации дискурса: С. Кэрберри, У. Манн и др.; теория сегментной репрезентации дискурса: А. Ласкаридес, Н. Эшер и др.; коммуникативно-прагматическая теория текста: К. Бринкер, Т.А. ван Дейк и др.).

В ходе исследования речевых актов были обнаружены интересные аспекты. Так, в 1970-х годах появились работы, посвященные проблеме косвенных речевых актов [148, 149, 154 и др.]. С тех пор различным сторонам рассматриваемой проблемы уделялось пристальное внимание исследователей [125, 153, 172].

Несмотря на пристальный интерес к проблеме косвенных речевых актов, ни лингвистам, ни философам так и не удалось найти ответы на многие вопросы. Более того, объем рассматриваемых понятий строго не определен, что в значительной мере затрудняет исследование анализируемых явлений. На наш взгляд, изучение косвенных речевых актов возможно только при учете всех условий их реализации.

Актуальность исследования косвенных речевых актов определяется необходимостью выявления языковых механизмов их образования. Несмотря на многочисленность научных работ, посвященных косвенным речевым актам, данная проблема остается недостаточно изученной. Рассматривая ее, лингвисты, как правило, фокусируются на прагматических особенностях косвенных речевых актов, оставляя без внимания семантические и синтаксические, которые играют немаловаж-

ную роль в функционировании косвенных речевых актов. Этим обусловлено обращение к анализу контекстуальных и текстовых условий реализации речевых актов. Необходимость же изучения косвенных речевых актов в целом связана с тем, что они занимают значительное место в современной англосаксонской культуре. Например, в английском языке многие речевые акты, такие как просьба, запрет, отказ, выражаются преимущественно косвенно.

Прагмалингвистика представляет собой «лингвистический раздел прагматики» [97, с. 4] и занимается выбором оптимальных языковых средств для успешного воздействия на адресата, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения [94, с. 325, 326]. Дж. Юл отмечает, что прагмалингвистика занимается исследованием языковых форм в их отношении к пользователям данных форм. Предмет изучения прагмалингвистики состоит из четырех аспектов исследования – намерения адресанта, контекстуального значения высказывания, понимания невыраженного и объема общих знаний [220, с. 35].

Базовым понятием прагмалингвистики является *речевой акт* – минимальная единица речевой деятельности. основоположники теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Серль разграничивали понятия *предложения* как языкового символа и *речевого акта* как прагматической единицы, не соотнося их друг с другом. В дальнейшем было установлено, что основной языковой формой реализации речевого акта является простое предложение. Кроме того, речевой акт может быть представлен посредством двух предложений в том случае, если одно предложение является полным, а второе эллиптическим.

Лингвисты выделяют три типа речевых актов: прямой, косвенный и гибридный.

Прямой речевой акт – это речевое действие, осуществляя которое адресант «имеет в виду буквально то, что он говорит» [87, с. 195].

Косвенный речевой акт – это речевое действие, в котором один речевой акт реализуется «опосредованно, путем осуществления другого» [Там же, с. 196].

Гибридный речевой акт – это речевое действие, в равной степени сочетающее свойства и структуры двух речевых актов [54]. Например, в речевом акте *Could you pass me the salt, please?* значение просьбы не выводится из значения вопросительного предложения и дополнительных сведений о конкретной ситуации, а с самого начала существует гибридная языковая структура, включающая в равной мере вопрос

(инвертированный порядок слов) и просьбу (маркеры категории вежливости в английском языке: слово *please* и модальный глагол *could*¹).

Вариативность комбинаций речевых актов разных групп при образовании гибридных речевых актов ограничена рядом факторов. С одной стороны, сходной структурой обладают речевой акт обещания и речевой акт утверждения (особенно речевые акты, выраженные в будущем времени), а с другой стороны, речевой акт предложения является комплексным речевым актом, так как в нем объединены свойства как обещания, так и просьбы. В свою очередь, речевые акты, выражающие состояние адресанта, также не могут быть гибридными, так как обладают стандартными формами выражения. В результате к гибридным речевым актам относятся следующие группы.

1. Гибридные речевые акты репрезентативов или комиссивов и интеррогативов:

– прямой порядок слов + вопросительный знак в конце предложения:

And now we're supposed to applaud him for putting his finger in the dike after disaster struck?

– прямой порядок слов + tag (+ вопросительный знак в конце предложения):

You go there, don't you (?)

2. Гибридные речевые акты реквестивов и интеррогативов:

– лексический маркер реквестива (например, слово *please*) + вопросительный порядок слов + вопросительный знак в конце предложения:

May I take this paper, please?

– лексический маркер интеррогатива (например, вопросительное слово) + побудительный порядок слов:

Why paint your house purple?

3. Гибридные речевые акты репрезентативов или комиссивов и реквестивов:

– прямой порядок слов + побудительный вектор высказывания:

You will go to her right now!

Кроме того, просодические элементы также играют важную роль при определении типа речевого акта, но мы не будем касаться их в этой работе, так как вопрос влияния просодии на речевые акты, на наш взгляд, заслуживает отдельного исследования.

¹ Если модальный глагол *could* передает значение прошедшего времени, то в таких ситуациях он не является маркером вежливости.

Следует отметить, что не существует строгого разграничения косвенных и гибридных речевых актов, так как кроме прототипичных случаев существуют еще и периферийные. Например, между косвенным речевым актом *Can you pass me the salt?* и гибридным *Could you pass me the salt, please?* находится следующий периферийный речевой акт *Could you pass me the salt?* В анализируемом периферийном случае присутствует сема вежливости, представленная модальным глаголом *could*, что является нехарактерным для вопроса и указывает на определенную степень выраженности просьбы. Тем не менее степень выраженности просьбы в пропозиции не равнозначна степени выраженности интеррогатива.

На наш взгляд, речевой акт нужно рассматривать в совокупности структурных компонентов и пространства его реализации. Так, к внутренним характеристикам речевого акта относятся все элементы структуры речевого акта. Под внешними характеристиками речевого акта следует понимать контекстуальное, текстовое и интертекстуальное пространства реализации речевого акта.

Глава 1

ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВОГО АКТА

Появление теории речевых актов в лингвистике нельзя считать спонтанным. Истоки рассматриваемой теории берут свое начало в аналитической философии и связаны с именами Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

Любопытным является тот факт, что если в теории речевых актов основной акцент сделан на изучении иллокутивных актов, то в аналитической философии преимущественно изучаются локутивные акты, или, как они и именовались в аналитической философии, пропозиции.

Так как в аналитической философии еще не произошло разделения речевого акта на составляющие, то зачастую при исследовании пропозиционных актов затрагиваются иллокутивные характеристики высказываний. Рассмотрим идеи философов, внесших наибольший вклад в становление теории речевых актов.

Во-первых, *идея о наличии смысла и значения не только у слова, но и у предложения*. В философии Г. Фреге смысл и значение являются одними из ключевых понятий. В работе «Смысл и значение» Г. Фреге отмечает, что не только слово, но и предложение имеет смысл и значение. По Фреге, значением обладают те предложения, все компоненты которых обладают значением. Г. Фреге сравнивает два предложения «5 – простое число» и «*Та мысль, что 5 – простое число, истинна*» и приходит к выводу, что значение предложения «не должно изменяться, если какую-нибудь часть предложения заменить выражением, тождественным ей по значению, но отличным по смыслу» [103, с. 31–33].

В своих работах Л. Витгенштейн развивает данную идею, он пишет о том, что можно заменить одно предложение другим, и значение вместе с тем останется одинаковым: «При определенных обстоятельствах мы можем заменить “*Может ли пациент ходить?*” на “*Зажила ли его*»

нога?» т. е. на вопрос “Может ли пациент ходить?” врач может ответить “С его ногой все в порядке» [35, с. 267]. В данном примере в ответе следствие (возможность ходить) заменяется причиной (состояние ноги), так как именно больная нога мешает пациенту ходить, т. е. если нога зажила, то пациент может ходить.

Исследуя косвенные речевые акты, современные лингвисты показали возможность замены не только предложений, которые имеют относительно близкий смысл, но и предложений, которые вне контекста имеют противоположный смысл, например:

Woman: John, the car won't start!

Man: Oh great! (How to be sarcastic). – Режим доступа: http://downloads.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/howto/how_to_080305_be_sarcastic.pdf.

В представленном случае предложение *Oh great!* имеет значение *that is very bad*.

Во-вторых, *идея о сопутствующих значениях*. Г. Фреге пишет о том, что в некоторых случаях предложение может иметь больше простых мыслей, чем простых предложений. Например, предложение «*Альфред еще не пришел*» Г. Фреге анализирует следующим образом: «В предложении сообщается, что “Альфред не пришел”, но при этом косвенно указывается, что его прихода ожидают, причем указывается именно косвенно» [103, с. 30].

В-третьих, *идея о важности контекста для адекватной интерпретации предложения*. Первым, кто отметил определяющую роль контекста для выявления смысла и значения предложения, был Л. Витгенштейн, в философии которого выделяют два этапа. Первый этап представлен «Логико-философским трактатом», второй – «Коричневой книгой», «Голубой книгой» и «Философскими исследованиями». Именно на втором этапе значение контекста становится для Л. Витгенштейна определяющим. Он пишет о том, что одно и то же предложение может играть разную роль в зависимости от ситуации, т. е. быть приказом, вопросом, объяснением, описанием и т. д. [35]. Кроме того, Л. Витгенштейн замечает, что один и тот же знак в одних случаях является словом, а в других предложением. Например, «...если некто А должен описать В комплексы цветных квадратов и пользуется при этом *одним лишь* словом К, то можно утверждать, что это слово является описанием – предложением. Если же он запоминает слова или их значения или

же обучает кого-то другого употреблению этих слов, произнося их в ходе указательного обучения, то мы не скажем, что они при этом являются предложениями» [32].

В-четвертых, *идея о том, что предложение, имеющее одну форму, может выполнять функцию, характерную для другой формы*. Данная идея Л. Витгенштейна предвосхищает мысль Дж. Серля о том, что косвенный речевой акт содержит в себе две иллокутивные силы. По сути, Л. Витгенштейн говорит о косвенных речевых актах в доступных ему терминах: «...Мы могли бы представить себе язык, в котором *все* утверждения имеют форму и тональность риторических вопросов, а каждый приказ – форму вопроса: “А не хочешь ли ты это сделать?” Тогда, возможно, утверждали бы: “Сказанное им имеет форму вопроса, но в действительности это приказ”, – то есть выполняет функцию приказа в практике использования языка» [Там же].

В-пятых, *идея о противопоставлении пропозиции пропозициональным отношениям*. Если в работах Г. Фреге и Л. Витгенштейна изучается пропозиция, а в работах Дж. Остина и Дж. Серля внимание уделяется изучению «пропозициональных отношений», то труд Б. Рассела «On propositions: what they are and how they mean» является своеобразным переходом от изучения пропозиции к изучению «пропозициональных отношений». Собственно, Б. Рассел был первым, кто противопоставил пропозицию «пропозициональному отношению», которое выражается глаголом, способным сочетаться с пропозицией (Russel, 1956).

Несмотря на то, что Б. Рассел разграничил данные понятия, он, как и его предшественники, делал акцент на изучении пропозиции. Эта идея соотносится с идеей разделения высказывания на модус и диктум, где диктум коррелятивен процессу, образующему представление, а модус коррелятивен операции, производимой мыслящим субъектом (Балли, 2009). Модус и диктум могут рассматриваться как основные составляющие локутивного акта.

Итак, вышеперечисленные идеи легли в основу теории речевых актов, при этом если в рамках аналитической философии основной акцент был сделан на изучении локутивных актов, то в теории речевых актов он сместился на изучение иллокутивных актов. Это неудивительно, так как именно открытие иллокутивных актов является одним из главных достижений теории речевых актов.

Основателем теории речевых актов является Дж. Остин, который ввел термин «речевой акт» и представил его структуру. Он выделил три компонента речевого акта:

– *локутивный акт* – это единство фонетического, фатического и ретического актов;

– *иллокутивный акт* – это акт, который соответствует произнесению высказывания, обладающего определенной конвенциональной силой (информирование, приказ, предупреждение);

– *перлокутивный акт* – это акт, который соответствует достижению чего-либо посредством говорения, например, убеждать, вынуждать или устрашать [77, с. 92, 93].

Дж. Серль и его последователи исключают перлокутивный акт из структуры речевого акта, относя его к более высокому уровню речевой деятельности – коммуникативному акту.

Наиболее оптимальная структура речевого акта представлена у Х. Хаверкате [155]. С его точки зрения, речевой акт состоит из следующих компонентов:

– *фонетического* – акта произнесения определенных звуков;

– *иллокутивного* – то же, что и у Дж. Остина;

– *пропозиционального (локутивного)* – акта, который состоит из референции и предикации.

Х. Хаверкате выносит за рамки речевого акта *аллокутивный акт* (намерение адресанта достичь какой-либо цели посредством говорения), который является актом адресанта, так как в большинстве случаев он не находит языкового выражения в речевом акте, и *перлокутивный акт* (интерпретация адресатом аллокутивного акта), который является актом адресата, так как его исполнение, в отличие от остальных актов, не зависит от адресанта. Х. Хаверкате относит данные акты к коммуникативному акту в целом [Там же].

Далее мы рассмотрим как структурные компоненты речевого акта, так и составляющие коммуникативного акта. Последний играет важную роль в функционировании речевых актов, при этом составляющие коммуникативного акта, которые не включены в речевой акт, находятся на периферии внутренних и внешних характеристик речевого акта. Тем не менее мы относим их к внутренним характеристикам речевого акта по той причине, что данные характеристики все же привязаны к речевому акту, в то время как внешние характеристики существуют относительно независимо от конкретного речевого акта.

1.1. СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ РЕЧЕВОГО АКТА

В ходе исследования структурных компонентов речевого акта первоначально лингвисты исследовали и классифицировали исключительно иллокутивные акты (Д. Вундерлих, Дж. Лич, Дж. Остин, Дж. Серль и др.). В дальнейшем в классификациях нашли отражение и другие компоненты речевого акта, вследствие чего стали появляться многоуровневые классификации речевых актов (В.В. Богданов, Л.П. Чахоян, У. Энгель и др.).

История вопроса классифицирования речевых актов

Первая классификация иллокутивных актов была представлена Дж. Остином, который выделяет пять классов иллокутивных актов, приводя также список глаголов, характеризующих каждый класс. Классификация Дж. Остина построена на основе типов коммуникативных действий. Основным критерием идентификации иллокутивных актов является то, какой перформативный глагол эксплицирует иллокуцию.

Первый класс, *вердикативы*, выделяется по признаку вынесения приговора присяжными или судьей; вердикт может представлять собой оценку, мнение или одобрение. Например, *I should call him industrious*.

Ко второму классу принадлежат *экзерцитивы*, которые являются выражением власти, прав. Например, *I order you to go away*.

К третьему классу относятся *комиссивы* – обещания или другие обязательства. Например, *I give my word of honour that I'll do it*.

Четвертый класс, *бехабитивы*, представляет собой «очень смешанную группу», связанную с общественным поведением и взаимоотношениями людей. Дж. Остин выделил семь подклассов бехабитивов и определил для каждого свой набор глаголов: 1) для принесения извинений используется глагол *to apologize*; 2) для благодарности – *to thank*; 3) для выражения сожаления – *to deplore, to commiserate, to sympathize, etc.*; 4) для выражения отношения к поступкам – *to resent, to criticize, to applaud, etc.*; 5) для приветствий – *to welcome, to bid you farewell*; 6) для пожеланий – *to bless, to curse, to drink to, etc.*; 7) для вызова и противоборства – *to dare, to defy, to protest, etc.*

К пятому классу относятся *экспозитивы*, которые, по словам Дж. Остина, «плохо поддаются определению», они показывают, какое место занимает высказывание в ходе спора или беседы, как используются слова или представляются высказывания. Например, *I deny it* [77, с. 119].

Хотя Дж. Остин и составил классификацию иллокутивных актов, он предполагает, «что классы выделены недостаточно отчетливо, что они перекрещиваются между собой». Кроме того, он даже допускает, что «нужна совсем другая классификация» [77, с. 120].

Тем не менее его классификация, по крайней мере, разрушила фетиш «истинность / ложность» и фетиш «оценка / факт».

Дж. Серль выделяет следующие недостатки предложенной Дж. Остином классификации: во-первых, данная классификация «не построена на каком-либо ясном или последовательном принципе», и только в случае комиссивов Дж. Остин использует понятие иллокутивной цели для их определения; во-вторых, «категории в значительной степени пересекаются, а их внутренний состав часто неоднороден» и, как следствие, «имеет место внутренняя разнородность постулируемых классов глаголов» [86, с. 177, 179].

Западногерманские ученые Т. Бальмер и В. Бренненштуль, последователи Дж. Остина, создали классификацию иллокутивных актов на основании глаголов, давших название соответствующим иллокутивным актам. В работе немецких исследователей 4800 глаголов, лежащих в основе выражения определенных иллокутивных актов и сгруппированных в соответствии с четырьмя видами речевой деятельности – экспрессией, обращением, интеракцией, дискурсом [123, с. 30].

Подобные классификации Дж. Серль считает нерелевантными, так как они являются классификациями «не иллокутивных актов, а английских иллокутивных глаголов» [86, с. 177–179].

Дж. Серль построил классификацию иллокутивных актов, основанную на двенадцати параметрах:

- 1) различия в цели данного (типа) акта;
- 2) различия в направлении приспособления между словами и миром;
- 3) различия в выраженных психологических состояниях;
- 4) различия в энергичности, или в силе, с которой подается иллокутивная цель;
- 5) различия в статусе или положении адресанта и адресата в той мере, в какой это связано с иллокутивной силой высказывания;
- 6) различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами адресанта и адресата;
- 7) различия в соотношении с остальной частью дискурса;
- 8) различия в пропозициональном содержании, определяемые на основании показателей иллокутивной силы;

9) различия между теми актами, которые всегда должны быть речевыми актами, и теми, которые могут осуществляться как речевыми, так и неречевыми средствами;

10) различия между теми актами, которые требуют для своего осуществления внеязыковых установлений, и теми, которые их не требуют;

11) различия между теми актами, в которых соответствующий иллюкутивный глагол употреблен перформативно, и теми, в которых перформативное употребление глагола отсутствует;

12) различия в стиле осуществления иллюкутивных актов [Там же, с. 170].

На основании вышеприведенных параметров он предлагает следующую классификацию иллюкутивных актов.

1. *Репрезентативы* – это иллюкутивные акты, цель которых «зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел». Например, *He is constantly playing his “kil me now’s” violin!*

2. *Директивы* – это иллюкутивные акты, цель которых «добиться того, чтобы адресат нечто совершил». Например, *Run, Forest, run!*

3. *Комиссивы* – это иллюкутивные акты, цель которых «возложить на говорящего обязательство совершить некоторое действие или следовать определенной линии поведения». Например, *I will give up smoking one day.*

4. *Экспрессивы* – это иллюкутивные акты, цель которых «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания». Например, *Thank you very much!*

5. *Декларативы* – «осуществление какого-либо акта из этого класса устанавливает соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью». Например, *I pronounce you man and wife.*

Классификация иллюкутивных актов Дж. Серля вследствие своей многоаспектности и логичности построения получила значительно большее распространение в лингвистике, чем классификация иллюкутивных актов Дж. Остина. В то же время многие отечественные и зарубежные ученые вносили различные локальные уточнения в классификацию Дж. Серля либо добавляя новые классы иллюкутивных актов, либо исключая старые.

Так, некоторые ученые предлагают выделять такие иллюкутивные акты, как интеррогативы (А. Вежбицкая, Дж. Лич, И.П. Сусов), пропо-

зитивы (Х. Хаверкате, Э. Цуи), ретрактивы и вокативы (Д. Вундерлих). Другие лингвисты определяют в отдельный класс речевых актов перформативные высказывания на основе их способности к эксплицитно-перформативному выражению (Г.Г. Почепцов). В свою очередь, *декларативы* исключаются из классификации речевых актов на основании того, что они не имеют иллокутивной силы (В.В. Богданов, Дж. Лич).

К более существенным изменениям относится включение новых параметров. В качестве дополнительного параметра некоторые лингвисты выделяют социальную цель установления и поддержания вежливости. Классификации, в основе которых лежит данный параметр, носят социокоммуникативный характер.

Такая классификация была построена Дж. Личем. Она состоит из четырех классов:

– *компетитив* – иллокутивная цель конкурирует с социальной (приказы, вопросы, требования, просьбы);

– *конвиивал* – иллокутивная цель совпадает с социальной (предложения, приглашения, приветствия и т. п.);

– *коллаборатив* – иллокутивная цель безразлична для социальной (утверждения, сообщения и т. п.);

– *конфликтив* – иллокутивная цель в конфликте с социальной (обвинения, выговоры, жалобы и т. п.).

По мнению Дж. Лича, социальная цель заключается в предотвращении конфликтов. Эта цель реализуется посредством категории вежливости [166].

Данная классификация учитывает прежде всего социолингвистические характеристики речевых актов, вследствие чего она является узконаправленной. Тем не менее представленную классификацию можно использовать для достижения определенных целей исследования.

В дальнейших работах, наряду с иллокутивными актами, стали учитываться и другие структурные компоненты речевых актов, что привело к необходимости разграничения уровней речевого акта.

Одной из первых многоуровневое классифицирование речевых актов применила отечественный лингвист Л.П. Чахоян, которая предложила субклассификацию репрезентативов на основе функционально-семантического анализа речевых актов. Репрезентативы, в зависимости от типа перформативного глагола, лежащего в их основе, делятся на следующие группы: *сообщения, констатации, утверждения, предположения* [106].

Три последних речевых акта отличаются друг от друга по степени уверенности адресата в сообщаемой информации. Констатируя некий факт, адресант использует пропозицию, которая является общепризнанной истиной. Утверждая что-то, адресант использует пропозицию, которая является истинной для него самого. Предполагая что-то, адресант допускает, что передаваемая им пропозиция может быть ложной.

Следует отметить, что предложенная субклассификация основана на учете локутивных характеристик речевых актов, так как представленные выше речевые акты отличаются друг от друга модальным компонентом, т. е. своей локутивной составляющей.

А.Г. Поспелова, последователь Л.П. Чахоян, предложила разделить речевые акты каждой группы в зависимости от того, является ли эмоциональный компонент обязательным или нет. В соответствии с этим она делит все речевые акты на простые и слитные.

В свою очередь, Т.Е. Янко определяет речевые акты, подобные «слитным», как речевые акты с вторичной иллокуцией. Под вторичными речевыми актами Т.Е. Янко понимает акты, образованные на основе неязыковых интонационных средств. Она отмечает, что вторичные речевые акты накладываются на основные и выражаются в композиции с ними [115, с. 486].

Следует отметить, что классификация, предложенная Т.Е. Янко, одна из немногих классификаций, в которой учитываются фонетические характеристики речевых актов.

Наиболее подробная классификация речевых актов была представлена В.В. Богдановым, и построена она по дихотомическому принципу. Исследователь выделяет два наиболее крупных класса речевых актов: институциональные (ритуальные) и неинституциональные (неритуальные).

К институциональным речевым актам отнесены декларативы, поскольку, несмотря на отсутствие у них иллокутивной силы, они все же составляют «лингвистическую часть ритуала» (Богданов 1989).

Неинституциональные речевые акты подразделяются на побуждающие и непобуждающие. Побуждающие речевые акты классифицируются на основании того, кто из коммуникантов должен совершить действие. Побуждение, направленное адресантом на самого себя, является комиссивом. Если к действию побуждается адресат, то следует говорить о директивных речевых актах, которые делятся на информационно-побудительные (или интеррогативы), когда от адресата требу-

ется получить некоторую информацию, и неинформационно-побудительные. На основании признака «соотношение социальных статусов коммуникантов» последние делятся на *инъюнктивы* (побудительные речевые акты, основанные на власти или более высоком социальном положении адресанта) и на группу побудительных речевых актов, для которых признак высокой социальной позиции адресанта не является релевантным. В эту группу входят реквестивы (речевые акты, выгодные адресанту) и адвисивы (речевые акты, выгодные адресату). К реквестивам относятся просьбы, мольбы, заклинания. Адвисивы включают в себя советы, рекомендации, предложения, приглашения. К классу непобуждающих речевых актов В.В. Богданов относит *экспрессивы* (психологически выражающие речевые акты) и *ассертивы* – непсихологически выражающие речевые акты. По характеру сообщаемой информации ассертивы делятся на *констативы*, т. е. речевые акты, содержащие уже известную информацию, и *аффирмативы*, посредством которых адресату сообщается новая (с точки зрения адресанта) информация.

К достоинству такой классификации относится возможность дальнейшего ее членения на подклассы в той степени, в которой это необходимо для выполнения задач конкретного исследования. Именно данная классификация положена в основу нашей классификации речевых актов.

Следует также отметить, что в качестве первого критерия разграничения речевых актов В.В. Богданов предлагает социолингвистический критерий.

Впоследствии производились попытки учета различных социолингвистических характеристик речевых актов. Так, В.И. Карасик уделяет особое внимание статусным отношениям. В своей классификации он последовательно применяет три социолингвистических критерия:

- 1) маркированность статуса,
- 2) фиксированность статуса,
- 3) вектор статуса.

На первой ступени речевые акты делятся на статусно-маркированные и статусно-нейтральные.

На второй ступени статусно-маркированные речевые акты делятся на статусно-фиксированные и статусно-лабильные.

На третьей ступени статусно-фиксированные речевые акты делятся на речевые акты с нисходящим и с восходящим вектором [48].

В представленной классификации речевые акты анализируются преимущественно с позиции социолингвистики.

Дальнейшее развитие вопроса рассмотрения речевых актов связано с принятием во внимание не только интенций адресанта, но и роли адресата.

Одна из первых таких классификаций была представлена М. Крекель, при составлении которой она делит все речевые акты по трем признакам:

- 1) ориентация на адресанта или на адресата;
- 2) ориентация на когнитивную, интерактивную или акциональную сферу;
- 3) ориентация на настоящее, прошлое или будущее [163, с. 188].

Несмотря на то, что в рамках представленной классификации определенным образом учитывается роль адресата, она нуждается в доработке, так как представлены не все классы речевых актов.

В классификации немецкого лингвиста У. Энгеля, который также учитывает роль адресата, классы речевых актов представлены более подробно. При построении классификации речевых актов он основывается на последовательном применении трех критериев:

- 1) ориентация на адресанта или на адресата;
- 2) изменение сознания или поведения (относится только к иллокутивным актам, ориентированным на адресата);
- 3) вектор регуляции (относится только к регулирующим иллокутивным актам).

Все речевые акты делятся на две большие группы.

Речевые акты, ориентированные на адресата

1. Речевые акты сообщения: согласие, отказ (полный отказ, отклонение, противоречие, исправление), обобщение, комментирование, парафраза и т. д.

2. Регулирующие речевые акты:

- а) поведение говорящего – обещание;
- б) поведение партнера: побуждение, повеление, совет, упрек, брань, предупреждение, предостережение, вопрос и т. д.;
- в) поведение обоих: предложение, угроза и т. д.;
- г) поведение всех коммуникантов: желание, оповещение, благовещение и т. д.

3. Контактустанавливающие речевые акты: благодарность, извинение, поздравление, соболезнования, подчеркивание, одобрение и т. д.

Речевые акты, ориентированные на адресанта: брань, изумление, смирение, отчаяние [143].

Следует отметить, что даже многоуровневые классификации речевых актов являются иллюкутивно-ориентированными, это обусловлено тем, что иллюкутивный акт является ядерным структурным компонентом речевого акта.

Классификация речевых актов

В данном исследовании мы интегрировали имеющиеся классификации речевых актов и обозначали критерии, которые легли в основу разделения речевых актов на классы. Таким образом, мы разработали достаточно полную классификацию речевых актов.

В качестве первого критерия необходимо ввести *социологический критерий*, поскольку речевые акты в своей совокупности репрезентируют разные стороны человеческой деятельности, для которой релевантны социальные роли участников коммуникации. В результате на первой ступени речевые акты делятся на *институциональные* и *неинституциональные*.

На второй ступени все речевые акты можно классифицировать по критерию их воздействия на сознание и поведение, в результате чего происходят определенные изменения в данных областях человеческой деятельности. Этот критерий мы предлагаем назвать *критерием деятельности*. Представленный критерий нашел отражение также и в классификации иллюкутивных актов Дж. Серля, он охарактеризовал его как различие в направлении приспособления между словом и миром. Неинституциональные речевые акты в соответствии с рассматриваемым критерием можно разделить на следующие классы: *информирующие, регулирующие, контактоустанавливающие* (табл. 1).

Таблица 1

Классификация речевых актов по социологическому и деятельностному критериям

I ступень – социологический критерий	Неинституциональные			Институциональные
II ступень – критерий деятельности	информирующие	регулирующие	контактоустанавливающие	декларативы

Информирующие речевые акты

Информирующие речевые акты представлены репрезентативами. Речевые акты рассматриваемого класса направлены на изменение сознания, по Х. Хаверкате или по Дж. Серлю, приспособляют слово к миру.

Речевые акты представленного класса на третьей ступени по степени уверенности адресата в сообщаемой информации можно разделить на три группы: *констатацию, утверждение, предположение*.

На четвертой ступени они классифицируются в соответствии с критерием эмоциональности, при этом выделяются:

– *простые речевые акты*: констатация, утверждение, предположение;

– *слитные речевые акты*: жалоба (утверждение + эмоциональный компонент, такой как гнев, неудовольствие или страдание), упрек (констатация + эмоциональный компонент, такой как недовольство или раздражение как слабая степень гнева), проклятия (констатация + эмоциональный компонент), обвинение (утверждение + утверждение о чьей-то вине, обида) (табл. 2).

Таблица 2

Классификация информирующих речевых актов

Информирующие речевые акты		
III ступень – когнитивный критерий	Констатация, утверждение, предположение	
IV ступень – критерий эмоциональности	Простые	Слитные
	Констатация, утверждение, предположение	Жалоба, упрек, проклятия, обвинение

Регулирующие речевые акты

Регулирующие речевые акты направлены на изменение поведения, по Х. Хаверкате или по Дж. Серлю, приспособляют мир к слову.

Регулирующие речевые акты на третьей ступени, в соответствии с бихевиористским критерием, по виду вектора направленности регулирования поведения можно разделить относительно того, регулируют они поведение адресата или поведение адресанта:

– *директивы* – речевые акты, регулирующие поведение адресата;

– *комиссивы* – речевые акты, регулирующие поведение адресанта;

– *пропозитивы* – речевые акты, регулирующие как поведение адресата, так и поведение адресанта (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Классификация регулирующих речевых актов

Регулирующие			
III ступень – критерий бихевиористский	Директивы	Коммиссивы	Пропозитивы

В дальнейшем для классифицирования регулирующих речевых актов применяются специфические критерии, общим является только критерий эмоциональности. Рассмотрим каждый из приведенных типов речевых актов более подробно.

1. Директивы на четвертой ступени можно разделить на *информационно-побудительные* (или интеррогативы), когда от адресата требуется получить некоторую информацию, и на *неинформационно-побудительные* (реквестивы).

На пятой ступени и те и другие речевые акты делятся по *направленности выгоды*:

– неинформационно-побудительные речевые акты подразделяются на *инъюнктивы* (речевые акты, исполнение действий которых выгодно адресанту) и на *адвисивы* (речевые акты, исполнение действий которых выгодно адресату);

– интеррогативы также делятся на те, ответ на которые будет выгоден адресату, и на те, ответ на которые будет выгоден адресанту.

На шестой ступени речевые акты данных классов классифицируются по интенсивности иллокутивной силы. При этом выделяют следующие виды речевых актов:

– *инъюнктивы*: приказ, требование, просьба, запрет;

– *адвисивы*: позволение, предостережение, предупреждение, совет;

– *интеррогативы*: запрос определенной информации, запрос неопределенной информации.

На седьмой ступени вышеназванные речевые акты классифицируются по критерию эмоциональности. При этом выделяют следующие виды речевых актов:

а) *инъюнктивы*:

– простые: приказ, требование, просьба, запрет;

– слитные: угроза (приказ или запрет + эмоциональный компонент, такой как гнев, недовольство или нежелание адресата выполнить ди-

ректив + сопутствующий иллюкутивный акт, который констатирует действие, при выполнении которого угроза не будет осуществлена), упрек (просьба + эмоциональный компонент, такой как недовольство или раздражение как слабая степень гнева);

б) *адвисивы*:

– простые: позволение, предостережение, предупреждение-совет;

– слитные: упрек (совет + эмоциональный компонент, такой как недовольство или раздражение как слабая степень гнева);

в) *интеррогативы*:

– простые – запрос информации;

– слитные: вопрос-переспрос (побуждение к верификации или идентификации + эмоциональный компонент, такой как удивление или гнев) (табл. 4).

Таблица 4

Классификация директивов

IV ступень – критерий информационный	Реквестивы				Интеррогативы			
V ступень – бенефициальный критерий	Инъюнктивы		Адвисивы		Интеррогативы, выгодные адресату		Интеррогативы, выгодные адресанту	
VI ступень – критерий интенциональности	Приказ, требование, просьба, запрет		Позволение, совет, предостережение, предупреждение		Запрос определенной информации, запрос неопределенной информации			
VII ступень – критерий эмоциональности	Простые	Слитные	Простые	Слитные	Простые	Слитные	Простые	Слитные
	Приказ, требование, просьба, запрет	Угроза, упрек, брань	Позволение, совет, предостережение, предупреждение	Упрек	Вопрос	Вопрос-переспрос	Вопрос	Вопрос-переспрос

2. Комиссивы на четвертой ступени классифицируются по критерию выгодности: на *промиссивы* (выполнение действия, предписанного данным речевым актом, является выгодным для адресата) и на *менасивы* (выполнение действия, предписанного данным речевым актом, приносит вред адресату).

Промиссивы и менасивы на пятой ступени классифицируются по степени ответственности, взятой на себя адресантом. Выделяются следующие виды рассматриваемого класса речевых актов: *обещание* (угроза), *гарантия*.

На шестой ступени, по критерию эмоциональности, анализируемые речевые акты разделяются следующим образом:

- *простые*: гарантия, обещание (угроза);
- *слитные* – клятва (обещание + эмотивный компонент) (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Классификация комиссивов

IV ступень – бенефициальный критерий	Промиссивы		Менасивы	
V ступень – критерий ответственности	Гарантия, обещание		Угроза	
VI ступень – критерий эмоциональности	Простые	Слитные	Простые	Слитные
	Гарантия, обещание	Клятва	Угроза	Клятва

3. Пропозитивы на четвертой ступени классифицируются по критерию выгоды *на предложения, выгодные адресанту; предложения, выгодные адресату, и на предложения, выгодные обоим коммуникантам* (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Классификация пропозитивов

IV ступень – бенефициальный критерий	Предложения, выгодные адресанту; предложения, выгодные адресату; предложения, выгодные обоим коммуникантам
--------------------------------------	--

Контактоустанавливающие речевые акты

К контактоустанавливающим речевым актам принадлежат экспрессивы. Вопрос о том, изменяют ли они сознание или поведение, не имеет однозначного ответа, так как их цель заключается в том, «чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [86, с. 182]. И хотя, согласно Дж. Серлю, экспрессивы не имеют направления приспособления, мы разделяем точку

зрения Х. Хаверкате, который утверждает, что контактоустанавливающие речевые акты одновременно приспособливают и мир к слову, и слово к миру, а следовательно, направлены на изменение как сознания, так и поведения [155, с. 15].

Экспрессивы на *третьей ступени* классифицируются по критерию стандартизованности на *экспрессивы со стандартной формой выражения* и на *экспрессивы без стандартной формы выражения*.

Экспрессивы на четвертой ступени можно разделить в зависимости от выражаемого психологического состояния на следующие группы:

– *экспрессивы со стандартной формой выражения*: приветствие, прощание, благодарность, извинение, поздравление, пожелания, соболезнования, тосты;

– *экспрессивы без стандартной формы выражения* – *эмотивы*.

Эмотивы – это речевые акты, выражающие различные виды эмоций. Они выражаются с помощью либо регулирующих, либо информирующих речевых актов. Основными (хотя и необязательными) средствами их выражения является восклицательный знак на письме и интонация в устной речи (табл. 7).

Таблица 7

Классификация контактоустанавливающих речевых актов

Контактоустанавливающие речевые акты		
III ступень – критерий стандартизованности	Экспрессивы со стандартной формой выражения	Экспрессивы без стандартной формы выражения
IV ступень – критерий кондициональности	Приветствие, прощание, извинение, благодарность, тосты, поздравление, пожелания, соболезнования	Эмотивы

Институциональные речевые акты (декларативы)

Наиболее релевантным критерием при классифицировании декларативов является *бихевиористский критерий*. В результате на *третьей ступени* по виду направленности регулирования поведения декларативы можно разделить относительно того, чью позицию они регулируют:

– *регулирующие позицию адресанта* (торжественные клятвы, присяга);

– *регулирующие позицию адресата* (формальные приказы);
 – *регулирующие позицию как адресанта, так и адресата* (указы)
 (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Классификация декларативов

Декларативы			
III ступень – критерий би-хевиористский	Торжественные клятвы, присяга	Формальные приказы	Указы

Институциональные речевые акты в силу своей «ритуальной» природы не могут транспонироваться в косвенные речевые акты, так как обладают стандартной формой выражения и не допускают каких-либо существенных отклонений от нее. Поэтому наше дальнейшее исследование охватит только неинституциональные речевые акты с их дальнейшим подразделением. Выделяются следующие группы иллокутивных актов: 1) *репрезентативы*, 2) *реквестивы*, 3) *интеррогативы*, 4) *комиссивы*, 5) *пропозитивы*, 6) *экспрессивы*.

1.2. СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

Главной проблемой при описании структуры коммуникативного акта является отделение его компонентов от внешних характеристик речевого акта. Как было сказано выше, составляющие коммуникативного акта привязаны к речевому акту, в то время как внешние характеристики существуют независимо от конкретного речевого акта. Это и является для нас основным критерием для разграничения компонентов коммуникативного акта и внешних составляющих речевого акта.

Следует отметить, что большинство ученых, занимающихся вопросами теории коммуникации, не проводит данного разделения. На наш взгляд, такое разделение необходимо, так как мы имеем дело с разными явлениями, хотя они и тесно связаны друг с другом.

В рамках теории коммуникации написано огромное количество трудов, посвященных самым разнообразным вопросам. В данной работе мы изложим лишь те положения, которые необходимым для определения структуры коммуникативного акта.

В теории коммуникации используются следующие основные понятия:

- *процесс коммуникации* – непрерывный процесс общения с кем-либо или чем-либо;
- *коммуникативное событие* (например, лекция) – фрагмент процесса коммуникации, объединенный единой задачей, местом и временем;
- *коммуникативное единство* (например, вопрос – ответ) – взаимозависимая последовательность коммуникативных актов;
- *коммуникативный акт* – минимальная единица речевого взаимодействия говорящих, определяемая интенциями и стратегией достижения цели общения.

Коммуникативные модели

Существует множество коммуникативных моделей, большинство из которых основано на модели, предложенной Р.О. Якобсоном (рис. 1).

Рис. 1. Коммуникативная модель Р.О. Якобсона

Основываясь на представленной модели, Р.О. Якобсон выделяет шесть функций речевой коммуникации: 1) эмотивную, 2) конативную, 3) фатическую, 4) реферативную, 5) поэтическую, 6) метаязыковую.

Каждая функция связана с тем или иным участником или элементом коммуникации. *Эмотивная функция* связана с адресантом и имеет целью выражение его отношения к тому, что он говорит. *Конативная функция* отражает ориентацию на адресата. *Фатическая функция* направлена на контакт, для нее важна не передача информации, а поддержание контакта. *Реферативная функция* связана с контекстом высказывания и представляет собой отсылку на объект, о котором идет речь в сообщении. *Поэтическая функция* направлена на само сообщение. *Метаязыковая функция* связана с кодом (теория языка и коммуникации представляют собой метаязык для описания коммуникативного процесса) [114].

Следует отметить, что данная модель является, по сути, интерпретацией математической коммуникативной модели Шеннона, которая

включает пять элементов: источник информации, передатчик, канал передачи, приемник и конечную цель. Модернизированный вариант данной модели включает еще два компонента: сообщение и шум.

Г.Г. Почепцов приводит две семиотические модели коммуникации, которые вносят важные дополнения к модели Якобсона.

Первая модель была составлена выдающимся отечественным лингвистом Ю.М. Лотманом. Он отмечает, что у адресанта и адресата не может быть абсолютно одинаковых кодов, так как при полном их подобии исчезает потребность в коммуникации вообще: им просто становится не о чем говорить друг с другом. Кроме того, Ю.М. Лотман выделяет две модели коммуникации: «Я – Он» и «Я – Я». Последняя модель описывает случаи автокоммуникации [58].

Вторая модель была предложена итальянским семиотиком У. Эко, который расширил модель Р.О. Якобсона. Данная модель коммуникации представлена на рис. 2.

Рис. 2. Коммуникативная модель У. Эко

Данная модель коммуникации дополнена понятиями лексикодов, под которыми У. Эко понимает различные дополнительные коннотативные значения, которые известны не всем, а только лишь части аудитории [113, с. 74].

На наш взгляд, нельзя также оставить без внимания модель коммуникации Ю. Кристевой, которая расширяет стандартную пару коммуникантов «адресант – адресат» до «адресант – адресат – другие» [56]. Важно отметить, что под «другими» имеются в виду те участники коммуникации, на которых не направлен конкретный речевой акт.

При этом во многих случаях не существует строгого разделения между сторонами, т. е. в определенные моменты коммуникации «другие» могут как включаться в «адресата» или заменять его, так и становиться «адресантом» определенных речевых актов.

Кроме того, данная модель коммуникации является частным вариантом модели Якобсона, так как сторона «другие» может отсутствовать в той или иной коммуникативной ситуации. Адресант и адресат же являются обязательными сторонами коммуникативного процесса даже в случаях автокоммуникации (в подобных случаях адресат равен адресанту).

Тем не менее значимость введения коммуникативной стороны «другие» сложно переоценить, так как она позволяет по-новому взглянуть на некоторые проблемы в рамках процесса коммуникации. Так, представленный коммуникативный треугольник помогает нам анализировать те случаи не прямой коммуникации, в которых происходит прагматический сдвиг в модели коммуникации (например, аллокутивный компонент коммуникативного акта на глубинном уровне направлен на «других», в то время как сам речевой акт и аллокутивный компонент поверхностного уровня направлен на «адресата»). Например:

Leonard: 1) *Howard, come on;* 2) *I didn't plan on this;* 3) *These things just happen;* 4) *Usually not to me;* 5) *but they do happen.*

Howard (to Raj and Sheldon): 6) ***Did someone just feel a cold breeze?*** [L.-S. E.]

В приведенном текстовом фрагменте Ховард сказал Леонарду, что тот для него больше не существует, и он не будет с ним впредь разговаривать. Речевой акт (6) и его аллокутивный компонент на поверхностном уровне направлены на Раджа и Шелдона. Формально аллокуцию можно трактовать как желание адресанта узнать определенную информацию. Реально же аллокутивный компонент направлен на Леонарда; Ховард хочет убедить Леонарда в том, что он действительно для него больше не существует.

В подобных ситуациях можно говорить о том, что коммуникативный акт имеет разных «адресатов» на поверхностном и на глубинном уровне. При этом в большинстве подобных случаев формальное разграничение коммуникативных сторон «адресата» и «других» носит принципиальный характер в отличие от тех ситуаций, где не происходит прагматического сдвига в коммуникативной модели.

Итак, определив модель коммуникации, в которой реализуется коммуникативный акт, самое время приступить к анализу компонентов коммуникативного акта. Для этого необходимо рассмотреть, как различные элементы коммуникации реализуются в коммуникативном акте.

Компоненты адресанта в коммуникативном акте

Данный аспект коммуникативного акта является наиболее изученным, это во многом обусловлено тем, что на протяжении долгого времени в лингвистике исследовались преимущественно характеристики адресанта, в то время как характеристикам адресата не уделялось должного внимания. Эта ситуация объясняется прежде всего тем, что именно адресант порождает коммуникативный акт и выбирает канал, код, сообщение и адресата коммуникативного акта. Выделяются следующие компоненты адресанта в коммуникативном акте.

1. Аллокутивный акт

Аллокутивный акт – это акт, в котором выражается намерение адресанта достигнуть какой-либо цели посредством говорения. Следует отметить, что сразу несколько аллокутивных актов могут быть реализованы посредством одного речевого акта. Рассмотрим, например, такой тип речевого акта, как комплимент. Аллокуция данного речевого акта может быть разной: адресант хочет понравиться адресату; адресант хочет убедить адресата сделать что-то; адресант хочет вызвать раздражение адресата, так как знает, что адресат не любит комплименты, считая их лестью; адресант хочет удержать внимание адресата (цель может быть различна) и т. д. Также адресант может одновременно реализовывать несколько из вышеперечисленных аллокуций.

Аллокуция становится однозначной только в том случае, если она непосредственно выражена в речевом акте. В большинстве же случаев аллокутивный акт не находит прямого выражения в речевом акте. Тем не менее иногда аллокутивный акт все же может быть выражен в соответствующем речевом акте, что говорит о тесной связи аллокутивного акта с речевым.

Исследование аллокутивного акта представляется нам достаточно перспективным для различных областей лингвистики. Так, например, лингвистическая экспертиза текста зачастую направлена именно на доказательство того, что адресант в своем высказывании выразил ту или иную аллокуцию.

2. *Функции коммуникативного акта*

Мы считаем оправданным ограничение общего количества функций теми шестью, которые выделил Р.О. Якобсон. При этом надо отметить, что хотя Р.О. Якобсон привязал к каждому элементу модели коммуникации определенную функцию, все эти функции задаются адресантом коммуникативного акта. Следовательно, функции коммуникативного акта являются компонентами адресанта.

Компоненты адресата и контакта в коммуникативном акте

В последние десятилетия интерес к роли адресата в построении процесса коммуникации все возрастает. Это объясняется тем, что успешность коммуникации во многом зависит от правильной интерпретации адресатом коммуникативных компонентов адресанта.

Мы решили рассмотреть две составляющие коммуникативного акта вместе по той причине, что они, на наш взгляд, являются тесно связанными друг с другом.

В последнее время появляется все больше и больше работ, посвященных роли адресата в коммуникации. Выделяются следующие компоненты адресанта в коммуникативном акте.

1. *Перлокутивный акт*

Перлокутивный акт – это акт интерпретации адресатом аллокутивного акта. Следует отметить, что перлокутивный акт не менее, а во многих случаях даже и более (например, в тех случаях, когда выполнение действия зависит от адресата) значим, чем аллокутивный акт. Адекватность интерпретации адресатом аллокутивного акта адресанта зависит прежде всего от схожести наборов пресуппозиций и импликатур участников коммуникации. Важным также является вопрос соотношения аллокуции и перлокуции. Мы выделили следующие случаи возможных отношений.

1.1. Адресант хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. Адресат правильно интерпретирует аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает поставленной цели. Например:

Sheldon: 1) I'm sorry, but I'm not going to watch The Clone Wars TV series 2) until I've seen The Clone Wars movie. 3) I prefer to let George Lucas disappoint me in the order he intended.

Leonard: 4) I want to watch it now.

*Sheldon: 5) **Then I believe we've arrived at another quintessential rock-paper-scissors-lizard-Spock moment.***

*Leonard: 6) **Watch whatever you want** [L.-S. E.].*

В представленном примере Шелдон хочет убедить Леонарда переключить канал. Леонард правильно интерпретирует аллокуцию Шелдона, отказываясь при этом совершить запрашиваемое действие. В дальнейшем Шелдон все же добивается поставленной цели.

1.2. Адресант хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. Адресат не интерпретирует правильно аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция не равна перлокуции, при этом адресант не достигает своей цели. Например:

*Penny: 1) **I always say when one door closes, another one opens.***

*Sheldon: 2) **No, it doesn't,** 3) **Not unless the two doors are connected by relays – 4) or there are motion sensors involved.***

*Penny: 5) **No, I meant...***

*Sheldon: 6) **Or if the first door closing creates a change of air pressure 7) that acts upon the second door.***

*Penny: 8) **Never mind** [L. F. E.].*

Первый коммуникант хочет преобразовать негативное психологическое состояние второго коммуниканта в позитивное, но последний неправильно расшифровывает как аллокуцию коммуникативного акта (считая, что целью первого коммуниканта является утверждение определенной пропозиции), так и его локуцию (понимая смысл буквально).

1.3. Адресант не хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. Адресат правильно интерпретирует аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает своей цели. Например:

*Missy: 1) **Hi, Leonard;** 2) **What's up?***

*Leonard: 3) **Since you're leaving tomorrow;** 4) **I was wondering if you'd like to go to dinner with me.***

*Missy: 5) **That's so sweet;** 6) **But no thanks.***

*Leonard: 7) **Do you have other plans or...***

*Missy: 8) **No.***

*Leonard: 9) **All right;** 10) **Enjoy the rest of your evening.***

*Missy: 11) **Thanks** [P. C. I.].*

В представленном примере целью Леонарда является соблазнение Мисси, при этом он не хочет, чтобы девушка догадывалась о его цели, так как экспликация данной цели во многих случаях значительно уменьшает шансы адресанта на успех. Девушка сразу же догадывается о намерениях Леонарда и не соглашается идти с ним на ужин.

1.4. Адресант не хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. Адресат не интерпретирует правильно аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция не равна перлокуции, при этом адресант либо добивается, либо не добивается своей цели. Например:

Howard: 1) ***Howard Wolowitz, Caltech department of applied physics;*** 2) ***You may be familiar with some of my work.*** 3) ***It's currently orbiting Jupiter's largest moon taking high-resolution digital photographs.***

Penny [pause]: 4) *I work at The Cheesecake Factory* [P.].

В приведенном примере Ховард пытается соблазнить Пенни, рассказывая ей о своих достижениях. В данном случае адресанту не удастся добиться своей цели, так как адресат не способен оценить ценность фактов, которые предоставляет ей адресант.

1.5. Коммуникативный акт имеет поверхностную и глубинную аллокуцию. Адресант хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал поверхностную аллокуцию коммуникативного акта. Адресат интерпретирует поверхностную аллокуцию коммуникативного акта. Перлокуция равна поверхностной аллокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает своей цели. Например:

Sheldon: 1) *This is great.* 2) *Look at me.* 3) *I'm in the real world of ordinary people just living their ordinary, colorless workday lives.*

Penny: 4) ***Thank you.***

Sheldon: 5) *Thank you* [L. F. E.].

Речевые акты экспрессивы со стандартной формой выражения имеют закрепленную за ними иллокуцию и аллокуцию. В анализируемом примере мы имеем дело с речевым актом благодарности, поверхностной аллокуцией которого является формирование положительного психологического состояния адресата по отношению к адресанту. Глубинной аллокуцией является выражение негативного психологического состояния (в данном случае насмешка) адресанта по отношению к адресату. Первый не хочет, чтобы адресат правильно проинтерпретировал глубинную аллокуцию, так как это усилит эффект насмешки.

Обычно подобные коммуникативные акты имеют место при наличии стороны «другие». В данном примере мы имеем дело с частичной автокоммуникацией.

1.6. Коммуникативный акт имеет поверхностную и глубинную аллокуцию. Адресант хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал поверхностную аллокуцию коммуникативного акта. Адресат интерпретирует глубинную аллокуцию коммуникативного акта. Перлокуция равна глубинной аллокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает своей цели. Например:

*Penny: 1) **Tip your waitresses; 2) I'm here all week.***

Sheldon: 3) Penny, just to save you from further awkwardness; 4) know that I'm perfectly comfortable with the two of us climbing the stairs in silence.

Penny: 5) Oh, yeah ok, me too [С.-Н. Р.].

В приведенном примере поверхностной аллокуцией адресанта является формирование положительного психологического состояния адресата при помощи шутки. На глубинном уровне адресант хочет избежать молчания, так как считает его неловким в данной ситуации. На самом деле адресанта не волнует психологическое состояние адресата. Последний правильно интерпретирует глубинную аллокуцию адресанта и говорит, что нет нужды избегать молчания.

Число отношений возрастает в шесть раз, если имеет место трехсторонняя модель коммуникации «адресант – адресат – другие». На примере первого вида отношений аллокуции и перлокуции рассмотрим, каким образом происходит данное увеличение числа отношений:

1.1(a) Адресант хочет, чтобы и адресат, и другие правильно интерпретировали аллокуцию коммуникативного акта. И адресат, и другие правильно интерпретируют аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает своей цели. Например:

Howard: 1) Hey, look who's come.

Sheldon's mother: 2) You'll spook him; 3) He's like a baby deer.

4) You got to let him come to you [L. F. E.].

В представленном примере мама Шелдона просит Ховарда не обращать внимания на Шелдона. Подразумевается, что другие сделают то же самое. Она хочет, чтобы Шелдон присоединился к их компании. Адресат и другие правильно интерпретируют аллокуцию адресанта и молчат. При этом адресант добивается своей цели.

1.1(б) Адресант хочет, чтобы и адресат, и другие правильно интерпретировали аллокуцию коммуникативного акта. Только адресат правильно интерпретирует аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант не достигает своей цели. Например:

Howard: 1) Is she doing it one thing at a time, 2) or does she throw it all like some sort of erotic bouillabaisse?

*Penny (to Leonard): 3) **He really needs to dial it down.***

Leonard: 4) I know [D. P.].

Пенни не нравится поведение Ховарда, она считает его сексуально озабоченным. Она не хочет, чтобы Ховард в дальнейшем вел подобные разговоры и говорит об этом Леонарду. При этом Леонард соглашается с Пенни, а из дальнейшего поведения Ховарда становится очевидным, что он неправильно интерпретировал аллокуцию Пенни, так как он продолжит вести подобные разговоры, считая, что они нравятся Пенни.

1.1(в). Адресант хочет, чтобы только адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. И адресат, и другие правильно интерпретируют аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант не достигает своей цели. Следует отметить, что в подобных случаях другие являются нежелательным участником коммуникативного процесса. Например:

Mahoney: 1) Tack, you've been with women before.

Tackleberry: 2) Well, I...

Mahoney: 3) You've had one woman before.

Tackleberry: 4) Well, not really.

Mahoney: 5) I've seen you walking with girls.

Tackleberry: 6) To be precise...

Mahoney: 7) You're 28 years old. 8) You're a man of the world...

*Tackleberry: 9) **Mahoney, I'm a virgin!** (to others) 10) Go about your business. 11) Or I'll crack some heads! [P. A. 2].*

В приведенном примере адресант признается адресату в том, что он девственник. Действие происходит в шумном баре, поэтому адресант думает, что другие не услышат это признание. На деле же, когда адресант сообщает адресату о том, что он девственник, в баре воцаряется молчание. Адресант понимает, что все услышали его признание, и он начинает угрожать присутствующим. В рассматриваемом случае сторона «другие» является нежелательным участником коммуникации,

т. е. адресант не хочет, чтобы другие становились участником коммуникативного акта.

1.1(г). Адресант хочет, чтобы только адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. Только адресат правильно интерпретирует аллокуцию коммуникативного акта. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает своей цели.

Howard: 1) *My last name is Wolowitz.*

Christie: 2) *That's so cool.* 3) *My first Jew.*

Sheldon (to Penny): 4) ***I imagine there aren't very many Kosher Cornhuskers*** [D. P.].

В данном примере Шелдон сообщает Пенни о том, что он негативно относится к Кристи, считая ее легкодоступной женщиной. Только Пенни правильно интерпретирует аллокуцию Шелдона, так как наедине с ней он уже выражал свое негативное отношение к Кристи. Другие не могут интерпретировать правильно аллокуцию Шелдона, так как без контекста очень сложно понять смысл высказывания.

1.1(д). Адресант хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. Для адресанта не имеет никакого значения, как аллокуцию интерпретируют другие. И адресат, и другие правильно интерпретируют аллокуцию. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает своей цели.

Penny: 1) *If you guys need a fourth,* 2) *I'll play.*

Leonard: 3) *Great idea.*

Sheldon (to Leonard): 4) ***No.*** 5) ***The wheel was a great idea,*** 6) ***relativity was a great idea.*** 7) ***This is a notion,*** 8) ***and a rather sucky one at that.***

Penny: 9) *Why?* [D. P.]

Шелдон не хочет играть вместе с Пенни, о чем и сообщает Леонарду, который хочет принять Пенни в свою команду. Его аллокуция правильно проинтерпретирована всеми участниками коммуникации.

1.1(е). Адресант хочет, чтобы адресат правильно интерпретировал аллокуцию коммуникативного акта. Для адресанта не имеет никакого значения, как аллокуцию интерпретируют другие. Только адресат правильно интерпретирует аллокуцию. Аллокуция равна перлокуции, при этом адресант либо достигает, либо не достигает своей цели. Например:

Sheldon (to Leonard): 1) ***I don't know your odds are in the world as a whole,*** 2) ***but as far as the population of the car goes,*** 3) ***you're a veritable mack daddy*** (P.).

В анализируемом примере Шелдон критикует коммуникантов, находящихся с ним в одной машине. Другие не интерпретируют аллокуцию Шелдона вообще, так как каждый занят своим делом. Только Леонард правильно интерпретирует аллокуцию Шелдона.

2. *Интерпретирующий акт*

Интерпретирующий акт – это интерпретация адресатом речевого акта адресанта. Необходимость изучения интерпретирующих актов обусловлена тем, что интерпретирующие акты, по сути, составляют одно коммуникативное единство с речевым актом. При этом в идеальном варианте речевой и интерпретирующий акты должны полностью совпадать.

Для реальной коммуникации мы предлагаем следующую формулу: *чем больше интерпретирующий акт совпадает с речевым актом, тем адекватнее процесс коммуникации.*

Лингвисты начали изучать интерпретирующие акты в конце 80-х годов. Одним из первых проблемой интерпретирующих актов занялся американский лингвист У.В. Харрис. Он отметил, что для успешной реализации конкретного коммуникативного акта определяющую роль играет разница в контекстуальной базе коммуникантов необходимой для интерпретации соответствующего речевого акта. Следовательно, чем больше эта разница, тем больше вероятность коммуникативной неудачи [152].

Некоторые лингвисты, например Э.Д. Хирш, Дж.Юл и др. придерживаются той позиции, что интерпретируемый речевой акт содержит все теоретически возможные значения, а адресат выбирает то значение, которое он считает подходящим.

Мы придерживаемся той позиции, что речевой акт адресанта, безусловно, воспринимается адресатом в виде набора возможных значений, но эти значения основаны на знаниях адресата, поэтому эти знания и ограничивают количественный потенциал значений речевого акта. Так, теоретически речевой акт может содержать ряд значений, которые адресат может и не привязывать к данному речевому акту.

Следует также отметить, что интерпретирующий акт в большинстве случаев имплицитован, но иногда он может находить выражение в речи. Это касается ситуаций, когда адресат уточняет значение того или иного речевого акта адресанта. Таким образом, адресат показывает, как он проинтерпретировал речевой акт адресанта. Например:

1: 1) *I need a diversion*; 2) *I need to get rid of those guys in the carpet car.*

Lula: 3) Do you mean you want to get rid of them? 4) Or do you mean you don't want them following you?

I: 5) I don't want them following me².

В данном примере речевые акты (3) и (4) являются интерпретирующими актами речевого акта (2). Адресат проверяет, какая из двух возможных интерпретаций является верной.

Компоненты сообщения в коммуникативном акте

Большинство компонентов сообщения коммуникативного акта принадлежит также и речевому акту. Самым значимым компонентом сообщения, не входящим в состав речевого акта, являются свойства сообщения. Данная группа напрямую зависит от интенций и целей адресанта. Поэтому, на наш взгляд, оптимальным будет разбить все свойства сообщения на три группы.

1. Информационные свойства

Свойства рассматриваемой группы связаны с особенностями передачи информации. Данная группа свойств включает обширный набор частных свойств. Так, например, одним из свойств редуцированных речевых актов является их емкость, т. е. при помощи одного эксплицитно выраженного речевого акта может быть передан смысл двух. Употребление подобных речевых актов связано со стремлением адресанта к языковой компрессии по тем или иным причинам:

Vida: [Looking at her watch which lies on the dressing-table] (Implicit: What is the time?) My watch has stopped [N. Y. I].

Другим информационным свойством является неоднозначность, т. е. передаваемую адресантом информацию нельзя интерпретировать однозначно. Употребление подобных речевых актов может быть связано с желанием адресанта отказаться от своих слов при каких-либо неблагоприятных для него обстоятельствах. Например, если цель адресанта польстить адресату или похвалить себя, то адресант использует неоднозначные речевые акты, для того чтобы снизить вероятный урон своей репутации:

– How could you catch balls so good? – Yeap, you're right! I really do it good. – You do.

² *Evanovich J. Hot Six: A Stephanie Plum Novel. – N.Y.: St. Martin's press, 1994. – 353 p.*

2. Воздействующие свойства

Одни и те же речевые акты в разных контекстах обладают разным воздействующим потенциалом. Причем это может касаться не только слов и предложений. Так, воздействие на адресата может выражаться путем отсутствия пунктуации в тексте. Например, в романе Дж. Джойса «Улисс» в последней главе автор умышленно избегает знаков препинания, для того чтобы показать непрерывность потока женского сознания:

Yes because he never did a thing like that before as ask to get his breakfast in bed with a couple of eggs since the City Arms hotel when he used to be pretending to be laid up with a sick voice doing his highness to make himself interesting for that old faggot Mrs Riordan that he thought he had a great leg of and she never left us a farthing all for masses for herself and her soul greatest miser ever was actually afraid to lay out 4d for her methyated spirit telling me all her ailments she had too much old chat in her about politics and earthquakes and the end of the world let us have a bit of fun first God help the world if all the women were her sort down on bathing suits and lownecks of course nobody wanted her to wear them I suppose [U].

Таким образом, отсутствие знаков препинания способствует усилению воздействия на адресата.

3. Фатические свойства

Свойства данной группы связаны с особенностями установления, поддержания и завершения контакта. Так, в разных коммуникативных ситуациях одни и те же речевые акты обладают разным эмфатическим потенциалом. Например, в следующем отрывке автор использует транслитерированные русские слова в тексте, написанном на английском языке, показывая тем самым свое восхищение Анной Чапман (тот вывод, что это именно восхищение, основан на последующем контексте):

*So much remains a mystery about the duplicitous and racy New York life of Anna Chapman, so let this be heard loud and clear: **Do svidanya, Anya. My uzhe skuchayem po tebe...** As stated in halting Russian above, goodbye Anna. We already miss you [N. Y. T.].*

Те же самые слова, но уже в русском тексте, обладают несравнимо меньшим эмфатическим потенциалом.

Важно отметить, что свойства сообщения не закреплены за речевым актом, они всегда реализуются только в рамках коммуникативного акта. Кроме того, один и тот же речевой акт может реализовывать

разные свойства одновременно. На наш взгляд, данный аспект коммуникативного акта заслуживает более пристального внимания и нуждается в тщательном исследовании.

Компоненты кода в коммуникативном акте

Для начала определим существующие виды кода. Ученые выделяют два основных вида кода:

1) *вербальные средства коммуникации*. Данные средства коммуникации можно разделить на письменные и устные;

2) *невербальные средства коммуникации*. К таким средствам коммуникации можно отнести изображения, физические предметы, конкретные действия, жесты и т. д. Традиционно невербальные средства в рамках теории коммуникации делят на две группы: первичные (система жестов, пантомима, мимика и т. д.) и вторичные (азбука Морзе, языки программирования и т. д.).

Говоря о коде как о составляющей коммуникативного акта, прежде всего следует отметить, что код конкретного коммуникативного акта всегда нужно соотносить с кодом контекста данного коммуникативного акта. Так, код одного коммуникативного акта может быть либо равен коду всего контекста, либо может быть противопоставлен коду контекста. В последнем случае код является коммуникативно значимым. Кроме того, следует отметить, что код контекста может быть разнородным на всем своем протяжении. Сообщения, закодированные последним способом, называются креолизованными.

Компоненты контекста в коммуникативном акте

Компоненты контекста высказывания исключаются нами из коммуникативного акта и относятся к внешним характеристикам речевого акта на том основании, что контекст высказывания со всеми его компонентами существует относительно независимо от конкретного речевого акта.

Глава 2

ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВОГО АКТА

Необходимость учета условий реализации речевых актов отмечалась основателем теории речевых актов Дж. Остином. Он подчеркивал значимость контекста / речевой ситуации для адекватной интерпретации речевых актов и указывал на то, что используемые слова должны в какой-то мере «объясняться контекстом», для которого они предназначены или в котором они были реально произнесены. Дж. Остин заключает, что речевой акт может иметь смысл только в определенной речевой ситуации [77].

Несмотря на постоянный поиск решений, проблема включения речевых актов в более широкий контекст так и не была полностью решена. Это обусловлено тем, что речевой акт рассматривался преимущественно как совокупность фонетического, локутивного и иллюкутивного актов, т. е. структурных компонентов речевого акта.

Для решения данной проблемы следует учитывать пространство реализации речевого акта, под которым мы понимаем совокупность различных отношений, в которые вступает речевой акт. Данные отношения составляют контекстуальное и текстовое пространства реализации речевого акта.

2.1. КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА

Контекстуальное пространство реализации речевого акта включает совокупность релевантных коммуникативных параметров ситуации и конвенциональных и коммуникативных импликатур.

Коммуникативные параметры ситуации

Основной задачей исследователей при анализе контекстуального пространства реализации речевого акта является определение коммуникативных параметров ситуации. Так, Дж. Серль и Д. Вандервекен

описывают контекст высказывания как единство пяти различных элементов (слушающий, говорящий, время, место и мир) и множество неразличимых. Кроме того, они отмечают важность правильного понимания психологического состояния адресанта для адекватной интерпретации речевого акта [88].

Основываясь на определении контекста высказывания, данного Дж. Серлем и Д. Вандервекеном, мы предлагаем выделять следующие релевантные коммуникативные параметры ситуации: количественные и качественные характеристики коммуникантов, локальные и темпоральные детерминанты, микро- и макрособытия. Кроме того, очень важным являются взаимоотношения коммуникативных характеристик коммуникантов.

Исследователи выделяют следующие основные количественные характеристики коммуникантов: пол, возраст, этническую и национальную принадлежность, антропометрические и физиологические характеристики человека.

В свою очередь, качественные характеристики коммуникантов включают: политические роли, семейное положение, психологическое состояние, идеологические убеждения, профессию, уровень образования, религиозные убеждения.

Существует два вида взаимоотношений, основанных на данных характеристиках: а) объективное взаимоотношение между характеристиками коммуникантов. Данное взаимоотношение касается всех количественных и качественных характеристик коммуникантов. Например, у коммуникантов могут быть разные или одинаковые политические роли, коммуниканты могут быть одной или разных национальностей и т. д.;

б) личностное взаимоотношение коммуникантов, основанное на данных характеристиках. Коммуниканты могут испытывать друг к другу разные чувства. В основе этого лежит их отношение либо к количественным, либо к качественным характеристикам друг друга. При этом чувства коммуникантов друг к другу могут как совпадать, так и не совпадать. Например, человек с демократическими убеждениями может с презрением относиться к человеку с коммунистическими убеждениями, в то время как для последнего не имеют никакого значения политические убеждения первого. Кроме того, чувства могут быть как явно выраженными, так и скрытыми.

Следует также отметить, что именно сама ситуация определяет актуальность тех или иных количественных или качественных характе-

ристик. Так, для одних ситуаций важен только возраст коммуникантов, в то время как для других важны психологическое состояние и идеологические убеждения участников коммуникации.

На наш взгляд, важным также является раскрытие понятий «микрособытие» и «макрособытие». Они включают все актуальные исторические, политические, социологические и психологические аспекты действительности. При этом макрособытие актуально вне рамок конкретного коммуникативного события, в то время как микрособытие актуально только в рамках конкретной ситуации.

Примером макрособытия может служить всемирный экономический кризис, а пример микрособытия – нахождение коммуникантов в пробке.

Следует отметить, что не существует строгого разделения макрособытий и микрособытий. Как первые, так и вторые можно градуировать по степени масштаба их актуальности. Так, например, Вторая мировая война – это макрособытие, которое затронуло многие страны и, соответственно, большое количество людей. В свою очередь, война между Эфиопией и Сомали – это макрособытие, которое коснулось лишь двух стран, и, соответственно, данное событие менее масштабно по сравнению со Второй мировой войной. В то же время попадание в пробку нельзя поставить на один уровень с увольнением человека с работы.

Таким образом, продолжая уменьшать масштаб макрособытий и увеличивать масштаб микрособытий, мы приходим к той границе, где становится практически невозможно определить, является ли рассматриваемое событие макрособытием или микрособытием.

К локальным детерминантам относятся все пространственные характеристики того места, где осуществляется событие. К темпоральным детерминантам относятся все временные характеристики события.

Важно отметить, что коммуниканты могут иметь разные локальные (например, в ситуации телефонного разговора) детерминанты, а в некоторых случаях (например, в фантастической литературе) – разные темпоральные детерминанты.

Данное различие может определять разность как микрособытий (в случае разных локальных детерминантов), так и макрособытий (в случае разных темпоральных детерминантов), в которых находятся коммуниканты.

Итак, обозначенные выше коммуникативные параметры ситуации являются набором пресуппозиций, без которого невозможна совмест-

ная деятельность коммуникантов по порождению и пониманию дискурса.

Набор всех пресуппозиций «задает класс возможных миров, в которых эти прагматические пресуппозиции релевантны» [61]. Под миром мы понимаем мыслительное пространство, в котором осуществляется действие. Так, мир может быть либо объективным, либо возможным. Объективный мир определяется как «всеобъемлющая данность, в которую включается человек», а возможный мир как «нечто мыслимое, но не отражающее реальное положение дел» [6, с. 4].

А.П. Бабушкин выделяет следующие виды возможных миров:

1) максимально приближенный мир – это мир, который содержит все характеристики, присущие действительности, и необходимо лишь соблюдение некоторых условий для их воплощения в жизнь;

2) гипотетический мир – это мир, который теоретически мог бы иметь место в действительности при выполнении определенных условий;

3) ирреальный мир – это мир, который может не иметь ничего общего с тем, что происходило, происходит или будет происходить в действительности [Там же].

Некоторые лингвисты считают, что возможные миры, в равной степени как и действительный мир, регистрируются языковыми средствами. На наш взгляд, данное утверждение не совсем верно, так как язык направлен прежде всего на отражение объективного мира. Безусловно, в целом возможные миры могут быть отражены при помощи языка, но в возможных мирах могут возникать явления, которые грамматически не могут быть переданы при помощи конструкций того или иного языка. Так, в английском языке грамматически невозможно адекватно передать ситуацию, в которой говорится, что действия в прошлом могло бы и не быть, если бы не было действия в будущем, которое повлияло на действие в прошлом. Например:

Если бы в 2015 году Бифф не подслушал разговор Марти и Дока, то он не отправился бы в 1955 год и не вручил бы самому себе «Спортивный альманах», и сейчас, в 1985 году, Бифф не был бы богатым человеком.

Данная последовательность событий нарушает временную последовательность объективного мира, т. е. вместо временной цепочки «прошлое – настоящее – будущее» используется цепочка «будущее –

прошлое – настоящее». Передать данную ситуацию возможно только в случае отклонения от традиционной грамматики, что видится нам оправданным, так как возможный мир может требовать иную грамматическую парадигму. Мы предлагаем следующий вариант перевода:

If Biff hadn't would listen to Marty and Doc's conversation in 2015, he wouldn't have would go to 1955 and he wouldn't have given himself "Grays Sports Almanac" and he wouldn't be a rich man now in 1985.

Соответственно, возможные миры могут требовать различных изменений в языковой системе. Кроме того, можно предположить, что чем меньше возможный мир похож на объективный, тем больше изменений придется внести в языковую систему вплоть до полного ее изменения.

Принадлежность коммуникантов к разным мирам обыгрывается во многих художественных произведениях.

Конвенциональные и коммуникативные импликатуры

Импликатуры способствуют лучшему описанию небуквальных аспектов значения и смысла, которые не определяются конвенциональной структурой языковых выражений [36].

Конвенциональные импликатуры определяются значением использованных слов. Как отмечает М.Л. Макаров, существует определенная близость и даже совпадение таких категорий, как конвенциональная импликатура и семантическая пресуппозиция [61, с. 75].

Коммуникативные импликатуры определяются коммуникативно-значимыми отклонениями от предполагаемого и подразумеваемого соблюдения основных принципов общения.

Так, Г.П. Грайс сформулировал принцип коммуникативного сотрудничества: «Делай свой вклад в разговор на данной его стадии таким, как этого требует принятая цель или направление разговора, в котором ты участвуешь» [36, с. 221, 222]. Из данного принципа вытекают четыре постулата.

1. *Постулат качества / истинности.* Сообщение не должно быть ложным или не имеющим под собой должных оснований.

2. *Постулат количества / информативности.* Понимание сообщения зависит от его информативной насыщенности. Адресант должен учитывать экстралингвистическую реальность, все компоненты коммуникативного контекста, включающего в себя фоновые знания и отношения между коммуникантами.

3. *Постулат отношения / релевантности.* Высказывание должно быть по существу. Переход адресанта к новому предмету разговора сопровождается сигналом о перемене темы.

4. *Постулат модальности.* В данном пункте речь идет о выборе адресантом языкового кода, лексических и грамматических средств. Сообщение должно быть ясным, четким, не содержать непонятных для адресата слов и выражений [36, с. 217–237].

Дж. Лич добавил следующие принципы, регулирующие межличностные отношения:

1) принципы межличностной риторики, которые, помимо принципа кооперации, включают принцип вежливости и принцип иронии. Эти принципы регулируют речевое общение коммуникантов;

2) принципы текстовой риторики: принцип процессуальности, принцип ясности, принцип экономии и принцип экспрессивности (каждый со своими максимами). Данные принципы регулируют развертывание текста [166].

Итак, контекстуальное пространство реализации речевого акта включает в себя набор пресуппозиций и имплицатур, которым должны обладать коммуниканты для порождения общего дискурса.

2.2. ТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА

Под текстуальным пространством мы понимаем пространство, состоящее из текстового и интертекстуального пространств.

Текстовое пространство реализации речевого акта включает все логико-синтаксические и семантические отношения одного речевого акта с другими речевыми актами в рамках представленного текстового фрагмента.

Интертекстуальное пространство реализации речевого акта содержит все виды логико-синтаксических, семантических и других возможных отношений одного речевого акта с другими речевыми актами вне рамок конкретного текстового пространства.

2.2.1. ТЕКСТОВЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА

Исследование текстового пространства реализации речевого акта осуществляется в рамках лингвистической теории текста. Как отмечает В.З. Демьянков, лингвистика текста как часть семиотики текста «простирается от простого межфразового синтаксиса до сложного анализа текстовых миров и межличностного общения» [41, с. 278]. Соответственно, в ходе развития теории текста сформировались два направления исследования.

Индуктивное направление исследования текста

В рамках первого направления происходит углубление в онтологию составляющих единиц. Данное направление можно охарактеризовать как индуктивное, так как изучение текста в его рамках строится от минимальной единицы (предложение) к максимальной (текст). Соответственно, текст рассматривается либо как единица того же типа, что и предложение, только большего объема (Х. Изенберг, Л.М. Лосева, К.Е. Хайфольд, Р. Харвег, Г. Хельбиг и др.), либо как риторическая структура, реализуемая в совокупности риторических отношений (Б. Гросс и К. Сиднер, У. Манн и С. Томпсон, Дж.Д. Мур и М. Поллак, Дж. Хоббс, Н. Эшер и А. Ласкаридес и др.).

Основным объектом исследования являются виды отношений между отдельными предложениями (в частности, риторические отношения), исследование текстовых структур отходит на второй план.

Вопрос о взаимодействии отдельных высказываний всегда интересовал лингвистов, занимающихся исследованием текстов. Так, отношения между предложениями рассматривались на двух уровнях: формально-грамматическом и коммуникативном.

Формально-грамматический уровень – это синтагматическая цепочечная связь в случае контактно-расположенных предложений и синтагматическая прерывистая связь в случае дистантно-расположенных предложений. Данные связи исследовались в основном в работах по синтаксису предложения [60, 107]. Особое внимание в данных работах уделяется коннекторам. Под коннекторами понимаются языковые единицы, функция которых состоит в выражении типа семантических отношений, существующих между двумя соединенными с их помощью компонентами, имеющими предикативный характер и выраженными имплицитно или эксплицитно [46]. Как отмечает И.В. Белявцева, кон-

некторы «являются важным элементом структуры сложного предложения и во многом определяют его значение» [13]. Именно благодаря коннекторам в большинстве случаев можно точно определить то, какой вид отношений реализуется между двумя структурными единицами.

Выделяют следующие виды коннекторов:

а) соединения: добавление (*and, in addition, etc.*), следствие (*so, therefore, etc.*), последовательность событий (*firstly, secondly, etc.*), пояснение (*for example, namely, etc.*), причина (*because, due to, etc.*), смена темы повествования (*by the way, by the bye, etc.*), сравнение (*in comparison with, like, etc.*);

б) противопоставления: уступка (*while, although, etc.*), ограничение (*not only but, except, etc.*), контраст (*but, however, etc.*), смена темы повествования (*incidentally, apropos, etc.*), обманутое ожидание (*but, however, etc.*), отрицательное добавление (*without, neither... nor, etc.*), альтернатива (*or*), замещение события (*in theory... in practice, instead of, etc.*), возмещение события (*but, nonetheless, etc.*), отрицательное следствие (*unfortunately, alas, etc.*), условие (*if, when, etc.*) (Молчанова, 2006).

В англоязычной литературе многие исследователи изучали коннекторы как одну из разновидностей дискурсивных маркеров (Абрахам, Андерсен, Блейкмор, Бринтон, Джукер, Шиффрин и т. д.).

Коммуникативный уровень – это актуальная связь предложений, заключающаяся в координации смысловой структуры сочетающихся предложений в результате их актуального членения. М. Халлидей и Р. Хасан описали возможные ответные реакции на различные виды высказываний. Ответные реакции могут относиться к *вопросам, утверждениям и императивам*.

1. Ответные реакции на вопрос:

– ответ на общий вопрос: прямой ответ (утверждение, отрицание), косвенный ответ (комментарий, уход, дополнительная информация);

– ответ на специальный вопрос: прямой ответ, косвенный ответ (комментарий, уход, дополнительная информация).

2. Ответные реакции на утверждение:

– согласие, возражение.

3. Ответные реакции на императив:

– согласие, отказ [151].

Исследование, проведенное М. Халлидеем и Р. Хасан, внесло существенный вклад в изучение типов отношений в вопросно-ответных единствах.

Данный подход к анализу отношений между предложениями получил развитие в работах Э. Цуи, которая подразделяет все речевые акты на три группы: иницирующие, реактивные и дополняющие (Tsui, 1994).

Среди иницирующих речевых актов выделяют следующие:

- 1) илиситацисы (речевые акты, целью которых является извлечение вербального или невербального ответа);
- 2) реквестивы (речевые акты, которые запрашивают выполнение какого-либо невербального действия; при этом у адресата есть возможность отказаться от его выполнения).

Далее Э. Цуи классифицирует их на речевые акты:

- а) выгодные адресанту (просьба);
- б) выгодные адресату (приглашение);
- в) выгодные обоим коммуникантам (предложения);
- 3) директивы – речевые акты, требующие выполнения действия от адресата; при этом у адресата нет возможности отказаться от его выполнения.

Далее Э. Цуи подразделяет директивы:

- на мандативы (речевые акты, выполнение которых выгодно для адресанта);
- адвисивы (речевые акты, выполнение которых выгодно для адресата);
- пропозитивы (речевые акты, выполнение которых выгодно как адресанту, так и адресату);
- 4) информативы (речевые акты, предоставляющие информацию различного рода).

Классификация реактивных речевых актов:

- положительные (предпочтительные для адресанта, такие как согласие, ответ, подтверждение);
- отрицательные (непредпочтительные для адресанта, такие как отказ, несогласие, отрицание);
- уход от ответа.

Дополняющие речевые акты делятся на одобрение, уступку и подтверждение [214].

Данный подход в определенной степени учитывает пространство реализации речевых актов. Но во внимание принимается взаимодействие только трех *последовательных* реплик, что, безусловно, является недостаточным для учета всех контекстуальных и текстовых условий реализации речевых актов.

Важным также является замечание Э. Дейвисон, которая указывает на то, что существуют семантические ограничения на использование высказываний в определенных позициях. Так, следующие речевые акты вряд ли могут быть использованы в качестве иницирующих реплик, так как без соответствующего контекста невозможно определить, почему информация, содержащаяся в данных высказываниях, является значимой для адресата:

- 1) *Hollandise sauce curled if the heat is too high*;
- 2) *Newsprint is usually made of wood pulp* [138, с. 147, 148].

Оба вышеназванных уровня – формально-грамматический и коммуникативный – легли в основу разработки риторических отношений. В рамках теории сегментной репрезентации дискурса исследование речевого акта может производиться только при учете совокупности всех риторических отношений, в которых состоит речевой акт.

Термин «риторические отношения» был впервые введен У. Манном и С. Томпсон как ключевое понятие теории риторических структур, которая является основной частью более общей теории репрезентации дискурса. Согласно данной теории, риторическое отношение связывает две непрерывные составляющие, размер которых варьируется от отдельной пропозиции до многих предложений.

Риторические отношения определяются на основе четырех областей:

- 1) ограничения на ядро;
- 2) ограничения на спутник;
- 3) ограничения на комбинацию ядра и спутника;
- 4) эффекта, оказываемого на читателя.

Чтобы описать область применения каждого риторического отношения, исследователь должен брать за основу контекст и цели адресанта.

Следует отметить, что риторические отношения выделяются на основе функциональных и семантических критериев, а не морфологических или синтаксических. Так, ни для одного из отношений не был найден однозначный маркер. Тем не менее маркеры позволяют сузить круг возможных риторических отношений, реализуемых в определенном контексте. Например, коннектор *but* указывает на то, что высказывания, скорее всего, связаны между собой либо риторическими отношениями контраста, либо риторическими отношениями антитезиса.

М. Табоада отмечает, что для одних риторических отношений характерно присутствие коннекторов, а для других отношений – нет [209, с. 589].

Все риторические отношения, согласно У. Манну и С. Томпсон, можно разделить на асимметричные (те отношения, которые образуют пару ядро – сателлит) и симметричные (те отношения, которые соединяют ядра).

Выделяют следующие типы асимметричных риторических отношений³.

1. Альтернатива (Otherwise) – наличие двух возможных вариантов развития событий⁴, например: 1) *Project leaders should submit their entries for the revised brochure immediately*⁵; 2) *Otherwise the existing entry will be used.*

2. Антитезис (Antithesis) – предпочтение одной идеи другой, например: 12) *But I don't think endorsing a specific nuclear freeze proposal is appropriate for CCC*; 13) *We should limit our involvement in defense and weaponry to matters of process, such as exposing the weapons industry's influence on the political process.*

3. Волевая причина (Volitional Cause) – волевая причина осуществления действия, например: 6) *Thinking that perhaps the counsel was simplistic*; 7) *coming from an unmarried person*; 8) *one of them asked, «Are you married?»*

4. Волевой результат (Volitional Result) – волевой результат определенного действия, например: 1) *Farmington police had to help control traffic recently*; 2) *when hundreds of people lined up to be among the first applying for jobs at the yet-to-open Marriott Hotel*; 3) *The hotel's help-wanted announcement – for 300 openings – was a rare opportunity for many unemployed.*

5. Вывод (Summary) – подведение итогов, например: 5) *There were many principles in which Clevinger believed passionately*; 6) *He was crazy.*

6. Интерпретация (Interpretation) – соотнесение информативного поля ядра с каким-либо фреймом, например: 1) *Steep declines in capital spending commitments and building permits, along with a drop in the money stock pushed the leading composite index down for the fifth time in*

³ Сохранена нумерация У. Манна и С. Томпсона.

⁴ Определения большинства риторических отношений – дело рук автора данной работы.

⁵ Полу жирным шрифтом выделены ядра риторических отношений.

the past 11 months...; 2) Such a decline is highly unusual at this stage in an expansion.

7. Мотивация (Motivation) – обоснование необходимости осуществления действия, например: 2) **Ask for SYNCOM diskettes, with burnished Ectype coating and dust-absorbing jacket liners**; 3) *As your floppy drive writes or reads*; 4) *a Syncom diskette is working four ways...*

8. Неволитивная причина (Non-Volitional Cause) – неволитивная причина осуществления действия, например: 2) **REMEMBER ALL THOSE VEGETABLES YOU SLIPPED UNDER THE TABLE?** 3) **MAYBE THAT'S WHY SPARKY LIVED SO LONG.**

9. Неволитивный результат (Non-Volitional Result) – неволитивный результат определенного действия, например: 1) **The blast, the worst industrial accident in Mexico's history, destroyed the plant and most of the surrounding suburbs**; 2) *Several thousand people were injured*, 3) *and about 300 are still in hospital.*

10. Необусловленность (Unconditional) – невозможность выполнения действия даже при выполнении определенных условий, например: 1) **IN NO EVENT SHALL THE AUTHOR OR DISTRIBUTORS BE LIABLE TO ANY PARTY FOR DIRECT, INDIRECT, SPECIAL, INCIDENTAL, OR CONSEQUENTIAL DAMAGES ARISING OUT OF THE USE OF THIS SOFTWARE, ITS DOCUMENTATION, OR ANY DERIVATIVES THEREOF**; 2) **EVEN IF THE AUTHOR HAS BEEN ADVISED OF THE POSSIBILITY OF SUCH DAMAGE.**

11. Обеспечение возможности (Enablement) – указание на возможность того, как осуществить действие, например: 1) **Training on jobs: A series of informative, inexpensive pamphlets and books on worker health discusses such topics as filing a compensation claim, ionizing radiation, asbestos, and several occupational diseases.** [intervening material skipped] 6) *For a catalog and order form write WIOES, 2520 Milvia St., Berkeley, CA 95704.*

12. Обоснование (Justify) – установление необходимости раскрытия определенной темы, например: 10) **Let's be clear**; 11) *I personally favor the initiative and ardently support disarmament negotiations to reduce the risk of war*; 12) *But I don't think endorsing a specific nuclear freeze proposal is appropriate for CCC*; 13) *We should limit our involvement in defense and weaponry to matters of process, such as exposing the weapons industry's influence on the political process.*

13. Обстоятельство (Circumstance) – информация об условиях, в которых осуществляется действие, например: 1) ***Probably the most extreme case of Visitors Fever I have ever witnessed was a few summers ago***; 2) *when I visited relatives in the Midwest*.

14. Оговорка (Unless) – актуализация ядра возможна только в том случае, если условие не будет выполнено, например: 1) ***The following terms apply to all files associated with the software***; 2) *unless explicitly disclaimed in individual files*.

15. Оценка (Evaluation) – оценка информации, содержащейся в ядре, например: 1) ***Features like our uniquely sealed jacket and protective hub ring make our discs last longer***; 2) ***And a soft inner liner cleans the ultra-smooth disc surface while in use***; 3) *It all adds up to better performance and reliability*.

16. Переформулировка (Restatement) – это передача одной и той же мысли двумя разными по форме, но одинаковыми по содержанию высказываниями, например: [Title:] 1) ***A WELL GROOMED CAR REFLECTS ITS OWNER***; 2) *The car you drive says a lot about you*.

17. Подготовка сообщения (Preparation) – побуждение адресата к ознакомлению с дальнейшей информацией, например: 1) ***So Was It a Good Year?*** 2) *With the exception of Bank of America, the big banks were profitable in 2010, according to year-end reports filed earlier this month*.

18. Подтверждение (Evidence) – аргументирование позиции адресанта, например: 3) ***we shouldn't embrace every popular issue that comes along***; 4) *When we do so*; 5) *we use precious, limited resources*; 6) *where other players with superior resources are already doing an adequate job*.

19. Развитие (Elaboration) – дополнительная информация, способствующая развитию ситуации, например: 1) ***City, in Sweden, will be the site of the 1969 International Conference on Computational Linguistics, September 1–4***; 2) *It is expected that some 250 linguists will attend from Asia, West Europe, East Europe including Russia, and the United States*.

20. Решение (Solutionhood) – обозначение варианта решения определенной проблемы, например: 1) ***One difficulty... is with sleeping bags in which down and feather fillers are used as insulation***; 2) ***This insulation has a tendency to slip toward the bottom***; 3) *You can redistribute the filler*.

21. Средство (Means) – отражение способа осуществления действия, например: 1) ***the visual system resolves confusion*** 2) *by applying some tricks that reflect a built-in knowledge of properties of the physical world*.

22. Условие (Condition) – необходимость выполнения определенно-го условия для актуализации ядра, например: 1) ***Employees are urged to complete new beneficiary designation forms for retirement or life insurance benefits***; 2) *whenever there is a change in marital or family status*.

23. Уступка (Concession) – признание права на существование другой идеи, например: 2) *Tempting as it may be*; 3) ***we shouldn't embrace every popular issue that comes along***.

24. Фон (Background) – общая информация, которая помогает адресату адекватно интерпретировать ядро риторических отношений, например: 11A) *ZPG's 1985 Urban Stress Test*, 11B) *created after months of persistent and exhaustive research*, 11A) *is the nation's first survey of how population-linked pressures affect U.S. cities*; 12) *It ranks 184 urban areas on 11 different criteria ranging from crowding and birth rates to air quality and toxic wastes*; 13) ***The Urban Stress Test translates complex, technical data into an easy-to-use action tool for concerned citizens, elected officials and opinion leaders***.

25. Цель (Purpose) – цель, ради которой осуществляется действие, например: 1) *To see which Syncom diskette will replace the ones you're using now*; 2) ***send for our free «Flexi-Finder» selection guide and the name of the supplier nearest you***.

Среди симметричных риторических отношений У. Манн и С. Томпсон выделяют следующие:

1) дизъюнкция (Disjunction) – одна составляющая логико-синтаксического единства является альтернативой другой составляющей, например: 1) *Most National Council members are themselves disabled* 2) *or are parents of children with disabilities*;

2) конъюнкция (Conjunction) – две равнозначные составляющие образуют логико-синтаксическое единство, например: 1) *Disney provides great access to transportation* 2) *and every cast member is ready to provide detailed directions and tips for getting to your desired destination quickly*;

3) многоядерная переформулировка (Multinuclear Restatement) – это передача одной и той же мысли двумя разными по форме, но одинаковыми по содержанию высказываниями, например: 1) *But Grace also said he was able to see the contestants' true beauty*; 2) *Grace is confident in his selections in the Miss Alberta and Miss Teen Alberta pageants by basing his judgment on the contestants' answers, how they projected their voices and their confidence through emphasis and firmness of their vocal deliveries*;

4) перечисление (List) – перечисление событий, способствующих раскрытию определенной темы, например: 1) *I am 17 years old*; 2) *It is summer, and football practice is about to begin*.

5) последовательность (Sequence) – перечисление последовательных событий, например: 1) *Peel oranges*, 2) *and slice crosswise*; 3) *Arrange in a bowl* 4) *and sprinkle with rum and coconut*; 5) *Chill until ready to serve*.

6) противопоставление (Contrast) – нейтральное противопоставление двух составляющих логико-синтаксического единства, например: 1) *Animals heal*, 2) *but trees compartmentalize*.

7) соединение (Joint) – обозначение отсутствия риторических отношений между высказываниями, например: 1) *Features like our uniquely sealed jacket and protective hub ring make our discs last longer*. 2) *And a soft inner liner cleans the ultra-smooth disc surface while in use* [R. S. T.].

Важно отметить, что данная система риторических отношений состоит не только из отношений, предложенных У. Манном и С. Томпсон. Например, риторические отношения альтернативы и оговорки были предложены Д. Рознером и М. Штеде (Rosner and Stede, 1992).

Особый интерес среди симметричных риторических отношений представляет соединение, так как оно указывает на отсутствие риторических отношений между высказываниями. Следует отметить, что довольно часто между двумя контактно-расположенными речевыми актами отсутствуют риторические отношения. Так, многие экспрессивы не вступают в риторические отношения с последующими речевыми актами. Они, безусловно, связаны друг с другом, но эта связь имеет логический характер.

Как отмечает У. Манн, многие названия риторических отношений не совсем удачны. Кроме того, на его взгляд, для некоторых видов риторических отношений и вовсе невозможно найти подходящее имя, например, Justify (обоснование) [Там же].

Существуют различные списки риторических отношений. Так, данная теория получила развитие в трудах американских лингвистов Н. Эшера и А. Ласкаридес, которые внесли наибольший вклад в развитие риторических отношений, существенно обновив список «классических» риторических отношений. Исследователи также показали необходимость их использования при анализе конкретных текстов, так как именно в риторических отношениях реализуется большинство речевых

актов, и их успешное осуществление логически зависит от содержания предыдущих антецедентов.

В рамках представленного подхода речевой акт не может рассматриваться в отрыве от конкретного текстового сегмента. Кроме того, Н. Эшер и А. Ласкаридес также утверждают, что риторические отношения реализуются на разных уровнях и два высказывания могут быть связаны несколькими разноуровневыми отношениями. Представленное положение принципиально отличает теорию сегментной репрезентации дискурса от предшествующих теорий, которые рассматривали риторические отношения, так как в их рамках риторические отношения традиционно воспринимались как одноуровневые единицы дискурса. Н. Эшер и А. Ласкаридес выделяют следующие виды риторических отношений.

Риторические отношения на содержательном уровне

1. Индикативы:

а) последовательность (Consequence)

e.g. Suppose there's a bathroom. Then it's in a funny place;

б) фон (Background)

e.g. Max opened the door. The room was pitch dark;

в) вывод (Result)

e.g. John pushed Max. He fell;

г) развитие (Elaboration)

e.g. Max had a lovely meal last night. He ate lots of salmon;

д) пояснение (Explanation)

e.g. Max fell. John pushed him;

е) описание (Narration)

e.g. Max came in the room. He sat down. He lit a cigarette;

ж) дизъюнкция (Alternation)

e.g. Mary has brown hair or Max has green eyes;

з) продолжение (Continuation)

e.g. The teacher asked the students to look for the lost cat. John looked under the table. Mary looked in the garden;

и) последовательность, теряющая силу при определенном условии (Def-Consequence)

e.g. If John scuba dives, he'll bring his regulator.

2. Интеррогативы:

а) запрос описания (QAP⁶-Narration)

⁶ Question – Answer Pair.

e.g. John arrived at the party at 8 pm last night.

– *And then what happened?*

б) запрос развития (QAP-Elaboration)

e.g. Kluwer are accepting manuscripts at the moment.

– *What kind of manuscripts?*

в) запрос предпосылки (QAP-Background)

e.g. Max arrived at the party at 8 pm.

– *Who was there at the time?*

г) запрос объяснения (QAP-Explanation)

e.g. How can I get to the treasure?

– *By going to the secret valley and looking under the biggest tree?* [120, с. 459–464].

Рассматриваемый подход к интерпретации текстовых сегментов, содержащих интеррогативы, указывает на то, что монологические и диалогические тексты можно классифицировать при помощи одинаковых параметров.

На наш взгляд, разница между монологическими и диалогическими текстами заключается в том, что в диалогических текстах иницирующая реплика определяет то, какой тип текста будет представлен адресатом, в то время как в монологических текстах это определяет контекст или ситуация высказывания. Таким образом, для классификации текстов разница между монологическими и диалогическими текстами не является релевантной.

3. Императивы:

а) побуждение-описание (Imperative-Narration)

e.g. Go into John's office and get a red file folder;

б) побуждение-развитие (Imperative-Elaboration)

e.g. Go to John's office and take a red file folder with you;

в) побуждение-последовательность, теряющее силу при определенном условии (Def-Consequence)

e.g. Smoke a packet of cigarettes a day and you will die before you're 50.

г) побуждение-вывод (Imperative-Result)

e.g. Turn left at the roundabout and you will see traffic lights.

Текстоструктурирующие риторические отношения

Данные отношения реализуются параллельно с риторическими отношениями на содержательном уровне.

1. Противопоставление (Contrast)

e.g. John loves sport. But he hates football.

2. Соответствие (Parallel)

e.g. John loves sport. Bill loves sport.

Риторические отношения на когнитивном уровне

1. План исправления (Plan-Correction)

e.g. Close the window.

– I'm afraid I can't do that.

2. Недостаток информации (Not Enough Information)

e.g. Who is coming to the party?

– I don't know.

3. План развития (Q-Elaboration)

e.g. Can we meet next weekend?

– How about Saturday?

4. Вопросно-ответное единство с частичным ответом (PQAP)⁷

e.g. Who's coming to the party?

– I know Mary isn't coming.

5. Подтверждение (Acknowledgement)

e.g. Close the window.

– OK.

6. Непрямое вопросно-ответное единство (Indirect Question Answer Pair)

e.g. How can I get to treasure? – It's at the secret valley.

Риторические отношения, отклоняющиеся от нормы

1. Опровержение (Counterevidence)

e.g. John doesn't have a girlfriend.

– He's been going to New York lately.

2. Исправление (Correction)

e.g. John distributed the copies.

– No, it was Sue [120, с. 464–471].

Кроме того, риторические отношения сами по себе являются анафорическими элементами согласно теории сегментной репрезентации дискурса. По Н. Эшеру и А. Ласкаридес, значение предложения – это отношение между множеством контекстов, которые представляют содержание дискурса, предшествующего анализируемому предложению, и набором контекстов, включенных в это предложение [Там же, с. 41]. Следовательно, постоянное обновление дискурса играет первостепен-

⁷ Partial Question – Answer Pair.

ную роль при интерпретации конкретного высказывания. Теория сегментной репрезентации дискурса также фокусируется на том, как при интерпретации высказывания при помощи дополнительного содержания обогащается композиционная и лексическая семантика. Кроме того, учитываются такие взаимосвязанные явления дискурса, как речевые импликатуры, производится анализ различных видов анафоры (включая пресуппозиции) и устранение лексической полисемии. Дискурс считается когерентным только в следующих случаях:

а) если все высказывания, кроме иницирующих, связаны риторическими отношениями;

б) если все анафорические выражения могут быть разрешены.

Следует также отметить, что риторические отношения могут быть представлены не только эксплицитно, но и имплицитно. Например, речевой акт, выполняющий функцию *ухода от ответа*, может быть представлен молчанием.

Кроме того, риторические отношения могут отсутствовать в связи со спецификой речевого акта. Например, реквестивы в случае положительного результата не предполагают наличия дальнейших риторических отношений. Если выполнение действия, предписанного речевым актом, направлено на будущее, то при положительном результате дальнейший речевой акт будет выполнять текстовую функцию принятия.

Главным достоинством риторических отношений является то, что они учитывают текстовые связи между высказываниями. Тем не менее в диалогических текстах многие риторические отношения не сформулированы. В монологических текстах система риторических отношений остается открытой.

Следует также отметить, что определение термина «риторические отношения» является слишком «размытым». Как следствие, риторические отношения, являясь разнородными по составу, не классифицированы должным образом и не могут являться базой для адекватного анализа текстовых явлений. Хотя многие из этих отношений могут быть использованы при рассмотрении текстов. На наш взгляд, отношения между двумя структурными компонентами текста следует определить как логико-синтаксические.

Кроме того, мы считаем целесообразным выделять в качестве минимального текстового элемента не пару речевых актов, находящихся в логико-синтаксических отношениях друг с другом, а речевой акт, выполняющий определенную текстовую функцию в данных отношениях.

Под текстовой функцией мы понимаем роль отдельного высказывания в риторических отношениях. Речевые акты, принадлежащие к различным классам, могут выполнять только те функции, которые являются характерными для данных классов.

Текстовое пространство речевого акта, помимо совокупности всех логико-синтаксических отношений этого речевого акта с другими речевыми актами, включает также и совокупность всех семантических отношений рассматриваемого речевого акта с другими речевыми актами.

Дедуктивное направление исследования текста

В рамках второго направления происходит глобализация объекта исследования. Данное направление можно охарактеризовать как дедуктивное, так как исследование текста в его рамках строится от максимальной единицы (текст) к минимальной (предложение). При этом основное внимание уделяется изучению базовых коммуникативных характеристик текста, таких как функция, коммуникативная ситуация (содержание текста), критерии текстуальности. Соответственно, текст рассматривается как единое целое (М.М. Бахтин, Р.-А. Богранд, К. Бринкер, В. Вежбицкая, Т. ван Дейк, В.В. Дементьев, М. Димтер, В. Дресслер, Б. Зандиг, М.Н. Кожина, А.Д. Швейцер, З. Шмидт, У. Энгель и др.).

Основным объектом исследования являются формы развертывания темы, исследование связей между отдельными предложениями является вторичным.

С точки зрения дедуктивного подхода текст рассматривается в рамках коммуникативной ситуации, важнейшими факторами которой являются адресант и адресат.

В рамках данного направления сформировались два основных подхода к типологии текстов.

Первый подход основан на функционально-стилистическом методе. Как отмечает Е.В. Чернявская, его суть состоит в выявлении закономерностей организации текста и способов построения текста, предопределяемых формой общественного сознания и видом социокультурной деятельности [109, с. 52]. В рамках данного подхода все тексты соотносятся с определенными функциональными стилями и речевыми жанрами.

Функциональный стиль представляет собой «исторически сложившуюся, общественно осознанную речевую разновидность, обладающую

шую своей речевой системностью, соответствующую той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания»⁸.

Проблема сопоставления различных функциональных стилей имеет длительную историю. Так, Н.М. Разинкина выделяет три периода в сопоставительном изучении стилей.

Для первого периода, 50-е и начало 60-х годов, характерно противопоставление художественной и научной прозы. Данное противопоставление имело целью выявление противоположных языковых характеристик двух функциональных систем.

На смену периоду 50–60-х годов приходит второй период, охватывающий приблизительно 60-е – начало 70-х годов. В это время лингвисты все чаще высказывают мысль о том, что образность и экспрессивность не чужды научной литературе, но эти явления считали лишь иностилевыми вкраплениями. Существенным было также и то обстоятельство, что ученые начинали обращать внимание на то, что антитепой художественной прозы является не научная проза, а официальные документы.

Третий период берет свое начало в 70-х годах и продолжается до сих пор. В этот период все четче формируется мысль о том, что нельзя ограничиваться сопоставлением научных текстов с художественными. В сравнение вовлекаются также официально-деловой и газетно-публицистический стили [84, с. 12–23].

На сегодняшний день существует множество классификаций функциональных стилей. Наибольшее распространение получила классификация, включающая пять основных стилей: официально-деловой, научный, газетно-публицистический, художественный и разговорно-обиходный. Основными объектами исследования функциональных стилей являются их функции и стилевые черты.

В различных стилях каждая функция реализуется по-разному. М.П. Брандес выделяет три вида информационной функции:

– официально-информационную (характерна для официально-делового стиля и определяется задачами предельно сжатой, объективной, точной и соответствующей официальному этикету передачи фактологической информации);

⁸ *Кожина М.Н.* Современный энциклопедический словарь русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 581.

– информационно-аналитическую (сочетает в себе черты официально-информационного и информационно-делового стилей с чертами научного стиля);

– неофициально-информационную (сочетает информативность с экспрессивностью и эмоциональностью) [24].

Изучение функций напрямую связано с изучением стилевых черт. Как отмечает А.Д. Швейцер, «если функциональные параметры отражают основные цели и предназначения данного функционального стиля, то стилевые черты воплощают характерные признаки, присущие их реализации» и «являются, таким образом, производными от их функциональных характеристик» [110]. Так, для информационной функции А.Д. Швейцер выделяет следующие стилевые черты: деспециализация, специализация, ориентация на знания адресата, актуальность, стандартизация, краткость.

Речевые жанры «являются типической формой индивидуальных высказываний, но не самими высказываниями» [10, с. 192].

Следует отметить, что проблематика речевых жанров во многом восходит к идеям М.М. Бахтина. Как отмечает В.В. Дементьев, концепцию речевых жанров Бахтина, которая начала складываться еще в 20-х годах XX века, обычно определяют как антиструктуралистскую.

С 70-х годов начинаются попытки практического использования данной концепции, это сопровождается, по наблюдениям А. Вежицкой, прагматикализацией теории речевых жанров [27].

С середины 90-х годов исследования по речевым жанрам становятся все более семантическими и когнитивными [39]. Основными характеристиками речевых жанров являются коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, концепция адресата и концепция «наадресата» [11, с. 305]. По М.М. Бахтину, речевой жанр характеризуется триединством тематического содержания, стиля и композиции высказывания [10, с. 159, 160].

И в настоящий момент не существует единой типологии речевых жанров. В.В. Дементьев, основываясь на трудах М.М. Бахтина, выделяет две наиболее значимые идеи в области классификации речевых жанров.

Во-первых, речевые жанры делятся на первичные (связанные с непосредственным речевым общением) и вторичные (возникающие в условиях более сложного культурного общения).

Во-вторых, речевые жанры делятся на стандартизованные (где адресант мало что может привнести от себя) и свободные.

Кроме того, отчетливо можно наблюдать противопоставление жанров информативной речи и жанров фатической речи. Также выделяются следующие жанровые оппозиции: риторические – нериторические, конвенциональные – неконвенциональные [39].

В рамках второго подхода основное внимание отводится изучению текстовых категорий и текстовых макроструктур. В основе классификации текстов лежат следующие основные принципы:

- 1) функция текста;
- 2) коммуникативная ситуация, к которой относится текст;
- 3) содержание текста.

При определении функции текста прежде всего необходимо определить цель, с которой адресант обращается к адресату. Так, М. Димтер исходит из понимания текста как репрезентации речевого действия, он устанавливает в качестве основных интенций адресанта воздействие на знания, оценки и желания адресата текста [41].

Критерий коммуникативной ситуации представляет собой в общем виде модель «адресант – канал – адресат», являющуюся рамкой, в которой реализуется контакт. Ее релевантными признаками являются количество коммуникантов, их роли, социальное положение, степень официальности контакта, активность коммуникантов, вид канала коммуникации.

Начиная с конца 70-х годов XX века, пристальное внимание стало уделяться критериям текстуальности, что неудивительно, так как именно эти критерии позволяют отделить текст от нетекста. И.Р. Гальперин выделил следующие характеристики текста: информативность, членимость, проспекция, ретроспекция, когезия, континуум, модальность, автосемия, завершенность, подтекст⁹.

Существенный вклад в изучение данного вопроса внесли В. Дресслер и Р.-А. де Богранд, которые сформулировали семь критериев текстуальности:

- 1) когезия – взаимосвязь компонентов поверхностной структуры;
- 2) когерентность – семантико-когнитивная связность текста;
- 3) интенциональность – обусловленность текста коммуникативной целью;
- 4) адресованность – коммуникативно-прагматическая направленность на адресата;

⁹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

5) информативность – степень / мера ожидаемости и известности информации;

6) ситуативность – соотнесенность текста с релевантными факторами коммуникативной ситуации;

7) интертекстуальность – воспроизводимость в тексте инвариантных признаков, определяемых его типом текста [124].

На первоначальном этапе исследования критериев текстуальности считалось, что текст является текстом только в том случае, если реализуются все перечисленные критерии. Но, как отмечает В.Е. Чернявская, в определенных ситуациях один или даже несколько критериев могут быть нарушены, при этом текст все равно останется текстом. В качестве примера она приводит такое явление, как сетература, т. е. сетевая литература, где читатель превращается в автора, а текст может бесконечно видоизменяться [109]. Кроме того, когезия и когерентность часто нарушаются в абсурдистских текстах.

К содержательному критерию относятся тема текста, ее временная соотнесенность и родо-видовая характеристика. Значительным вкладом в исследование смысловой структуры текста стала разработка проблем его внутренней структуры, или макроструктуры. Одна из первых работ этого направления – работа В.Я. Проппа «Морфология сказки». Текстовая макроструктура репрезентирует построение текста из определенных компонентов, связанных друг с другом сетью отношений. Это доказывает наличие определенной заинтересованности у представителей дедуктивного направления в проблеме связи предложений.

На основании данных критериев К. Бринкер выделяет четыре «формы развертывания темы», или тематические структуры.

1. *Дескриптивная тематическая структура*, ведущей функцией которой является передача информации. Тема дескриптивного текста может представлять собой единичное явление, процесс или ситуацию, регулярно повторяющееся действие или процесс, некий объект, предмет или одушевленное существо. Кроме того, очевидным является детерминированность содержания всех пропозиций, составляющих текст.

Структура данного типа текста определяется глобальной схемой, присущей когнитивной структуре «события», и состоит из следующих компонентов: ответы на четыре вопроса (что, когда, где и кто?), кроме того, существуют три факультативных компонента – это ответы на вопросы (как, по какой причине и с какими последствиями?).

2. *Нарративная тематическая структура* свойственна тексту типа «рассказ» в его различных разновидностях. В теории повествования выделяются следующие характерные особенности нарративных текстов:

- а) тема текста репрезентируется единичным, завершенным событием;
- б) тема текста должна удовлетворять «минимальным условиям необычности» и представлять интерес для адресата.

Структура нарративного текста состоит из следующих структурных компонентов: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Доминирующим структурным компонентом является кульминация. Кроме того, особую важность имеют детали, сопутствующие условия, причины, цели, последовательность событий. Вышесказанное определяет «глобальную схему» как основу для построения текста.

3. *Аргументативная тематическая структура* строится по определенному плану, т. е. глобальной модели, в которой все элементы текста и его реляционная структура должны вести к определенной цели. Как отмечают голландские лингвисты Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст, реальные аргументативные тексты содержат положения – высказывания, в которых аргумент всегда выражен эксплицитно, в то время как тезис и вывод могут быть имплицитованы.

Аргументативная тематическая структура в некоторых текстах может состоять из одного структурного компонента и быть представлена одним предложением [142]. Доминирующий структурный компонент – тезис. Одним из базовых компонентов фрейма аргументации является неочевидность тезиса для адресата. Также следует отметить сложную структуру такого структурного компонента аргументативной структуры, как аргументация. Данный компонент может состоять из неоднородных элементов, т. е. помимо всей совокупности аргументов рассматриваемый компонент может включать развитие аргументов. Данный текстовый элемент направлен на доказательство соответствующих аргументов в том случае, если адресат сомневается в их достоверности. Следовательно, компонент аргументации представляет собой сложную иерархическую структуру.

4. *Экспликативное развертывание темы*, где в качестве темы выступает некоторая проблема, ситуация или феномен, требующий разъяснения. К. Бринкер и В. Штегмюллер, согласно «модели X-O», определяют данную проблему как экспланандум, который является доминирующим структурным компонентом экспликативного типа текста [128, 208]. Экспанандум может выражаться либо в форме вопроса, либо в

форме репрезентатива. Содержание экспланандума выводится логически из содержания других высказываний, называемых экспланансом.

При этом следует отметить, что в работах отечественных и зарубежных лингвистов нет единого мнения по поводу того, сколько базовых типов текста существует. Минимальное количество текстовых макроструктур сводится к двум типам текста: аргументативному и нарративному. Остальные типы текста, выделяемые другими учеными, рассматриваются как подвиды указанных выше двух базовых макроструктур. Кроме того, именно к аргументативным и нарративным типам текста в большей степени приковано внимание исследователей, чему свидетельствует огромное количество работ, посвященных этим типам текста.

Для исследования различных лингвистических явлений в рамках текстового подхода необходимо построение подробных макроструктур различных типов текста. Это можно осуществить только при учете двух направлений исследования текста: индуктивного и дедуктивного.

В реальной коммуникации наблюдается интерференция различных типов текста, поэтому для анализа конкретных текстов следует различать понятия «текстовый фрагмент» и «текстовый сегмент».

Под текстовым фрагментом мы понимаем часть реального текста, которая выделяется из целого текста для анализа.

Под текстовым сегментом мы понимаем совокупность речевых актов, находящихся в риторических отношениях друг с другом и представляющих какой-либо *один* тип текста.

Также следует отметить, что любой структурный текстовый компонент может быть представлен несколькими речевыми актами. В меньшей степени это касается доминирующих компонентов, которые обычно представлены одним речевым актом.

Построение приведенных ниже схем макроструктур основывается на анализе 3000 текстовых фрагментов, содержащих аргументативные и нарративные текстовые сегменты.

Аргументативный текстовый сегмент

На первой ступени речевые акты аргументативного сегмента следует разграничивать в зависимости от их текстовой релевантности. В результате речевые акты делятся:

- на *ядра* (центральные элементы текстовой структуры);
- *сателлиты первого порядка* (второстепенные элементы, непосредственно связанные с ядром);
- *сателлиты второго порядка* (второстепенные элементы, связанные с сателлитами первого порядка).

На второй ступени речевые акты делятся в зависимости от характера их внутритекстовых отношений. В результате речевые акты можно разделить:

- на *инициирующие*;
- *реактивные*;
- *дополняющие*.

Под дополняющими репликами мы, в отличие от Э. Цуи, понимаем не только реплики, являющиеся реакцией адресанта на ответ адресата в диалогических единствах, но и реплики, развивающие иницилирующую или реактивную реплику в рамках монологического единства одного из коммуникантов. Ядро может быть представлено иницилирующими и реактивными репликами. Сателлиты первого порядка могут быть представлены иницилирующими и дополняющими репликами. Сателлиты второго порядка могут быть представлены только дополняющими репликами.

На третьей ступени речевые акты делятся в зависимости от типа макроструктурного элемента текста.

В результате ядерные речевые акты делятся:

- а) на иницилирующие (*тезис*);
- б) реактивные (*контртезис, согласие с тезисом*).

Сателлиты первого порядка:

- а) иницилирующие (*предпосылка*);
- б) дополняющие (*аргументы*).

Сателлиты второго порядка бывают дополняющие (*развитие аргументов, вывод*).

Предпосылка является опциональной частью аргументативной структуры и в большинстве случаев содержится в имплицатуре текстового сегмента.

На четвертой ступени речевые акты делятся в зависимости от того, к какой прагматической группе они принадлежат.

В результате тезисы и контртезисы делятся на (*контр*)тезисы-репрезентативы, (*контр*)тезисы-интеррогативы, (*контр*)тезисы-реквезитивы, (*контр*)тезисы-комиссивы, тезисы-пропозитивы и (*контр*)тезисы-экспрессивы.

Согласие с тезисом может быть представлено *репрезентативами, комиссивами и экспрессивами*.

Предпосылка выражается *репрезентативами, интеррогативами и экспрессивами*.

Аргументы представлены либо *репрезентативами*, либо *комиссивами*.

Развитие аргументов, контраргументы и вывод представлены исключительно *репрезентативами*.

На пятой ступени речевые акты делятся в зависимости от того, какую текстовую функцию выполняет рассматриваемый речевой акт.

В тезисе речевые акты выполняют следующие текстуальные функции:

- а) репрезентативы (*утверждение*);
- б) интеррогативы (*запрос описания, запрос развития, запрос объяснения*);
- в) реквестивы (*побуждение действия, побуждение развития*);
- г) комиссивы (*утверждение*);
- д) пропозитивы (*побуждение действия, побуждение развития*);
- е) экспрессивы (*контактный сигнал*).

В контртезисе речевые акты выполняют следующие текстуальные функции:

- а) репрезентативы (*несогласие, отказ, уход от ответа*);
- б) комиссивы (*утверждение*);
- в) экспрессивы (*контактный сигнал*).

В согласии с тезисом речевые акты выполняют следующие текстуальные функции:

- а) репрезентативы (*ответ, согласие*);
- б) комиссивы (*принятие*);
- в) экспрессивы (*контактный сигнал*).

В предпосылке речевые акты выполняют следующие текстуальные функции:

- а) репрезентативы (*фон*);
- б) интеррогативы (*запрос информации*);
- в) экспрессивы (*контактный сигнал*).

В аргументах речевые акты выполняют следующие текстуальные функции:

- а) репрезентативы (*подтверждение*);
- б) комиссивы (*утверждение*).

В развитии аргументов речевые акты репрезентативы выполняют текстуальную функцию *подтверждения*.

В выводе речевые акты репрезентативы выполняют текстуальную функцию *результата*.

При наличии контраргументации аргументативный текстовый сегмент состоит из двух или более цепочек в зависимости от количества доказываемых тезисов. При этом каждая аргументативная цепочка связана с какой-либо другой аргументативной цепочкой (обычно с исходной цепочкой инициатора аргументативного текстового сегмента) логико-синтаксическими отношениями. В подобных логико-синтаксических отношениях первый речевой акт, являясь реактивным по отношению к тезису оппонента и иницирующим для своих последующих высказываний, выполняет текстовую функцию либо *отказа*, если в роли тезиса выступает реквестив, пропозитив или интеррогатив, либо *несогласия*, если в роли тезиса выступает репрезентатив, комиссив или экспрессив. Последующие речевые акты могут быть как дополняющими, находясь в логико-синтаксических отношениях с контртезисом и выполняя текстовую функцию *подтверждения*, так и реактивными, находясь в логико-синтаксических отношениях с аргументом оппонента, а следовательно, выполняя текстовую функцию *несогласия*. Если адресат соглашается с адресантом, то он использует речевой акт, выполняющий текстовую функцию либо *согласия* (если иницирующая реплика является репрезентативом), либо *контактного сигнала* (если иницирующая реплика представляет собой комиссив или экспрессив), либо *ответа* (если иницирующая реплика является интеррогативом), либо *принятия* (если иницирующая реплика представляет собой реквестив или пропозитив). Кроме того, адресат может согласиться с адресантом, не вынуждая того приводить аргументы. В подобных случаях можно говорить о потенциальных аргументативных текстовых сегментах, которые остались неэксплицированными.

Нарративный текстовый сегмент

На первой ступени речевые акты нарративного текстового сегмента делятся:

- на ядра;
- сателлиты первого порядка;
- сателлиты второго порядка;
- сателлиты третьего порядка (третьестепенные элементы, связанные с сателлитами второго порядка).

На второй ступени речевые акты нарративного текстового сегмента делятся:

- на иницирующие;
- дополняющие.

На третьей ступени речевые акты делятся в зависимости от типа макроструктурного элемента текста:

- ядерные речевые акты – дополняющие (*кульминация*);
- сателлиты первого порядка – дополняющие (*развитие действия*);
- сателлиты второго порядка – дополняющие (*завязка, развязка*);
- сателлиты третьего порядка – иницирующие (*экспозиция*).

На четвертой ступени речевые акты делятся в зависимости от того, к какой прагматической группе они принадлежат. В результате речевые акты всех макроструктурных элементов нарративного текстового сегмента представлены исключительно *репрезентативами*.

На пятой ступени речевые акты делятся в зависимости от того, какую текстуальную функцию выполняет рассматриваемый речевой акт.

Таблица 10

Нарративный текстовый сегмент

Нарративный текстовый сегмент					
I ступень. Текстовая релевантность речевых актов	Ядра	Сателлиты первого порядка	Сателлиты второго порядка		Сателлиты третьего порядка
II ступень. Характер внутритекстовых отношений между речевыми актами	Дополняющие	Дополняющие	Дополняющие		Иницирующие
III ступень. Тип макроструктурного элемента текста	Кульминация	Развитие действия	Завязка	Развязка	Экспозиция
IV ступень. Прагматическая группа	Репрезентативы				
V ступень. Текстуальная функция речевого акта	Перечисление, интенсификация, обобщение	Перечисление, развитие, интенсификация	Утверждение	Результат	Фон

В кульминации речевые акты репрезентативы выполняют текстуальные функции *перечисления, интенсификации, обобщения*.

В развитии действия речевые акты репрезентативы выполняют текстуальные функции *перечисления, развития, интенсификации*.

В завязке речевые акты репрезентативы выполняют текстуальную функцию *утверждения*.

В развязке речевые акты репрезентативы выполняют текстуальную функцию *результата*.

В экспозиции речевые акты репрезентативы выполняют текстуальную функцию *фона*.

2.2.2. ТЕКСТОВЫЕ ПРИМИТИВЫ

В данном разделе мы попытаемся разложить текстовое пространство на элементарные составляющие и выделим основные схемы, которые имеют практически безграничный потенциал для идентификации новых типов текста. Кроме того, составленные нами схемы могут быть применены ко всем уже выделенным типам текста. Приведенные ниже текстовые схемы мы в своем исследовании будем называть *текстовыми примитивами*.

Для решения поставленной задачи мы будем рассматривать знаковые характеристики текста, так как именно данные характеристики являются имманентными для любого лингвистического явления, которое может быть рассмотрено в качестве знака.

Любой знак состоит из трех сторон: семантики, синтактики и прагматики [72]. Ю.С. Степанов называет данные стороны знака измерениями, которые формируют трехмерное пространство языка. Семантика «имеет дело с отношениями знаков к тому, что они означают, к объектам действительности и понятиям о них», синтактика – «с отношениями знаков друг к другу», прагматика «с отношениями знаков к человеку, который ими пользуется» [94, с. 3].

Ю.С. Степанов отмечает, что язык не развивается по всем трем направлениям сразу, в каждую эпоху развивается только одно определенное направление. Кроме того, Ю.С. Степанов пишет о том, что все три измерения находятся в тесной взаимосвязи. Так, семантика заключается в отношениях знаков к объектам и «как эти отношения предстают через синтактику и прагматику». Синтактика заключается в отношениях между знаками и «как эти отношения предстают через

семантику и прагматику». Прагматика заключается в отношениях знаков к носителю языка и «как эти отношения предстают через семантику и синтактику» [Там же, с. 280].

Следует отметить, что Ю.С. Степанов рассматривал общие вопросы, касающиеся трехмерного языкового пространства. На наш взгляд, не менее важным является изучение конкретных языковых знаков в данном пространстве.

Итак, далее мы последовательно рассмотрим синтактическое, семантическое и прагматическое измерения текста.

Синтактическое измерение текста

Так как синтактика представляет собой отношение между знаками, то в основе разделения базовых синтактических макроструктур должен лежать узловой критерий, т. е. количество ядерных элементов, содержащихся в тексте.

Двумя основными элементами синтактических макроструктур являются ядро и сателлит. Как ядро, так и сателлит могут состоять более чем из одного речевого акта. При этом обычно ядро состоит из одного речевого акта, а большинство сателлитов – из нескольких. Мы выделяем следующие основные синтактические макроструктуры.

1. Безъядерная синтактическая макроструктура

В текстах, принадлежащих к данной синтактической макроструктуре, отсутствует ядерный компонент. Важно отметить, что в подобных текстах ядро отсутствует не только эксплицитно, но и имплицитно.

Схема рассматриваемой макроструктуры:

$$\text{Сателлит} \Rightarrow \dots \Rightarrow \text{Сателлит} (n + 1)$$

Рис. 3. Безъядерная синтактическая макроструктура
(n – количество сателлитов)

Тексты рассматриваемой синтактической макроструктуры довольно часто попадают в пространстве Интернета. Обычно предложения связаны в таких текстах логико-синтаксическими отношениями перечисления. Кроме того, анализируемая макроструктура может реализовываться в абсурдистских текстах. Например:

Once there was a balut vendor in one of the country's most promising theme park, the Luneta Astrodome. It has one of the country's most promi-

sing love theme of the century, Bobby Andrews and Wowie De Guzman. The said balut vendor is selling sampaguits covered in flower crackers which people call chicharong bulaklak. It is wearing a yellow vest with polka dot stripes all over the dress designed by Andrew Versace having vital statistics 75-11-93 centimeters. It was sold by 50 centavos per kilo [S. W. S.].

В целом приведенный текстовый фрагмент можно отнести к нарративному типу текста. При этом необходимо отметить, что в анализируемом текстовом фрагменте отсутствует кульминация (ядерный элемент нарративных типов текста) и нечетко выражена развязка. Кроме того, восприятие смысла текста осложняется присутствием окказионализмов (*balut, sampaguits, chicharong, bulaklak*), которые не имеют закрепленного за ними значения в английском языке.

Пожалуй, наиболее известным абсурдистским текстом, состоящим исключительно из бессмысленных слов, является четверостишие Л. Кэрролла «Строфа из англосаксонской поэзии», позднее включенное в стихотворение «Бармаглот»:

*Twas bryllyg, and ye slythy toves
Did gyre and gymblye in ye wabe:
And mimsy were ye borogoves;
And ye mome raths outgrabe [J].*

Проблематично точно определить синтаксическую макроструктуру рассматриваемого четверостишья, так как одним из критериев разделения текста на ядра и сателлиты является семантический критерий. Так, например, в нарративных типах текста именно смысл высказываний позволяет определить, какое из событий является кульминацией текстового фрагмента.

Следует также отметить, что большинство абсурдистских текстов все же имеет ядерную структуру, пусть и в достаточно специфическом виде.

Безъядерная синтаксическая макроструктура характерна и для различного рода фатических ситуаций, включающих, например, взаимное приветствие, вопросы о положении дел, обмен комплиментами, прощание. Обычно в образовании подобных текстов участвуют два коммуниканта, где цепочка второго коммуниканта зачастую представляет собой модифицированное зеркальное отображение цепочки первого коммуниканта. Например:

– *Hi! How are you doing?*

- *Hi! Thanks. I'm fine! And you?*
- *I'm OK! It's nice to meet you!*
- *It's nice to meet you too. Say hello to your wife.*
- *You do too. Bye.*
- *Bye.*

Вариации таких цепочек могут быть различными, но обычно они довольно короткие, так как если разговор затягивается, то вводится какой-либо ядерный элемент.

Возникает вопрос о статусе подобных безъядерных текстовых фрагментов. Так, например, они могут быть выделены в качестве пре-сателлитов другой макроструктуры, если после них идут ядерные текстовые фрагменты. В случае если коммуникативная ситуация ограничивается таким фатическим текстовым фрагментом, то мы имеем дело с безъядерной макроструктурой.

Также возникает вопрос о статусе самих предложений в подобных текстах: являются ли подобные тексты действительно безъядерными или же их можно рассматривать как бессателлитные, т. е. состоящие исключительно из ядер? На наш взгляд, все же нельзя говорить о том, что предложения в данных текстовых фрагментах являются ядрами, так как любое ядро потенциально должно иметь свои сателлиты, в то время как прощание и приветствие не имеют сателлитов, которые связаны с ними логико-синтаксическими отношениями.

2. Одноядерные синтаксические макроструктуры

Тексты данных синтаксических макроструктур строятся вокруг одного ядра. Существует несколько возможных вариаций структур данного вида.

2.1. Цепочечная одноядерная синтаксическая макроструктура

В текстах такой макроструктуры каждый компонент структуры связан логико-синтаксическими отношениями с примыкающими к нему компонентами.

$$\begin{aligned} &\text{ПреСателлит } П(n+1) \Rightarrow \dots \Rightarrow \text{ПреСателлит } П1 \Rightarrow \text{Ядро} \Rightarrow \\ &\Rightarrow \text{ПостСателлит } П1 \Rightarrow \dots \Rightarrow \text{ПостСателлит } П(n+1) \end{aligned}$$

Рис. 4. Цепочечная одноядерная синтаксическая макроструктура

(ПреСателлит – сателлит, предшествующий ядру; ПостСателлит – сателлит, следующий за ядром; П – порядковое число сателлита)

К текстам рассматриваемой макроструктуры обычно относят нарративные текстовые сегменты. В качестве подобного примера можно привести текстовый фрагмент из рассказа «Ангел», написанный М. Раха:

She shuffles up the steps with the last of her strength. Her pink sweat-pants are tinged with brown, and her feet are buried in city-stained bunny slippers. Her eyes look like they've seen so much sadness they're forever doomed to apathy. They are eyes dazed with the work it takes to stay warm, and weary of the excess of privileged people. I'm looking at those glass eyes and thinking that she reeks of survival; that I'm too cold to move, and all I'm doing is waiting for the first train home.

Out comes her wrinkled, begging hand. We turn out our pockets and find nothing. The mouth of the station swallows her descending, dejected frame.

Light another smoke. We are pushing reluctant time forward as it digs its heels in at the dusty smells and sounds of old stories, at the sucking of smoke, at our involuntary shivers.

She's back again. The wrinkled hand, heavy with pleading, is now answering.

She drops four warm quarters into my palm and says, "Get yourselves a cup of coffee. Merry Christmas".

The station gulps her up again before we can say thank you [A.].

В приведенном текстовом фрагменте кульминация (ядро) состоит из трех речевых актов, последовательно связанных друг с другом логико-синтаксическими отношениями перечисления: *She drops four warm quarters into my palm and says, "Get yourselves a cup of coffee. Merry Christmas"*. Женщина подает главной героине доллар и объясняет, для чего она это сделала. В рассматриваемом текстовом фрагменте все речевые акты последовательно связаны друг с другом теми или иными логико-синтаксическими отношениями.

Кроме того, некоторые сателлиты представленной синтаксической макроструктуры, как и сателлиты любых других ядерных синтаксических макроструктур, могут преобразовываться в самостоятельные ядра для второстепенных текстовых сегментов в рамках реализуемого текста.

2.2. Разветвленная одноядерная синтаксическая макроструктура

В текстах данных синтаксических макроструктур ядро связано логико-синтаксическими отношениями со всеми своими сателлитами. При этом сателлиты могут быть как связаны друг с другом логико-синтаксическими отношениями, так и не связаны.

Следует отметить, что мы лишь теоретически предполагаем возможность существования подобной макроструктуры в чистом виде.

В реальных же текстах она существует лишь фрагментарно, обычно реализуясь при смене темы повествования. Например:

I'm better than him. I don't drink as much as he does. He has cheated on you and I'll never do. Well, I earn much more than he does. And... it's sunny outside. Let's go for a walk.

Рис. 5. Разветвленная одноядерная синтаксическая макроструктура с несвязанными сателлитами

В представленном текстовом фрагменте речевой акт *it's sunny outside* не связан какими-либо логико-синтаксическими отношениями с предыдущими речевыми актами, несмотря на присутствие коннектора *and*, который обычно связывает два речевых акта логико-синтаксическими отношениями.

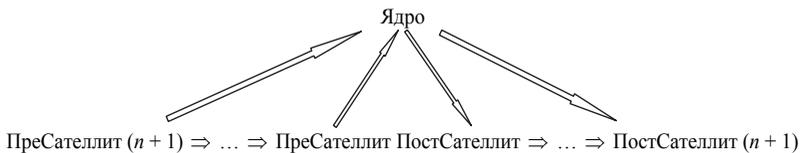

Рис. 6. Разветвленная одноядерная синтаксическая макроструктура со связанными сателлитами

К текстам представленной макроструктуры относятся односторонние аргументативные сегменты. Например:

Well, what are you waiting for? *They've been publishing comic magazines for more than ten years. They've been buying scripts for these magazines from freelance writers for that same length of time and paying good rates for them. There are ninety-two comic magazines appearing on the stands every single month – and each magazine uses average of five stories. It's a big field, it's a well-paying field, and it's an interesting field. If you haven't tried to crack the comics yet, **now's the time to start**¹⁰.*

¹⁰ Legends of Literature: The Best Articles, Interviews, and Essays from the Archives of Writer's Digest Magazine / ed. by Ph. Sexton. – Ohio: Writer's Digest Books, 2007. – 325 p.

Приведенный текстовый фрагмент является типичным примером аргументативных типов текста. В начале текста дан тезис (*Well, what are you waiting for?*) в виде риторического вопроса, который связан с последующими речевыми актами логико-синтаксическими отношениями тезис–аргумент. Аргументы находятся друг с другом в логико-синтаксических отношениях перечисления и развития. В конце текста представлен вывод, который так же, как и тезис, вступает с аргументами в логико-синтаксические отношения. Тезис, и вывод связаны друг с другом логико-синтаксическими отношениями переформулировки.

3. Многоядерные синтаксические макроструктуры

Многоядерные синтаксические макроструктуры представляют собой комбинацию одноядерных структур. Количество одноядерных синтаксических макроструктур в многоядерной макроструктуре теоретически может быть бесконечно, ограничения накладываются семантическими компонентами конкретного текста.

В основе разграничения многоядерных синтаксических макроструктур лежат отношения между одноядерными макроструктурами в рамках представленной макроструктуры. Существует несколько возможных вариаций структур данного вида.

3.1. Одноуровневое сопоставление синтаксических макроструктур

В текстах рассматриваемой синтаксической макроструктуры сопоставление осуществляется только на уровне ядер, в то время как сателлиты одной макроструктуры не связаны логико-синтаксическими отношениями с сателлитами другой.

На рис. 7 представлена схема рассматриваемой структуры.

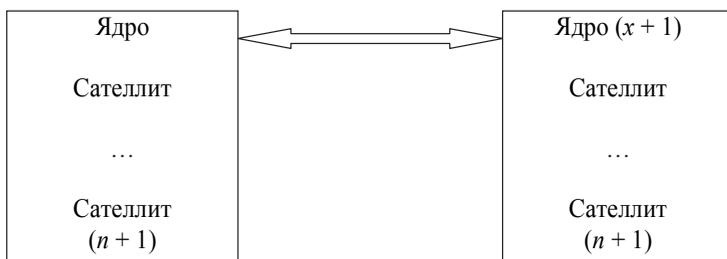

Рис. 7. Одноуровневое сопоставление синтаксических макроструктур
(x – общее количество ядер)

К текстам приведенной выше макроструктуры могут принадлежать как нарративные, так и аргументативные тексты. В реальной коммуни-

кации достаточно часто встречаются тексты, относящиеся к рассматриваемой макроструктуре. Следует отметить, что в большинстве случаев подобная коммуникация не является успешной, так как применяется исключительно принцип верификации собственного ядра, в то время как принцип фальсификации ядра оппонента отсутствует. Также минимальной является плоскость соприкосновения двух макроструктур, в результате чего проблематично сопоставить ядра.

Тем не менее попадаются случаи коммуникативно-оправданного отсутствия логико-синтаксических связей между сателлитами двух структур. Примером, репрезентирующим анализируемую макроструктуру, может служить следующий текстовый фрагмент:

*Now I want you to follow my orders, the Don said. "I want you to stay in my house for one month. I want you to eat well, to rest and sleep. I want you to be my companion, I enjoy your company, and maybe you can learn something about the world from your Godfather that might even help you in the great Hollywood. But no singing, no drinking and no women. **At the end of the month you can go back to Hollywood and this pezzonovante, this. 90 caliber will give you that job you want. Done?"***

Johnny Fontane could not altogether believe that the Don had such power. But his Godfather had never said such and such a thing could be done without having it done. "This guy is a personal friend of J. Edgar Hoover", Johnny said. "You can't even raise your voice to him".

"He's a businessman," the Don said blandly. "I'll make him an offer he can't refuse."

"It's too late," Johnny said. "All the contracts have been signed and they start shooting in a week. It's absolutely impossible".

Don Corleone said, "Go, go back to the party. Your friends are waiting for you. Leave everything to me"¹¹.

В представленном текстовом фрагменте дон Корлеоне обещает Джонни решить его проблемы с режиссером. Дон Корлеоне не считает нужным отвечать на аргументы Джонни. В этом контексте отсутствие логико-синтаксических отношений между сателлитами коммуникантов объясняется желанием дона показать свой авторитет и указать на незначительность аргументов собеседника, т. е. аргументы настолько незначительны, что на них не следует отвечать.

¹¹ Puzo M. The Godfather. – N. Y.: New American Library, 2002. – P. 28.

3.2. Двухуровневое сопоставление одноядерных макроструктур

В текстах, имеющих анализируемую синтаксическую макроструктуру, сопоставление осуществляется как на уровне ядер макроструктуры, так и на уровне сателлитов. Соответственно, в подобных макроструктурах реализуются два вида сателлитов:

1) сателлиты, развивающие ядро и находящиеся в логико-синтаксических отношениях с другими сателлитами в рамках данной макроструктуры;

2) сателлиты, находящиеся в сопоставлении к ядру или к сателлитам другой макроструктуры.

Во многих случаях второе ядро не представлено эксплицитно в тексте и может быть восстановлено на основе аргументов. Это прежде всего касается тех случаев, когда антитезис прямо противоположен тезису.

Второй подвид двухуровневой многоядерной макроструктуры достаточно часто встречается в реальных коммуникативных ситуациях и может соотноситься с различными типами текста, например с аргументативным:

Sollozzo came to the point immediately. The business was narcotic. Everything was set up. Certain poppy fields in Turkey had pledged him certain amounts every year. He had a protected plant in France to convert into morphine. He had an absolutely secure plant in Sicily to process into heroin. Smuggling into both countries was as positively safe as such matters could be. Entry into the United States would entail about five percent losses since the FBI itself was incorruptible, as they both knew. But the profits would be enormous, the risk nonexistent. "Then why do you come to me?" the Don asked politely. "How have I deserved your generosity?"

Sollozzo's dark face remained impassive. "I need two million dollars cash", he said. "Equally important, I need a man who has powerful friends in the important places. Some of my couriers will be caught over the years. That is inevitable. They will all have clean records, that I promise. So it will be logical for judges to give light sentences. I need a friend who can guarantee that when my people get in trouble they won't spend more than a year or two in jail. Then they won't talk. But if they get ten and twenty years, who knows? In this world there are many weak individuals. They may talk, they may jeopardize more important people. Legal protection is a must. I hear, Don Corleone, that you have as many judges in your pocket as a bootblack has pieces of silver".

Схемы двух возможных вариантов рассматриваемой макроструктуры выглядят следующим образом.

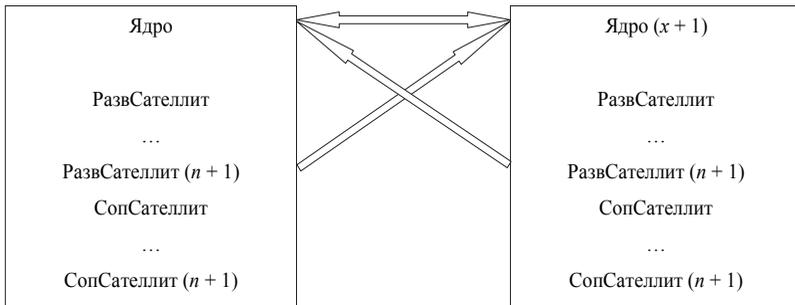

Рис. 8. Двухуровневое сопоставление одноядерных макроструктур с сателлитами, находящимися в сопоставлении с ядром

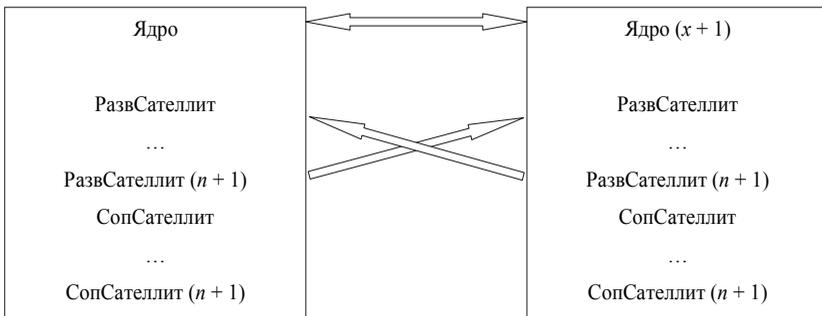

Рис. 9. Двухуровневое сопоставление одноядерных макроструктур с сателлитами, находящимися в сопоставлении с сателлитами макроструктур (РазвСателлит – сателлит, развивающий ядро или предшествующий сателлит, СопСателлит – сателлит, находящийся в сопоставлении к ядру или к сателлиту другой макроструктуры)

Don Corleone didn't bother to acknowledge the compliment. "What percentage for my family?" he asked.

Sollozzo's eyes gleamed. "Fifty percent". He paused and then said in a voice that was almost a caress, "In the first year your share would be three or four million dollars. Then it would go up".

Don Corleone said, "And what is the percentage of the Tattaglia family?"

For the first time Sollozzo seemed to be nervous. "They will receive something from my share. I need some help in the operations".

“So”, Don Corleone said, “I receive fifty percent merely for finance and legal protection. I have no worries about operations, is that what you tell me?”

Sollozzo nodded. “If you think two million dollars in cash is ‘merely finance’, I congratulate you, Don Corleone”.

The Don said quietly, “I consented to see you out of my respect for the Tattaglias and because I’ve heard you are a serious man to be treated also with respect. I must say no to you but I must give you my reasons. The profits in your business are huge but so are the risks. Your operation, if I were part of it, could damage my other interests. It’s true I have many, many friends in politics, but they would not be so friendly if my business were narcotics instead of gambling. They think gambling is something like liquor, a harmless vice, and they think narcotics a dirty business. No, don’t protest. I’m telling you their thoughts, not mine. How a man makes his living is not my concern. And what I am telling you is that this business of yours is too risky. All the members of my family have lived well the last ten years, without danger, without harm. I can’t endanger them or their livelihoods out of greed”.

The only sign of Sollozzo’s disappointment was a quick flickering of his eyes around the room, as if he hoped Hagen or Sonny would speak in his support. Then he said, “Are you worried about security for your two million?”

The Don smiled coldly. “No”, he said.

Sollozzo tried again. “**The Tattaglia family will guarantee your investment also**”.

It was then that Sonny Corleone made an unforgivable error in judgment and procedure. He said eagerly, “The Tattaglia family guarantees the return of our investment without any percentage from us?”

Hagen was horrified at this break. He saw the Don turn cold, malevolent eyes on his eldest son, who froze in uncomprehending dismay. Sollozzo’s eyes flickered again but this time with satisfaction. He had discovered a chink in the Don’s fortress. When the Don spoke his voice held a dismissal. “Young people are greedy”, he said. “And today they have no manners. They interrupt their elders. They meddle. But I have a sentimental weakness for my children and I have spoiled them. As you see. Signor Sollozzo, my no is final. Let me say that I myself wish you good fortune in your business. It has no conflict with my own. I’m sorry that I had to disappoint you”¹².

¹² Puzo M. The Godfather. – N. Y.: New American Library, 2002. – P. 28.

В анализируемом текстовом фрагменте Соллоццо пытается убедить дона Корлеоне войти в дело по торговле наркотиками, приводя соответствующие аргументы (выделены полужирным курсивом в предыдущем фрагменте текста). Дон Корлеоне отказывается стать партнером Соллоццо в бизнесе по торговле наркотиками. Он приводит следующие контраргументы.

1. Развивающие контраргументы: 1) *Your operation, if I were part of it, could damage my other interests.* 2) *And what I am telling you is that this business of yours is too risky. All the members of my family have lived well the last ten years, without danger, without harm. I can't endanger them or their livelihoods out of greed.*

2. Нейтрализующие аргументы оппонента: *It's true I have many, many friends in politics, but they would not be so friendly if my business were narcotics instead of gambling. They think gambling is something like liquor, a harmless vice, and they think narcotics a dirty business. No, don't protest. I'm telling you their thoughts, not mine. How a man makes his living is not my concern.*

Следует также отметить, что в реальных текстах в рамках одной и той же многоядерной макроструктуры СопСателлиты могут содержаться в одной одноядерной макроструктуре и не содержаться в другой.

Прагматическое измерение текста

Так как прагматика заключается в отношении носителя языка к знакам, то в основе разделения базовых прагматических макроструктур должен лежать аллокутивный критерий. Таким образом, можно выделить следующие базовые прагматические макроструктуры.

1. Недостаток или отсутствие информации / действия

В текстах, принадлежащих к данным прагматическим макроструктурам, коммуниканты обладают разной релевантной информативной базой, т. е. либо адресант обладает большей информацией, чем адресат, либо адресат обладает большей релевантной информацией, чем адресант. Следовательно, можно выделить две подгруппы макроструктур данного типа.

1.1. Сообщение информации / действия

В текстах рассматриваемого вида прагматической макроструктуры адресант либо восполняет недостаток релевантной информации у адресата, либо сообщает о необходимости выполнения какого-либо дей-

ствия (адресантом, адресатом, обоими коммуникантами или всеми коммуникантами при наличии других).

1.2. Запрос информации / действия

В текстах, принадлежащих к представленным прагматическим макроструктурам, адресант либо просит восполнить недостаток релевантной информации, либо запрашивает действие для выполнения, релевантное в данной ситуации.

2. Несоответствие информации / действия

В текстах анализируемого вида прагматических макроструктур коммуниканты обладают разной информацией по определенной теме. Соответственно, цель коммуникантов заключается в выработке общей релевантной информативной базы или же в определении возможности существования обеих / всех баз одновременно.

3. Фатические

Тексты фатических макроструктур направлены на выражение психологического состояния адресанта относительно адресанта, адресата, других, адресанта и адресата, адресанта и других, адресата и других, всех участников коммуникации.

Следует отметить, что исключительно ядерный компонент текстового сегмента определяет то, какой вид прагматической макроструктуры реализуется в конкретном текстовом сегменте.

Семантическое измерение текста

На наш взгляд, семантическое измерение текста оптимально представить в виде своеобразной семантической сети. Мы выделили и градуировали по степени релевантности следующие узлы семантической сети, которые находят отражение в текстах.

1. Тематика текста

Первым делом адресант выбирает определенную тематику, которая будет реализована в конкретной коммуникативной ситуации. Посчитать общее количество возможных тем представляется задачей крайне сложной. Тем не менее проблемой обобщенного тематического разделения текстов ученые интересуются еще с древних времен.

Так, Порфирий Финикийский еще в III веке н. э. предложил дихотомическое деление, лежащее в основе образования родовых и подчиненных им видовых понятий. Принципы этой классификации выражены в схеме, получившей название «Древо Порфирия». Согласно данной схеме, на первой ступени «субстанция» делится на «бестелес-

ное» и «телесное», которое, в свою очередь, делится на «земное» и «небесное». «Земное» делится на «составное» и «простое». «Составное» подразделяется на «неживое» и «живое», которое делится на «одушевленное» и «растительное». «Одушевленное» делится на «разумное» и «неразумное». «Разумное» подразделяется на «бессмертное» и «смертное», которое состоит из «отдельных людей». На основе представленной иерархической схемы строились многие библиотечные классификации.

На построение библиотечных классификаций средневековья повлияла система «семи свободных искусств». Она состояла из двух комплексов наук, изучавшихся в средневековой школе: тривиума (грамматика, диалектика и риторика) и квадриума (арифметика, геометрия, музыка и астрономия) (рис. 10).

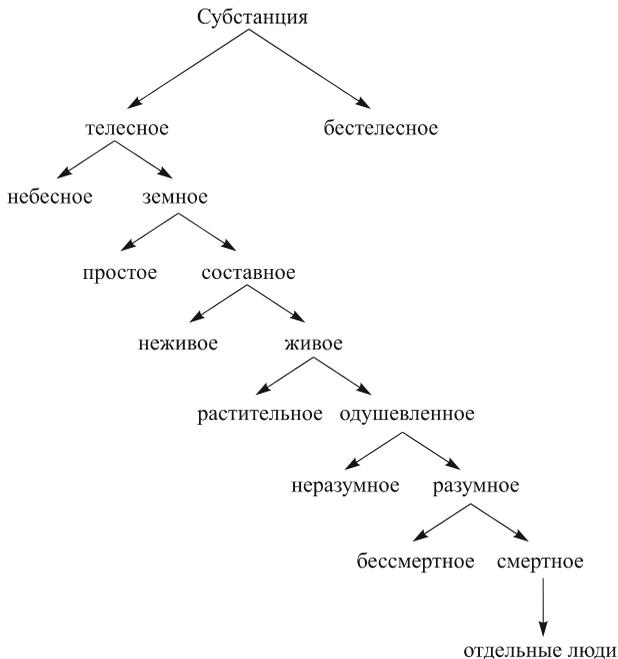

Рис. 10. Древо Порфирия

Крупнейшим достижением в области построения современных библиотечно-библиографических классификаций явилась созданная М. Дьюи «Десятичная классификация», в основе которой лежит применение ин-

дексов, отражающих тематику книги или статьи с большой точностью и полнотой.

2. Перформативность / неперформативность текста

Термин «перформативность» был введен основателем теории речевых актов Дж. Остином. Под перформативом понимается речевой акт, эквивалентный действию.

Соответственно, перформативные тексты представляют собой какие-либо действия. Так, например, «Приказ о призыве граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу», подписанный министром обороны Российской Федерации, сам по себе меняет социальный статус некоторых граждан Российской Федерации, т. е. из военно-обязанных одни граждане превращаются в призывников, а граждане, проходящие военную службу, становятся демобилизованными.

Неперформативные тексты передают определенную информацию или призывают к определенным действиям.

3. Фиксированный / нефиксированный порядок

логико-семантических компонентов

Логико-семантические компоненты текста могут иметь либо фиксированный порядок, т. е. не могут меняться местами с другими логико-семантическими компонентами, либо нефиксированный порядок, т. е. могут меняться местами с другими логико-семантическими компонентами.

Так, многие жанры официально-делового стиля характеризуются фиксированным порядком своих компонентов. Таким жанром является патент на изобретение, который имеет жесткую структуру: библиографические данные, название, объекты, описание изобретения, формулу изобретения, чертежи, реферат.

Следует отметить, что в разных странах последовательность и количество компонентов отдельных жанров может различаться. Так, например, для российских диссертаций не характерно наличие таких компонентов, как аннотация и слова благодарности. В то время как для американских и для многих европейских диссертаций данные структурные компоненты являются обязательными.

4. Гомогенность / гетерогенность логико-семантических компонентов

В гомогенных текстах во всех компонентах реализуется одинаковое количество узлов семантической сети, и все они выражены при-

мерно в равной степени. Что касается гетерогенных компонентов, то существует три вида подобных компонентов.

4.1. Слабогетерогенные логико-семантические компоненты

В компонентах подобных текстов реализуется равное количество узлов семантической сети, но выражены они по-разному. Например, в одном компоненте такой узел семантической сети, как уверенность / неуверенность, выражен четче, чем в другом компоненте.

4.2. Среднегетерогенные логико-семантические компоненты

Представленные компоненты делятся на два подвида.

– Первый подвид. В компонентах таких текстов реализуется равное количество узлов семантической сети, но в разных узлах выражены разные члены оппозиции того или иного узла. Например, в одном компоненте выражается определенная эмоция, в то время как в другом компоненте выражение какой-либо эмоции отсутствует.

– Второй подвид. В компонентах данных текстов либо реализуется разное количество узлов семантической сети, либо реализуются тождественные члены оппозиции узла, но при этом выражены они по-разному.

4.3. Сильногетерогенные логико-семантические компоненты. В компонентах подобных текстов реализуется разное количество узлов семантической сети, при этом в разных узлах выражены разные узловые члены оппозиции.

5. *Экспрессивность / неэкспрессивность информации*

Сама информация в тексте может вызывать у адресата различные психологические состояния. Так, комедия должна вызывать состояние радости у человека, в то время как трагедия – состояние грусти. Соответственно, экспрессивные тексты можно разделить на два подвида.

5.1. Тексты положительной экспрессии, т. е. те тексты, которые вызывают положительное психологическое состояние адресата.

5.2. Тексты отрицательной экспрессии, т. е. те тексты, которые вызывают отрицательное психологическое состояние адресата.

В свою очередь, неэкспрессивные тексты лишь несут в себе определенную информацию, не изменяя психологическое состояние адресата.

6. *Уверенность / неуверенность адресанта в информации (действии)*

Адресант может быть либо уверен, либо не уверен в том, что информация истинна или ложна, или в том, что действие нужно или не нужно осуществлять.

7. Реальность – гипотетичность – нереальность информации (действия)

Можно составлять коммуникацию на основе следующих явлений, действий и т. д.:

- а) реально существующих или реально выполнимых;
- б) гипотетически существующих или гипотетически выполнимых;
- в) несуществующих или невыполнимых;

8. Эмоциональность / неэмоциональность

Текст может либо быть эмоционально окрашенным, а может не передавать какое-либо эмоциональное состояние вообще. При этом эмоциональность может быть либо негативной (например, злость, обида и т. д.), либо позитивной (например, восхищение, радость и т. д.), либо нейтральной (например, удивление).

9. Известность / неизвестность

Информация может быть новой для адресата или уже известной ему. При этом адресант может а) не знать, что информация известна адресату; б) знать, что информация известна адресату.

Следует отметить, что количество узлов семантической сети может варьироваться. Кроме того, теоретически возможно увеличение количества самих узлов.

2.2.3. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА

Термин «интертекстуальность» является одним из ключевых терминов теории дискурса. Он был введен французским лингвистом Ю. Кристевой и обозначает явление текстовой диалогичности [164].

Интертекстуальность представляют и как наличие одного или нескольких предтекстов в другом, и как отношение между данным текстом и всеми его предтекстами.

Следует отметить, что ученые вкладывают в термин «интертекстуальность» разный смысл, что приводит к определенной размытости данного явления. Так, В.Е. Чернявская выявляет существование двух моделей интертекстуальности – широкой и узкой [109].

Широкую модель интертекстуальности использует Ю. Кристева. Согласно ее взглядам, интертекстуальность олицетворяет теорию безграничного бесконечного текста. Так, текст представляет собой открытое

поливалентное образование, существующее в процессе потенциально бесконечной трансформации.

Данная теория получила развитие в работах известного постструктуралиста Ж. Дерриды, где любой текст является фрагментом одного бесконечного интертекстуального пространства, т. е. текст существует «бесконечно ссылаясь на нечто». По его мнению, текст являет собой определенную мозаику из множества явных и неявных цитат, при этом сам автор текста может не осознавать и зачастую не осознает всех смыслов, выраженных в тексте.

В свою очередь, Р. Барт рассматривает прежде всего рецептивно ориентированную сторону интертекстуальности и характеризует ее как «непрерывное чтение в бесконечном тексте».

Таким образом, в рамках широкой модели интертекстуальности объектом исследования являются не столько тексты, сколько отношения между ними. Соответственно, данную теорию сложно совместить с практикой лингвистического анализа.

Узкую модель интертекстуальности использует И.В. Арнольд. В фокусе исследования в рамках данной модели находятся конкретные отношения между текстами (их фрагментами). Задача данной модели – дифференцирование и классифицирование типов отношений между текстами. В рамках такой модели интертекстуальности ученые занимаются изучением цитат, различных форм чужой речи, аллюзиями и т. д. (Цит. по: [109]). Именно такая модель интертекстуальности является чисто лингвистическим явлением, при помощи которого можно решить различные лингвистические проблемы.

В своей работе мы будем использовать термин «интертекстуальное пространство текста», под которым мы понимаем весь набор текстов, с которыми эксплицитно (например, прямая ссылка на текст) или имплицитно (аллюзия) связан анализируемый текст.

К сожалению, во многих случаях существует некая «неопределенность» отношений между текстами, т. е. нельзя достоверно установить, существует или нет связь между двумя текстами. Это приводит к тому, что литературоведы находят порой отсылки анализируемого ими текста к другим текстам в тех случаях, когда даже сам автор и близко не предполагал данной связи.

Также важным является вопрос, касающийся типов интертекстуальных отношений. Наиболее общая классификация межтекстовых взаимо-

действий принадлежит французскому исследователю Ж. Женетту. Он предлагает следующие пять видов интертекстуальных отношений.

1. Интертекстуальность как сопричастие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.).

2. Паратекстуальность как отношение текста к своей части (заглавие, послесловие, эпиграф).

3. Метатекстуальность как соотношение текста со своим предтекстом.

4. Гипертекстуальность как пародийное соотношение текста с профанируемыми им другими текстами.

5. Архитекстуальность как жанровая связь текстов [43].

Как отмечает В.Е. Чернявская, во многих вариантах возможны перекрещивания данных видов интертекстуальных отношений между собой [109].

Глава 3

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Идея о существовании косвенных речевых актов возникла в рамках теории речевых актов. Д. Гордон и Дж. Лакофф были первыми исследователями данного явления [148], в то время как соответствующий термин был представлен позже в работе Дж. Херингера [156].

3.1. ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В рамках современной прагмалингвистики исследователи определили круг проблем, связанных с косвенными речевыми актами и нуждающимися в дальнейшей разработке. Данные проблемы могут быть сформулированы при помощи следующих вопросов.

1. Каким образом косвенные речевые акты могут содержать больше одного значения? (Проблема полисемии косвенных речевых актов.)
2. Каким образом косвенные речевые акты различаются по степени конвенциональности? (Проблема конвенциональности косвенных речевых актов.)
3. Почему косвенные речевые акты используются вместо соответствующих им прямых речевых актов? (Проблема причин употребления косвенных речевых актов вместо прямых речевых актов.)
4. Каково влияние контекста на транспозицию и редукцию речевых актов? (Проблема текстовых условий реализации косвенных речевых актов.)

Проблема полисемии косвенных речевых актов

Д. Гордон и Дж. Лакофф коснулись проблемы косвенных речевых актов в рамках исследования постулатов «разговорной речи». К их числу авторы отнесли следующее:

- условие искренности, предъявляемое коммуникацией как к адресанту, так и к адресату;
- условие разумности;
- принцип сотрудничества, выражающийся в презумпции полноты информации, сообщаемой адресантом [148].

Для концепций, связывающих речевую деятельность с другими видами активности, релевантна идея о целенаправленности речевых актов. Д. Гордон и Дж. Лакофф считают принцип целенаправленности речевых актов одним из общих характеристик разговора. Они стремятся установить регулярные соотношения между прямым и косвенным значением диалогических реплик. Сформулированные выше общие принципы разговора объясняют сдвиги коммуникативной цели предложения относительно его формально-грамматической структуры [Там же].

Одним из примеров разговорных постулатов для косвенных речевых актов являются следующие постулаты для косвенного речевого акта просьбы:

- а) говорит $(a, b, \text{хочет } (a, q))^* \rightarrow$ просит (a, b, q) ,
- б) спрашивает $(a, b, \text{может } (b, q))^* \rightarrow$ просит (a, b, q) ,
- в) спрашивает $(a, b, \text{склонен } (b, q))^* \rightarrow$ просит (a, b, q) ,
- г) спрашивает $(a, b, q)^* \rightarrow$ просит (a, b, q) .

Каждый постулат содержит перформативный глагол как слева, так и справа от стрелки. Именно такие постулаты, по Д. Гордону и Дж. Лакоффу, позволяют объяснить, как из одного речевого акта следует другой. При помощи символа (*) они указывают на зависимость этих постулатов от понимания адресатом того, что адресант не задает реальный вопрос (при этом они не объясняют того, как это понимание может быть достигнуто). Иначе говоря, коммуникативно-имплицитированное значение может быть выражено только тогда, когда не имеется в виду буквальное значение.

Несомненное достоинство представленного подхода заключается в том, что принимаются во внимание очень важные семантические обобщения. Например, речевые акты “*Will you open the door?*”, “*Would you*

open the door?”, “*Do you want to open the door?*” относятся к одному типу просьб (в), которые можно охарактеризовать как просьбы, основанные на склонности адресата к их выполнению.

В то же время Дж. Морган отмечает, что в подходе Д. Гордона и Дж. Лакоффа не принимается во внимание потенциал косвенных речевых актов, так как представленный подход исключительно семантически ориентирован. Это утверждение иллюстрирует следующий пример: “*Do you want to hand me the salt?*”, “*Is it the case that you at present desire to hand me the salt?*” [180]. Дж. Серль указывает на то, что первое высказывание может использоваться в качестве просьбы, в то время как второе – не может [200]. Кроме того, существуют виды просьб, которые не учитываются Д. Гордоном и Дж. Лакоффом. Например, “*I’ll have a large pineapple*” [147].

В рамках теории сегментной репрезентации дискурса косвенные речевые акты рассматриваются как сложный семантический тип, состоящий из двух несочетающихся частей. Таким образом, решается проблема того, как два речевых акта реализуются в одном. Так, Н. Эшер и А. Ласкаридес представляют семантический тип как корреляцию трех сил: индикативной, интеррогативной и императивной.

В отечественных работах проблема полисемии высказывания получила обширное освещение. Некоторые исследователи, в частности М.Я. Блох, уже в 70-е годы подчеркивали то, что косвенные высказывания определенного коммуникативно-прагматического типа являются случаями транспонированного употребления в несвойственной им области [14]. При таком употреблении предложение интегрирует два типа значений: прямое, вытекающее из языкового содержания, и косвенное, заключающееся в функциональной направленности.

Проблема конвенциональности косвенных речевых актов

Наибольшее распространение в теории речевых актов получил подход конвенционального использования косвенных речевых актов, основателем которого является Дж. Серль. Из данного подхода следует, что определенные формы становятся стандартными идиоматическими формами для косвенных речевых актов. Так, сохраняя свое буквальное значение, они используются косвенно [87]. Косвенные речевые акты, с точки зрения Дж. Серля, основаны на противопоставлении первичного и вторичного значений языковой формы. Дж. Серль приводит пример, ставший прецедентным в современной лингвистике:

“*Could you pass me the salt?*”? Дж. Серль указывает на то, что рассматриваемый речевой акт является просьбой, а не вопросом, т. е. адресант просит, чтобы ему передали соль, а не спрашивает о возможности адресата это сделать.

Вопрос о конвенциональности косвенных речевых актов в рамках классического подхода лингвисты решали по-разному.

Некоторые лингвисты считают, что конвенциональные косвенные речевые акты должны быть исключены из числа косвенных высказываний. Такой позиции придерживается голландский лингвист Х. Хаверкате, который обосновывает данную точку зрения тем, что в конвенциональных косвенных речевых актах пропозициональная часть называет ожидаемое от адресата действие. Тем самым высказывание обнаруживает большое сходство с соответствующими прямыми высказываниями [154].

Существует также и прямо противоположная точка зрения, согласно которой из состава косвенных речевых актов исключаются высказывания, требующие особых условий. Дж. Грин именует данные высказывания намеками. По его словам «называть намеки типа *it's cold in here!*.. приказами из-за того, что они могут в некоторых случаях оказывать то же воздействие, что и обычные приказы, это то же самое, что называть «Кока-Колу» кофе, если она не дает вам заснуть ночью. Это просто разные явления, не относящиеся даже к одному классу явлений» [149].

Другие лингвисты считают конвенциональные речевые акты идиомами. Так, для конвенциональных речевых актов они выявляют формулы, которые направлены на распределение всех конвенциональных косвенных речевых актов на небольшое количество групп. Например, *Can you VP* – формула для косвенных просьб [195].

Следует отметить, что сам статус конвенциональной формы является неоднозначным. Так, Р.Р. Хауссер отмечает, что высказывания типа “*Could you pass me the salt?*” могут в определенных ситуациях служить настоящим вопросом. Например, если речь идет о человеке с физическими отклонениями [153].

Представленная проблема в рамках теории речевых актов была решена У. Ликаном, наиболее подробно разработавшим вопрос конвенциональности косвенных речевых актов и предложившим классификацию косвенных речевых актов, основанную на трех стадиях развития значения высказывания Дж. Моргана [180].

На первой стадии для понимания косвенного смысла высказывания необходима интерпретация его импликатур. На данной стадии только при помощи контекста можно понять, что реализуется косвенное значение (*It's cold in here*), без контекста такие высказывания трактуются в основном как прямые.

На второй стадии высказывание трактуется преимущественно как косвенное и только контекст может указать на реализацию прямого значения (*Would you take out the garbage?*).

На третьей стадии высказывание может интерпретироваться только как косвенное (*Why paint your house purple?*) [172].

Несмотря на логичность своего построения, данная классификация имеет существенный недостаток, который не позволяет рассматривать ее в качестве оптимального варианта решения проблемы конвенциональности косвенных речевых актов. Так, косвенные речевые акты третьей ступени не являются косвенными речевыми актами вообще. Они относятся к гибридным речевым актам, так как одновременно содержат в своей структуре элементы вопроса (*why*) и элементы побуждения (*paint your house*). Косвенные речевые акты второй ступени также содержат маркер просьбы в своей структуре (*could*). Соответственно, данная классификация показывает переход от косвенных речевых актов к гибридным.

Тем не менее разделение косвенных речевых актов на конвенциональные и неконвенциональные играет важную роль при исследовании проблем косвенных речевых актов, так как показывает неоднородность состава косвенных речевых актов.

В зарубежной лингвистике широкое распространение получила теория редукции речевых актов, предложенная С. Левинсоном. Суть его теории сводится к тому, что конвенциональные косвенные речевые акты образуются вследствие редукции ряда коммуникативных ходов. Это обуславливается стремлением коммуникантов к языковой компрессии и избеганию многословия. Редукция осуществляется сразу после того, как адресат понял истинную интенцию адресанта. Конвенциональные косвенные просьбы С. Левинсон называет «предпросьбами» (*pre-request*). В своей работе он приводит следующий пример, в котором показана редукция ряда предложений:

A: *Have you got Embassy Gold?*

B: *Yes, dear (provides).*

С. Левинсон утверждает, что две реплики в представленном выше разговоре были редуцированы, т. е. данный диалог мог бы иметь следующую развернутую форму:

A: *Have you got Embassy Gold?*

B: *Yes, dear.*

A: *Can you give it to me?*

B: *Yes, dear (provides).*

Подобная редукция возможна только тогда, когда адресат обладает дополнительной информацией. С. Левинсон указывает на то, что второй диалог состоит из двух единств: предпросьбы и просьбы. Если адресат понимает это, то он может выполнить просьбу до того, как его попросят об этом. Предпросьба используется для того, чтобы избежать «нежелательного ответа», в анализируемом примере прямой отказ от просьбы, отрицательный ответ является менее «нежелательным ответом», чем отказ от выполнения просьбы [169].

Теория редукции речевых актов, предложенная С. Левинсоном, нашла развитие в работах многих зарубежных исследователей. М. Гейс называет рассматриваемый подход интерпретации косвенных речевых актов когнитивным. Главная заслуга М. Гейса заключается в том, что он сформулировал основной тезис этого подхода: *чем больше мы знаем, тем меньше нам надо говорить*. Это соотносится с постулатом релевантности Г.П. Грайса. В качестве иллюстрации вышеприведенного высказывания М. Гейс приводит следующий диалог:

B: *Are you going to the talk today?*

M: *Yeah, why do you ask?*

B: *I need a ride home. Could you give me one?*

M: *Where do you live?*

B: *Clintonville.*

M: *Sure, that's not far out of my way.*

В следующий раз, когда первому коммуниканту понадобится, чтобы его подвезли до дома, диалог может быть сведен к следующему:

B: *Are you going to the talk today?*

M: *Yeah, do you need a ride home?*

B: *Yeah, could you give me one?*

M: *Sure.*

Анализируемый диалог возможен вследствие того, что адресат может прогнозировать дальнейшее развитие событий. Если подобная

коммуникативная ситуация повторяется неоднократно, то диалог может приобрести две формы:

1) В: *Are you going to the talk today?*

М: *Yeah, I'll give you a ride.*

2) В: *Could you give me the ride after the talk?*

М: *Sure.*

Так как адресат знает, что нужно адресанту, вследствие того что тот неоднократно его просил об этом, то он воспринимает речевой акт вопроса в рассматриваемом контексте как просьбу. В свою очередь адресанту нужно только знать, собирается ли адресат поехать на выступление, так как адресат никогда не отказывал ему в выполнении этой просьбы, т. е. нужно только соблюдение условия возможности адресата выполнить действие.

С другой стороны, если разговор будет происходить при других условиях, то первую реплику нельзя будет считать косвенным речевым актом. Она приобрела подобный статус только в парадигме отношений двух коммуникантов в определенной ситуации.

Кроме того, М. Гейс рассматривает хрестоматийный пример просьбы Дж. Серля “*Can you pass me the salt?*” с точки зрения когнитивного подхода. Если коммуниканты находятся за одним столом, то это в большинстве случаев предполагает наличие каких-то дружественных отношений между участниками коммуникации. Следовательно, адресат склонен выполнить просьбу адресанта. Соответственно, так как необходимое условие желания соблюдено, адресанту нужно только обозначить свое желание получить соль. В анализируемой ситуации форма вопроса используется для того, чтобы избежать «нежелательного ответа» и в меньшей степени подвергнуть опасности свою «положительную репутацию» [147].

Несомненным достоинством данного подхода является то, что в его рамках учитываются дискурсивные характеристики конвенциональных косвенных речевых актов и объясняются механизмы их транспозиции.

Рассматриваемый подход, по замечанию С. Якобса и С. Джексона, касается только конвенциональных случаев употребления косвенных речевых актов и не может быть применен к более широкому классу [158]. Кроме того, как в работах С. Левинсона, так и в работах М. Гейса анализируются преимущественно реквестивы, что позволяет говорить о необходимости дальнейших исследований в рамках представленного подхода.

Отечественные лингвисты, например Е.В. Милосердова и О.С. Милосердова, к случаям редукции речевых актов относит имплицитные речевые акты, т. е. неконвенциональные косвенные речевые акты. Ученые отделяют имплицитные речевые акты от косвенных, отмечая их различие. Е.В. Милосердова выделяет причины, обуславливающие такое разграничение:

1) разная степень удаленности реализуемого в них смысла от их буквального значения. В косвенных речевых актах эта удаленность незначительна;

2) отличительной чертой косвенных речевых актов является «независимость их иллокутивной функции от контекстуального окружения и ситуации». Также в косвенных речевых актах очевидно коммуникативное намерение адресанта. С этим связана вторая причина данного разграничения: адресанту требуется минимум усилий для образования косвенных речевых актов;

3) неадекватная реакция адресата на косвенный речевой акт свидетельствует о его намеренном нарушении коммуникативного процесса;

4) истинное коммуникативное намерение так далеко от денотативного содержания высказывания, что «в случае его буквального истолкования собеседника трудно заподозрить в нарушении принципа коммуникативного сотрудничества» [69, с. 40, 41].

При рассмотрении различных подходов к проблеме косвенных речевых актов в рамках теории речевых актов нельзя оставить без внимания точку зрения Р. Бертолета, который выдвинул предположение о том, что не существует такого явления, как косвенные речевые акты. Он заявляет, что одна и та же форма может иметь несколько иллокутивных сил, и это не свидетельствует о транспозиции данной формы. Так, ряд иллокутивных сил можно выразить при помощи невербальных средств, при этом нельзя говорить о «косвенности действия», через которое выражается иллокутивная сила. Р. Бертолет пишет о том, что ситуация высказывания определяет иллокутивную силу того или иного акта, при этом если вопрос передает иллокутивную силу просьбы, он не перестает быть вопросом, а следовательно, форма никак не связана с иллокутивной силой. Тем самым Р. Бертолет пытается доказать, что речевой акт в конкретном контексте может обладать только одной иллокутивной силой [125].

В рамках данного подхода к проблеме косвенных речевых актов в частности и речевых актов в целом предлагается считать иллокутив-

ную силу чисто прагматическим явлением [145]. С. Левинсон выявляет ряд недостатков данного подхода. Так, существование такого явления, как эксплицитные перформативы, ставит под сомнение правомерность заявлений о том, что иллюкутивная сила сугубо принадлежит к прагматическим явлениям, так как эксплицитные перформативы выражают иллюкутивную силу семантически. Кроме того, интеррогативы по своей природе являются открытыми высказываниями, требующими ответа, т. е. они содержат иллюкутивную силу в своей структуре [169, с. 274].

Безусловно, Р. Бертолет выявляет недостатки подхода по вопросу косвенных речевых актов в рамках теории речевых актов, но сам он оперирует небольшим количеством эмпирического материала. Кроме того, он не предлагает решения обозначенной им проблемы.

Проблема причин употребления косвенных речевых актов вместо прямых речевых актов

Некоторые речевые акты в английском языке используются преимущественно в косвенной форме, например, приказы, запреты и т. д. [Там же]. Кроме того, существует много различных способов косвенно выразить тот или иной речевой акт.

Прежде чем приступить к решению данной проблемы, нужно заметить, что косвенные речевые акты принадлежат к разным классам языковой структуры и, следовательно, обладают разными свойствами, которые во многом определяют причины предпочтения косвенных форм перед прямыми.

В качестве основной причины использования косвенных речевых актов вместо прямых многие лингвисты называют более вежливый характер многих форм косвенных речевых актов. М. Гейс отмечает, что вежливость форм напрямую зависит от того, на кого ориентирован речевой акт. Так, если речевой акт ориентирован на адресата, то он является более вежливым, чем речевой акт, ориентированный на адресанта, т. е. форма *Can you pass me the salt?* более вежлива по сравнению с формой *I want the salt*. Кроме того, форма вопроса более вежлива по сравнению с формой императива. При этом форма императива носит более вежливый характер по сравнению с формой утверждения. Используя формы утверждения вместо императивных форм, адресант может преследовать разные цели (например, он хочет показать, что его социальный статус выше социального статуса адресата).

По мнению П. Браун и С. Левинсона, во многих случаях адресанты используют косвенные речевые акты прежде всего для сохранения репутации либо своей, либо адресата, либо третьего лица. Согласно их концепции, любой речевой акт может угрожать «репутации» адресанта или адресата. Например, «позитивной репутации» адресата может угрожать критика, упреки, насмешки, сарказм и т. д. [131]. Косвенные речевые акты угрожают репутации в меньшей степени, чем прямые. Так, отказ адресата от выполнения «предпросьбы» в меньшей степени угрожает репутации адресанта, чем отказ от выполнения просьбы.

Другая причина употребления косвенных речевых актов основывается на их возможности передать смысл двух речевых актов при помощи одного. Это касается прежде всего редуцированных речевых актов.

В свою очередь, косвенные речевые акты интеррогативы позволяют создать иллюзию диалога в монологе, что по некоторым причинам может быть немаловажным для адресанта. Например, адресант является автором публицистической статьи, и у него отсутствует возможность создать реальный диалог с читателем.

Следует также отметить, что косвенные речевые акты оказывают большее воздействие на адресанта по сравнению с соответствующими прямыми речевыми актами, вследствие чего косвенные речевые акты часто применяются для манипулирования собеседником.

Кроме того, косвенные речевые акты могут быть использованы по причине сложности их интерпретации. Причиной употребления таких речевых актов в текстах комического дискурса является возможность обмануть ожидания адресата.

Проблема контекстуальных и текстовых условий реализации косвенных речевых актов

Явление косвенных речевых актов, точно так же как и явление речевых актов в целом, не может рассматриваться без учета контекстуальных и текстовых условий реализации. По сути, при рассмотрении косвенных речевых актов мы сталкиваемся с той же проблемой, что и в случае речевых актов в целом, т. е. с отсутствием учета текстовых связей высказывания. Решение представленной проблемы нужно искать в рамках теории текста.

Контекстуальные условия реализации косвенных речевых актов учитываются в динамической теории речевых актов. Так, М. Гейс пишет, что для определения того, является ли речевой акт *Can you pass*

me the salt? вопросом или просьбой, следует принять во внимание весь набор имплицатур и пресуппозиций. В своей работе он подробно рассматривает контекстуальные условия реализации различных типов просьб [147].

Вопрос текстовых условий реализации косвенных речевых актов получил определенное освещение в рамках теории сегментной репрезентации дискурса. Н. Эшер и А. Ласкаридес считают, что сущность косвенных речевых актов может быть раскрыта при помощи теории демаркации, предложенной Дж. Пустежовски. Согласно данной теории, косвенный речевой акт состоит из двух речевых актов, каждый из которых может находиться в риторической связи с предшествующим или последующим высказыванием по отдельности. Из приведенного определения следует, что косвенный речевой акт содержит в себе два риторических отношения¹³.

Например:

a) *Let's meet next weekend.*

b) *How about Saturday?*

Первое риторическое отношение – это выработка плана на будущее (ответная реплика – согласие), так как по Н. Эшеру и А. Ласкаридес ответная реплика на предложение должна обладать индикативной силой и осуществлять риторическую связь определенного вида; второе риторическое отношение – это запрос информации (инициирующая реплика). В представленном примере происходит корреляция двух сил: интеррогативной и индикативной [119, 120].

Как справедливо отмечает Л. Клэпп, рассматриваемый подход применим только к тем косвенным речевым актам, где коррелируют две силы, но существуют косвенные речевые акты, обладающие только одной силой, например индикативной [133].

Кроме того, рассматриваемый подход не учитывает иллюкутивной силы отдельных высказываний. Иллюкутивная сила ограничивает возможности речевого акта вступать в риторические отношения. Н. Эшер и А. Ласкаридес выделяют только три силы, что недостаточно для всех классов речевых актов.

¹³ Pustejovsky J. The Syntax of Event Structure // *Cognition*. 1991. – № 41. – P. 47–81.

3.2. КОММУНИКАТИВНЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Коммуникативные условия реализации косвенных речевых актов включают основные цели и интенции адресанта, функции, свойства и причины употребления косвенных речевых актов. На основе исследованного материала мы выделили три группы коммуникативных условий реализации косвенных речевых актов.

Первая группа случаев употребления косвенных речевых актов связана с их *фатической функцией*. Данная функция реализуется совместно с одной из двух интенций адресанта.

1. *Вовлечение адресата в виртуальный диалог*

Адресант использует косвенные речевые акты интеррогативы, так как сама форма вопроса предполагает ответ, и если адресант сам не отвечает на вопрос, то предполагается, что это за него мысленно сделает адресат, тем самым адресат не просто воспринимает информацию, но также становится участником иллюзорного диалога. Используя косвенные речевые акты в подобных ситуациях, адресант преследует цель убедить или заинтересовать адресата. Основными причинами употребления косвенных речевых актов представленной группы являются возможность косвенных речевых актов интеррогативов создавать иллюзию диалога в монологе и желание адресанта воздействовать на адресата в большей степени.

Did I mention the Red Bulls, who just concluded their season with 5 victories, 19 losses and 6 draws, one of the worst records in the 14-year history of Major League Soccer? [N. Y. T.]

В анализируемом примере автор статьи помимо того, что приводит аргумент, подтверждающий тезис, обозначенный ранее, также пытается вовлечь читателя в виртуальный диалог. Представленный речевой акт не направлен на запрос информации, так как текст, содержащий это высказывание, не является спонтанным. Предполагается, что у автора, даже если он что-то забыл, есть возможность просмотреть текст заново.

2. *Сохранение репутации*

Существует четыре группы случаев, связанных с сохранением репутации.

2.1. Угроза позитивной репутации адресата или третьего лица

Адресант использует косвенные речевые акты, так как одним из свойств косвенных речевых актов является их неоднозначность, вслед-

ствие чего уменьшается степень угрозы для репутации адресата или третьего лица. Другим свойством косвенных речевых актов является более сильная степень воздействия на адресата. Употребляя косвенные речевые акты в подобных ситуациях, адресант может преследовать следующие цели: высмеять, упрекнуть или раскритиковать адресата или третье лицо. Основными причинами употребления косвенных речевых актов представленной группы являются нежелание адресанта вступать в прямую конфронтацию с адресатом; желание воздействовать на адресата в большей степени и / или желание выглядеть более компетентным, так как косвенные речевые акты являются более сложными как для создания, так и для восприятия по сравнению с прямыми речевыми актами.

Fi Glover: 1) Now, Muriel do your children complain of having too much homework?

Muriel Gray: 2) Oh, not at all Fi, they really love it! [Н. В. S.].

Второй коммуникант считает, что первый коммуникант задает глупый вопрос, но, не желая вступать в прямую конфронтацию и вместе с тем желая показать свое превосходство, второй коммуникант использует косвенный речевой акт.

2.2. Угроза позитивной репутации адресанта

Адресант использует косвенные речевые акты из-за их неоднозначности, вследствие чего уменьшается степень угрозы для его репутации. Используя данные косвенные речевые акты, адресант может преследовать цель показать свое величие, так как смеяться над собой может только сильный человек.

I have great faith in fools – 2) my friends call it self-confidence [М.].

Э.А. По высмеивает сам себя. Речевой акт (1) является утверждением, а речевой акт (2) выполняет текстовую функцию *развития* по отношению к речевому акту (1). Косвенный речевой акт, представленный речевым актом (2), является имплицитным, но его легко восстановить из ситуации, так как он является выводом: *I'm a fool.*

2.3. Сохранение позитивной репутации адресата

Адресант использует косвенные речевые акты, так как некоторые их формы более вежливы, чем эквивалентные формы прямых речевых актов. Косвенные речевые акты представленной группы используются, когда социальный статус адресанта выше статуса адресата. Так, адресант убеждает адресата выполнить действие. Основными причинами употребления косвенных речевых актов представленной группы явля-

ются желание адресанта не показывать превосходство над адресатом и желание создать свой благоприятный образ.

Morell: 1) *Come, Miss Prosperine!* 2) *Can't you find a date for the costers?*¹⁴.

Вышеприведенная реплика принадлежит начальнику, который может приказать подчиненному сделать что-то, но он, пытаясь сохранить репутацию адресата, запрашивает о наличии возможности у адресата осуществить действие.

2.4. Сохранение позитивной репутации самого адресанта

То, какие причины побуждают адресанта использовать косвенные речевые акты рассматриваемой группы, зависит от его цели. Если цель адресанта убедить адресата в чем-то, то адресант, употребляя косвенные речевые акты, хочет снизить вероятный урон для своей репутации в том случае, если адресат с ним не согласится или опровергнет его слова.

Morell: 1) *Watch and pray, Lexy!*

Lexy: 2) *But how can I watch and pray when I'm asleep?*¹⁵.

В представленном примере адресант не хочет напрямую возражать своему начальнику, поэтому свое несогласие он оформляет в виде вопроса.

Также адресант может использовать косвенные речевые акты в случаях просьбы или совета для того, чтобы не нести ответственности за результат. Так, если выполнение действия принесет вред, у адресанта будет возможность придать своим словам другое значение.

*In my rambles about the grounds I have noticed a small but quite adequate lake, and... well, there you have it, my dear Bertie*¹⁶.

В представленном примере адресант советует столкнуть в пруд третье лицо, которое является очень уважаемым человеком, вследствие чего адресант не хочет брать ответственность за результат на себя, поэтому совет представлен в виде косвенного речевого акта.

Вторая группа случаев употребления косвенных речевых актов связана с их *информативной функцией*, которая реализуется в связи со стремлением адресанта к языковой компрессии. Основным релевантным свойством рассматриваемых косвенных речевых актов является

¹⁴ *Shaw B.* Pygmalion // *Shaw B. Plays.* – СПб.: Антология, 2008. – С. 136.

¹⁵ Указ. соч. – С. 136.

¹⁶ *Wodehouse P.G.* Jeeves in the offing. – СПб.: Антология, 2009. – С. 167.

их емкость. При помощи одного эксплицитно выраженного речевого акта может быть передан смысл двух. Это и является основной причиной употребления анализируемого вида косвенных речевых актов, при этом цели адресанта могут быть различными:

Cecily: 1) *Oh, is he going to take you for a nice drive?*

Algernon: 2) ***He is going to send me away***¹⁷.

В представленном примере реактивная реплика второго коммуниканта предполагает отрицательный ответ на вопрос, поставленный первым коммуникантом. Это следует из того, что действие, указанное в вопросе, отличается от действия в ответе. Следовательно, развернутая форма диалога может быть представлена следующим образом:

– *Oh, is he going to take you for a nice drive?*

– ***No, he is not. He is going to send me away.***

Третья группа случаев употребления косвенных речевых актов связана с их *эстетической функцией*. Данная функция реализуется совместно с одной из двух интенций адресанта.

1. Создание усложненного коммуникативного кода.

Использование усложненного коммуникативного кода в определенных жанрах художественного стиля основывается на потенциальной многозначности интерпретации косвенных речевых актов. Используя косвенные речевые акты, адресант заставляет адресата прилагать усилия для интерпретации текста, поэтому главной причиной употребления косвенных речевых актов может стать сложность их интерпретации.

And going forth, he met Butterly [U.].

В представленном примере Бик Маллиган не имеет в виду никого по имени Батерли, он отсылает нас к описанию действий апостола Петра, после того как он предал Христа: “*And going forth, he wept bitterly*”. При помощи данной аллюзии он намекает на то, что Стивен предал свою мать. Для адекватной интерпретации данного речевого акта адресат должен приложить определенные умственные усилия.

2. Создание комического эффекта

Адресант использует косвенные речевые акты в силу их неоднозначности. При этом адресат выбирает интерпретацию, которая либо заведомо неадекватна, либо адекватна лишь на первый взгляд, т. е. даль-

¹⁷ *Wilde O. An Ideal Husband // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 392.*

нейший контекст указывает на ее неадекватность. Используя косвенные речевые акты, адресант преследует цель рассмешить адресата. Основной причиной употребления косвенных речевых актов представленной группы является возможность обмануть ожидания адресата.

Irate father: 1) I'll teach you to kiss my daughter!

*Cornelius: 2) You're too late. I've already learned*¹⁸.

В представленном примере второй коммуникант пользуется тем, что косвенный речевой акт может интерпретироваться в определенной ситуации как прямой. В приведенной ситуации очевидным является то, что речевой акт адресанта является косвенной угрозой. То, что речевой акт (1) не является обещанием, следует из понимания концепта «нормальный отец». Кроме того, адекватной интерпретации речевого акта (1) способствует контекст высказывания, который указывает на то, что отец находится в разгневанном состоянии. Тем не менее адресат интерпретирует речевой акт (1) как прямой, что создает юмористический эффект.

Следует отметить, что в реальной коммуникации той или иной косвенный речевой акт может употребляться в силу нескольких причин, и его нельзя однозначно отнести к той или иной группе.

Кроме того, мы допускаем возможность существования других групп случаев употребления косвенных речевых актов. Также вполне возможно, что существующие группы могут быть расширены. Например, эстетическая функция может реализоваться и с другими интенциями адресанта.

¹⁸ *Pocheptsov G.G. Language and Humour: A Collection of Linguistically Based Jokes, Stories etc.: Topically Arranged, with a Discussion of the Linguistic Foundations of Humor. – Kiev: Vysca Scola, 1990. – P. 166.*

ЧАСТЬ 2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема лингвистических механизмов образования косвенных речевых актов не получила достаточного освещения в современной теории языка. Мы выделяем два способа образования косвенных речевых актов с дальнейшим подразделением.

1. Транспозиция речевых актов – это способ образования косвенных речевых актов, при котором один речевой акт используется в функции другого. Транспозиции может подвергаться либо иллокутивный, либо локутивный акт.

2. Редукция речевых актов – это способ образования косвенных речевых актов, при котором один речевой акт реализуется за счет осуществления другого.

Кроме того, существуют сложные способы образования косвенных речевых актов, которые основаны на сочетании транспозиции одного речевого акта и редукции другого.

Глава 1

ТРАНСПОЗИЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Косвенные речевые акты с изменением иллокуции изучены в меньшей степени по сравнению с другими видами косвенных речевых актов. Это обусловлено тем, что исследователи анализировали примеры, которые были сконструированы ими самими в процессе работы, что позволило выявить случаи редукции речевых актов. Транспозицию иллокутивного акта можно определить только в объемном текстовом сегменте, и она выявляется на основе учета логико-синтаксических отношений между речевыми актами. В своем исследовании мы предлагаем называть механизм транспозиции речевых актов с изменением иллокуции функциональным, так как он обусловлен функциональными характеристиками речевых актов, т. е. функциями речевого акта в логико-синтаксических отношениях с другими речевыми актами. Так, речевой акт определенного класса может выполнять только те текстовые функции, которые являются характерными для представленной группы речевых актов. В том случае, если речевой акт связан логико-синтаксическими отношениями с другим речевым актом, требующим выполнения функции, не характерной для той группы, к которой относится, то имеет место функциональная транспозиция речевого акта. В подобных косвенных речевых актах в действительности реализуется только одна текстовая функция.

Следовательно, для косвенных речевых актов данного вида первостепенное значение имеют следующие факторы:

- 1) тип текста, в котором реализуется данный косвенный речевой акт;
- 2) структурный компонент текста, в котором представлен анализируемый косвенный речевой акт.

1.1. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Функциональная транспозиция речевых актов – это транспозиция, обусловленная несоответствием между реальной и формальной функцией речевого акта в логико-синтаксических отношениях с другими речевыми актами, при этом осуществляется транспозиция иллокутивного акта. Логико-синтаксические отношения, в которых находятся речевые акты, строго детерминируют то, какие виды речевых актов должны в них употребляться. Кроме того, тематические структуры также определяют характерные для них логико-синтаксические отношения.

Итак, рассмотрим функциональную транспозицию речевых актов в текстовых сегментах аргументативных и нарративных типов текста.

Функциональная транспозиция в аргументативных текстовых сегментах

Рассматриваемый вид транспозиции может осуществляться в ядерном компоненте тематической структуры аргументативного текстового сегмента – *тезисе*, который может быть представлен любым видом речевых актов. Поэтому определить истинную форму тезиса можно только исходя из семантико-прагматической направленности аргументов. Так, в случае косвенных тезисов семантический и прагматический аспекты имеют гораздо большее значение, чем в случае аргументов. Например:

1) *So Was It a Good Year?* 2) *With the exception of Bank of America,* 3) *the big banks were profitable in 2010, according to year-end reports filed earlier this month.* 4) *But even standout results – like JPMorgan Chase’s profit surge or Citigroup’s first full-year profit since the financial crisis – were underwhelming on closer inspection.* 5) *The latest figures for the biggest banks – a Bank of America, Chase, Citigroup, Wells Fargo and Goldman Sachs – all show declining revenue from the prior year, from a 3 percent drop at Chase for 2010 to a 13 percent slide at Goldman.* 6) *The declines are worrisome to the extent that they reflect the weak economy,* 7) *with businesses unable to expand and borrowers sidelined by unemployment and damaged credit histories.* 8) *Looked at more broadly, however,* 9) *reduced revenues should be the norm even after the economy has recov-*

ered because a system that is truly safer and more fair will inevitably produce slower revenue growth [N. Y. T].

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение (тезис)* – 2) *оговорка к речевому акту* (3) – 3) *подтверждение к (1) (аргумент)* – 4) *подтверждение к (1) (аргумент) / контраст к (3)* – 5) *подтверждение к (1) (аргумент)* – 6) *объяснение к (5)* – 7) *развитие к (6)* – 8) *условие к (9)* – 9) *подтверждение к (1) / контраст к (6)*.

В анализируемом примере тезис, представленный интеррогативом, употреблен в заголовке статьи. Интеррогативы, использующиеся в заголовках, в большинстве случаев не являются настоящими вопросами. Их употребляют для привлечения внимания адресата. На самом деле адресант приводит аргументы, которые позволяют прийти к однозначному выводу, вследствие чего подобные тезисы должны рассматриваться как косвенные речевые акты. Но в данном случае тезис не несет в себе однозначного ответа. Так, речевые акты (4) и (5) направлены на подтверждение тезиса *This was a bad year*, в то время как речевые акты (3) и (9) – на подтверждение контртезиса *This was a good year*. Кроме того, речевые акты (3), (4) и речевые акты (6), (9) находятся в логико-синтаксических отношениях *контраста*.

В результате автор так и не приходит к однозначному выводу. Соответственно, и первый, и второй тезисы в одинаковой степени верны. Следовательно, реконструируемая форма тезиса может быть представлена следующим образом: *It wasn't a good year, but it also wasn't a bad year*. Постановка тезиса в отрицательной форме помогает передать неопределенность и неуверенность в итоговой позиции.

В наибольшей степени такой способ транспозиции в аргументативных текстовых сегментах характерен для сателлитов первого порядка, *аргументов*, так как они зачастую используются в форме нехарактерных для них классов.

То, к какому классу речевых актов принадлежат аргументы, зависит от класса тезиса. Если речевой акт, являющийся тезисом, представлен репрезентативом, комиссивом или экспрессивом, то речевой акт, выполняющий текстовую функцию *подтверждения*, будет репрезентативом, так как целью адресанта является доказательство либо пропозиции речевого акта, либо искренности намерений адресанта. Если речевой акт, являющийся тезисом, представлен реквестивом, интеррогативом или пропозитивом, то в качестве аргументов могут вы-

ступать и *комиссивы* (как промиссивы, так и менасивы), и репрезентативы, так как целью является убедить адресата выполнить выгодное адресанту действие. Если же речевой акт, выполняющий текстовую функцию *подтверждения*, принадлежит к несоответствующему классу, то такие речевые акты являются косвенными. Во всех аналогичных примерах в качестве косвенного аргумента выступают интеррогативы, например:

1) *Stop treating me like a kid brother.* 2) *I was in the war.* 3) *I got shot, remember?* 4) *I killed some Japs.* 5) ***What the hell do you think I'll do when you knock somebody off? Faint?***¹⁹

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *запрос действия (тезис)* – 2) *подтверждение (аргумент)* к (1) – 3) *подтверждение (аргумент)* к (1) / *развитие* (2) – 4) *подтверждение (аргумент)* к (1) / *развитие* (3) – 5) *подтверждение (аргумент)* к (1) / *обобщение* к (2), (3), (4).

В приведенном выше аргументативном текстовом фрагменте адресант требует от брата прекратить обращаться с ним как с ребенком. Речевой акт (1), представленный реквестивом, является тезисом. Речевой акт (3), который выполняет текстовую функцию *подтверждения* в логико-синтаксических отношениях с речевым актом (1), также выполняет текстовую функцию *развития* в логико-синтаксических отношениях с речевым актом (2). Следует отметить, что речевой акт (3) является гибридным и сочетает в себе характеристики как репрезентатива (прямой порядок слов), так и интеррогатива (знак вопроса и слово *remember*). Данный речевой акт является эллиптической формой вопроса, полную форму которого можно представить следующим образом: *Do you remember that I got shot?* Из вышепредставленной схемы видно, что аргумент находится в логико-синтаксических отношениях с тезисом, от которого его отделяет ряд речевых актов. Речевой акт (5) является косвенным, так как представлен в форме интеррогатива, но так как аргумент не может являться интеррогативом, он переходит в репрезентатив. Речевой акт (5) реализуется в двух предложениях. Так, первое предложение нельзя проинтерпретировать как аргумент вследствие того, что в нем отсутствует обозначение действия. Во втором предложении адресант устраняет эту неизвестную часть. Следовательно-

¹⁹ Puzo M. *The Godfather*. – N. Y.: New American Library, 2002. – P. 76.

но, реконструируемая форма аргумента может быть представлена следующим образом: *I won't faint when you knock somebody off.*

В аргументативных текстовых сегментах речевой акт, являющийся тезисом, может вступать в последующие логико-синтаксические отношения в рамках текстового сегмента только с речевыми актами, выполняющими текстовую функцию *подтверждения*. В свою очередь, речевой акт, являющийся выводом, вступает в логико-синтаксические отношения с теми же речевыми актами, что и тезис. Речевой акт (5) является аргументом, а не выводом, так как вступает в логико-синтаксические отношения с тезисом. Тем не менее рассматриваемый аргумент отличается от предыдущих, так как является их обобщением. Вследствие этого представленный аргумент – ключевой в представленном текстовом фрагменте. Также стоит отметить наличие эмотивного слова *hell* которое придает дополнительную экспрессию высказыванию, что делает аргумент более убедительным.

Как было отмечено выше, к сателлитам второго порядка относятся также речевые акты, являющиеся предпосылками аргументативного текстового сегмента. Они могут выполнять текстовую функцию как *утверждения*, так и *запроса информации*. Предпосылками аргументативного текстового сегмента выступают в основном речевые акты предположения и интеррогативы. Следовательно, косвенные речевые акты не употребляются в предпосылках аргументативного текстового сегмента.

Рассматриваемый вид транспозиции речевых актов употребляется также в таких сателлитах второго порядка, как *развития аргументов* и *вывод*.

Для речевых актов, выполняющих текстовую функцию *развития*, действуют те же самые правила, что и для аргументов.

В свою очередь, вывод может быть представлен только репрезентативом вне зависимости от того, к какому классу речевых актов принадлежит тезис. Так, если тезисом является интеррогатив, то вывод содержит утверждение о том, что адресат должен ответить на вопрос. Вывод либо повторяет тезис, либо синонимичен ему. Косвенный вывод употребляется в основном в тех контекстах, в которых тезис принадлежит к классу репрезентативов. Например:

1) *He thought I couldn't take care of myself.* 2) *He had a binder.* 3) ***Did he really think I couldn't take care of myself?*** [N. Y. T.].

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение (тезис)* – 2) *подтверждение (аргумент)* к (1) – 3) *умозаключение (вывод)* к (2).

В рассматриваемом случае девушка выражает негодование по поводу того, что ее отец следит за ней и считает ее не способной позаботиться о себе. Следовательно, реконструируемая форма вывода может быть представлена следующим образом: *He really thought I couldn't take care of myself.*

Пропозиция тезиса практически полностью повторяет пропозицию вывода, за исключением добавления наречия *really*. Использование вопросительной формы и добавление наречия придает выводу дополнительную экспрессию, которая усиливает степень несогласия адресанта с адресатом.

Также рассматриваемому виду транспозиции могут подвергаться и *контртезисы*, которые выполняют текстовую функцию *несогласия* или *отказа* в зависимости от того, к какому классу речевых актов принадлежит тезис:

Lexy: 1) *I wish I could get up in the morning.*

Morell: 2) *Watch and pray.*

Lexy: 3) *I know. (Rising wittily to the occasion)* 4) ***But how can I watch and pray*** 5) *when I'm asleep?*²⁰

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *побуждение к действию* – 3) *согласие* к (2) – 4) *отказ (контртезис)* к (2) / *контраст* к (3) – 5) *подтверждение (аргумент)* к (4).

В представленном диалоге первый коммуникант жалуется на то, что он не может вставать рано утром. Речевой акт (2), выполняющий текстовую функцию *побуждения к действию*, является адвисивом, так как он выгоден прежде всего адресату. В реактивной реплике первый коммуникант соглашается со вторым. Таким образом, речевой акт (3) выполняет текстовую функцию *согласия*, хотя при побудительной иницирующей реплике для реактивной реплики характерна текстовая функция *принятия*. Тем не менее второй коммуникант, соглашаясь с истинностью пропозиции речевого акта (2), отказывается выполнить предписанное действие.

²⁰ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 136.*

Следующее предложение состоит из двух речевых актов: первый речевой акт (4), так же как и предыдущий, является реактивным, поскольку относится к иницилирующей реплике, и выполняет текстовую функцию *отказа*; второй речевой акт (5), выполняя текстовую функцию *подтверждения*, является аргументом к контртезису. Соответственно, реконструируемая форма контртезиса может быть представлена следующим образом: *I can't watch and pray*.

Следует отметить то, что речевые акты (3) и (4) не изолированы друг от друга, их связывают логико-синтаксические отношения *контраста*.

Функциональная транспозиция в нарративных текстовых сегментах

Функциональный вид транспозиции в нарративных текстовых сегментах может происходить в ядерном компоненте сегмента – в *кульминации*. Кульминация может быть выражена только при помощи речевого акта репрезентатива, выполняющего текстовую функцию либо *обобщения*, либо *интенсификации*, либо *развития*, либо *перечисления*. Речевой акт, являющийся кульминацией, отличается от других речевых актов, направленных на развитие действия, тем, что он обладает большим экспрессивным потенциалом. Рассматриваемый вид транспозиции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

1) *The rules are the rules*. 2) *Luis Suárez, a striker, did not have to think as he batted a sure goal away from the line*. 3) *He did the crime and he would do the time but* 4) *he saved the World Cup for Uruguay* – 5) *and he broke the heart of Africa*. 6) ***Has this ever happened before, in any sport, where an entire continent was putting its hopes, its prayers, its soul, into a melee in front of a soccer goal?*** [N. Y. T.]

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *фон* – 2) *утверждение* – 3) *перечисление* к (2) – 4) *контраст* к (3) – 5) *результат* к (4) – 6) *развитие (кульминация)* к (5).

В данном отрывке из газетной статьи ее автор рассказывает о проигрыше в четвертьфинале футбольной сборной Ганы, последней африканской команды, оставшейся в розыгрыше Кубка мира. Речевой акт (6) выполняет текстовую функцию *развития* в логико-синтаксических отношениях с речевым актом (5) и представляет собой кульминацию, так как событие, отражаемое в нем, является наиболее значимым.

Автор использует косвенные речевые акты для создания дополнительной экспрессии. Кроме того, такие лексические единицы, как слово *every* и словосочетания *in any sport* и *entire continent*, помогают автору раскрыть уникальность представленного события. Следовательно, реконструируемая форма кульминации может быть представлена следующим образом: *This never happened before, in any sport, that an entire continent was putting its hopes, its prayers, its soul, into a melee in front of a soccer goal.*

Рассматриваемый способ транспозиции в нарративных текстовых сегментах в основном употребляется во второстепенных компонентах первого порядка, направленных на *развитие действия*. В анализируемой части нарративного текстового сегмента могут употребляться и репрезентативы, и реквестивы, и комиссивы. При этом реквестивы и комиссивы являются прямыми речевыми актами, только если они передают последовательность действий, которую надо выполнить адресату в случае реквестивов или адресанту в случае комиссивов. Рассматриваемый вид транспозиции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Hester: 1) *We are trying to build up life, Lady Hunstanton, on a better, truer, purer basis than life rests on here.* 2) *This sounds strange to you all, no doubt.* 3) ***How could it sound other than strange?***²¹

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *перечисление* к (1) – 3) *интенсификация* к (2).

В представленном случае адресант рассказывает об американских принципах жизни. Речевой акт (3) не несет никакой новой смысловой информации, в нем повторяется информация речевого акта (2). Следовательно, реконструируемая форма речевого акта, служащего развитием действия и выполняющего текстовую функцию *интенсификации*, может быть представлена следующим образом: *It cannot sound other than strange.*

Речевой акт (3) играет важную роль в приведенном текстовом фрагменте, так как с его помощью адресант выражает свое эмоциональное состояние, которое можно охарактеризовать как крайнюю степень возбуждения. Форма вопроса позволяет придать речевому акту дополнительную экспрессию.

²¹ *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 241.*

Рассматриваемый вид транспозиции употребляется также и в сателлитах второго порядка – в *завязке* и в *развязке* нарративного текстового сегмента. Развязка может быть выражена только при помощи речевого акта репрезентатива, выполняющего текстовую функцию *результата*. Например:

*Lord Illingworth: 1) According to our ridiculous English laws, I can't legitimize Gerald. 2) But I can leave him my property. 3) Illingworth is entailed, of course, 4) but it is a tedious barrack of a place. 5) He can have Ashby, 6) which is much prettier, Harborough, 7) which has the best shooting in the north of England, and the house in St. James Square. 8) What more can a gentleman desire in this world?*²²

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *утверждение / контраст* к (1) – 3) *оговорка* к (2) – 4) *контраст* к (3) – 5) *развитие* к (2) – 6) *развитие* к (5) – 7) *развитие* к (6) – 8) *вывод* к (7).

В вышеприведенном нарративном текстовом фрагменте адресант рассказывает о том, что он готов сделать для своего внебрачного сына, а именно передать в его владение часть своей собственности. Речевой акт (8) выполняет текстовую функцию *вывода*, а следовательно, не может быть представлен интеррогативом. Так, реконструируемая форма развязки может быть представлена следующим образом: *A gentleman can desire nothing more in this world.*

Рассматриваемый вид транспозиции не может встречаться в сателлитах третьего порядка по тем же причинам, по которым он не употребляется в предпосылках. Как правило, экспозицию представляет адресант нарративного текстового сегмента, но она также может быть представлена и адресатом. В этом плане характерным примером является жанр интервью, где интервьюер представляет экспозицию, которую должен развить его собеседник. Например, следующий отрывок из интервью Д. Соломон «The Storyteller» построен на данном приеме:

Solomon: As Peru's most celebrated writer and a onetime contender for the country's presidency, you have written a surprisingly sentimental novel, "The Bad Girl" – a love story narrated by a bookish Peruvian who moves to Paris and devotes 40 years to pursuing a woman he first met in high school.

Llosa: Ricardo is a translator, which is a reflection of his temperament. He's an intermediary. He has not much personality, and in his life there is

²² *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 275.*

only one adventure: the bad girl. Without her, his life is very mediocre, curtailed, without much horizon [N. Y. T.].

В рассматриваемом текстовом фрагменте интервьюер начинает рассказ о новой книге своего собеседника. Несмотря на то что интервьюер не задал ни одного вопроса, интервьюируемый продолжает рассказ интервьюера, останавливаясь при этом на деталях своего романа, так как считает, что именно этого от него и ждут. В данном примере сам жанр позволяет второму коммуниканту правильно проинтерпретировать интенции первого коммуниканта.

1.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Довольно большой пласт косвенных речевых актов, касающийся локутивного компонента речевого акта, не был проанализирован должным образом в теории речевых актов. Прежде всего, это обусловлено тем, что в рамках теории речевых актов исследователи рассматривали в основном характеристики иллокутивного акта. Проблема косвенных речевых актов, связанная с локутивным аспектом речевого акта, была рассмотрена в теории референции в связи с косвенной номинацией. Деление номинации на первичную и вторичную было предложено отечественным лингвистом В.Г. Гаком [34]. Так, под вторичной номинацией понимают использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. Выделяют два вида вторичной номинации:

1) непрямая вторичная номинация представляет собой «непрямое отображение внеязыкового объекта, опосредуемое предшествующим значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание» [99, с. 129];

2) косвенная вторичная номинация – это образование новой языковой сущности в номинативном контексте, эксплицитно или имплицитно указывающем на косвенное соотнесение ее с действительностью [Там же, с. 163].

Механизм образования новых значений путем косвенной номинации называется семантической транспозицией [34].

В основе косвенной номинации лежит переход, являющийся следствием воздействия другого понятия, на основе логико-предметных

связей которого и возникает предпосылка для создания нового понятия [99 с. 168, 169]. В.Н. Телия также отмечает, что косвенная номинация – наиболее подходящий способ формирования оценочных наименований [Там же, с. 186]. Среди основных способов формирования смысла вторичных наименований она выделяет метафору и метонимию. В свою очередь, метафоры делятся на речевые и языковые. Их основные отличия заключаются в следующем:

1) языковая метафора создается на основе коннотаций, сопровождающих слово в его обычном употреблении и закрепленных за смысловым потенциалом данного слова употреблением, вбирающим в себя языковой опыт, остающийся за рамками системы лексических значений;

2) речевая метафора создается на основе конкретного контекста и всегда с ним связана.

Хотя вторичная номинация может иметь и языковой характер, она в большей степени связана с функционированием языковых единиц в речи, так как «естественной средой для формирования новых знаковых функций наименований» является речевое высказывание [Там же, с. 133].

Если рассматривать косвенные речевые акты в случаях косвенной номинации, то условную демаркационную линию можно провести между речевой косвенной номинацией и языковой косвенной номинацией. К косвенным речевым актам относятся именно случаи речевой косвенной номинации.

Таким образом, исследователям косвенной номинации удалось вскрыть определенные механизмы семантической транспозиции речевых актов и осветить ее важные аспекты. В то же время стоит отметить, что в рамках рассматриваемой теории исследована лишь небольшая часть семантической транспозиции речевых актов. Так, никоим образом не учтена семантическая транспозиция модуса. Кроме того, не все диктальные случаи семантической транспозиции речевых актов формируются при помощи метафоры и метонимии.

Семантическая транспозиция речевых актов – это транспозиция, которая обусловлена либо несоответствием между формальными и реальными семантическими отношениями речевого акта с другими речевыми актами соответствующего дискурса, либо релевантными коммуникативными параметрами ситуации, т. е. имплицитной информацией, которая, по словам М.Л. Макарова, составляет «общий пресуппозици-

онный фонд» коммуникантов [61, с. 136], при этом осуществляется транспозиция локутивного акта.

Косвенные речевые акты рассматриваемого вида делятся в зависимости от того, происходят ли изменения в диктуме (часть высказывания, в которой выражается суждение) высказывания или в его модусе (часть высказывания, в которой выражается отношение адресанта к диктуму). На наш взгляд, представленный принцип следует положить в основу дальнейшей классификации косвенных речевых актов.

Семантическая транспозиция диктума

Мы выделяем четыре типа *диктальных изменений* в зависимости от вида семантического изменения диктума.

1. Изменение в диктуме высказывания, в ходе которого в одной из частей диктума актуализируется *оказиональная* (эмоциональная или оценочная) сема. Теоретически транспонируемая лексическая единица может обладать реализуемым смыслом, но практически представленная сема актуализируется *оказионально*.

Языковой материал показал, что рассматриваемый тип изменений определяется исключительно семантическими отношениями рассматриваемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса. На наш взгляд, это обусловлено тем, что транспонированная лексико-семантическая единица может приобрести *оказиональный* смысл только в контексте других высказываний, которые определяют возможность данного семантического перехода. Рассматриваемый вид транспозиции иллюстрирует следующий пример:

1) *Their names were Gus and Wes* 2) ***and they had succeeded in elevating medicine to an exact science.*** 3) *All men reporting on sick call with temperatures above 102 were rushed to the hospital.* 4) *All those* (5) *except Yossarian*) *reporting on sick call with temperatures below 102 had their gums and toes painted*²³.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *перечисление* – 3) *развитие* к (2) – 4) *развитие* к (2) – 5) *оговорка* к (3).

В рассматриваемом случае автор высмеивает уровень медицинского обслуживания в армии на примере двух медицинских работников, а

²³ Heller J. Catch-22. – London: Vintage Books, 1994. – P. 36.

словосочетание *an exact science* приобретает окказиональный смысл оценочного типа.

В представленном контексте ирония, выраженная в речевом акте (2), основана на употреблении словосочетания *an exact science* в контексте того, что двое работников медицинской части измеряли у больных температуру и в зависимости от того, была ли она ниже или выше 102 градусов, определяли, здоров или болен пациент.

Теоретически вышеназванная деятельность может быть охарактеризована при помощи словосочетания *exact science*. В словарях даются следующие определения словосочетания *exact science*: *something excludes guessing and there is only one way to do it* (Longman Dictionary of Contemporary English); *that which admits of absolute precision* (Concise Oxford English Dictionary).

Практически данное употребление словосочетания *exact science* не может быть актуализировано в качестве его постоянного лексико-семантического варианта, так как любая точная наука включает комплексное исследование, которое не ограничивается одним методом.

Вследствие вышесказанного словосочетание *elevating medicine* получает противоположный смысл – *degrading medicine*. Реконструируемая форма речевого акта (1) может быть представлена следующим образом: *Their names were Gus and Wes and they had succeeded in degrading medicine to exact science by measuring the temperature.*

2. Изменение в диктуме высказывания, в ходе которого в одной из частей диктума актуализируется *противоположная* сема, т. е. реализуемое в анализируемом текстовом фрагменте значение семы транспонируемой лексической единицы антонимично поверхностному значению.

Рассматриваемый тип диктальных изменений является наиболее частотным. На наш взгляд, это объясняется тем, что антоним, находясь в синонимо-антонимической парадигме семантической системы, достаточно устойчиво ассоциируется с исходным словом.

Следует отметить, что чем чаще лексическая единица употребляется в антонимическом значении, тем больше вероятность актуализации рассматриваемого лексико-семантического варианта в качестве постоянного. Так, например, в современном английском языке слово *terrific* приобрело смысл «прекрасный», который антонимичен изначальному смыслу слова.

Подобный антонимический переход определен как семантическими отношениями речевого акта с другими речевыми актами дискурса, так и коммуникативными параметрами ситуации высказывания.

2.1. Изменение обусловлено семантическими отношениями анализируемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса. Индикатором служит либо последующий, либо предыдущий контекст, например:

1) *The colonel was gorgeous*. 2) *He had a cavernous mouth, cavernous cheeks, cavernous, sad, mildewed eyes*. 3) *His face was the color of clouded silver*²⁴.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *описание к (1)* – 3) *описание к (1)*.

В приведенном текстовом фрагменте автор характеризует одного из героев, полковника, как человека прекрасного, но затем описывает его в негативных красках. Следовательно, слово *gorgeous* приобретает противоположный смысл.

Транспозиция основана на нарушении формальной семантической связи между речевым актом (1) и последующими речевыми актами, из которых видно, что пропозиция, выраженная в утверждении, не является истинной. Человек, обладающий прекрасной внешностью, не может иметь похожий на пещеру рот, впалые щеки, печальные и заплесневелые глаза. Следовательно, реконструируемая форма речевого акта (1) может быть представлена следующим образом: *The colonel was ugly*.

Автор использует косвенный речевой акт для передачи иронии, при помощи которой он показывает значимость чина в армии, т. е. полковник благодаря своему званию не может иметь отталкивающую внешность.

2.2. Изменение обусловлено релевантными коммуникативными параметрами ситуации. Например:

Jamie: 1) *What's all the fuss about?* 2) *Let's forget it*.

Tyrone: 3) *Yes, forget!* 4) *Forget everything and* 5) *face nothing!*

Mary: 6) *James, do be quiet!*²⁵.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *побуждение развития* – 3) *несогласие к (2)* – 4) *развитие к (3)* – 5) *перечисление к (4)* – 6) *побуждение развития*.

В анализируемом примере показан конфликт отцов и детей, которые стоят на разных позициях и не могут понять друг друга. В данном контексте все высказывания отца приобретают противоположный

²⁴ Heller J. Catch-22. – London: Vintage Books, 1994. – P. 16.

²⁵ O'Neill E. Long Day's Journey into Night // Eight Modern Plays / ed. by A. Caputi. – N.Y.: W. W. Norton & Company Inc., 1996. – P. 264.

смысл, так как он выражает свое несогласие путем озвучивания позиции сыновей. Действие происходит за обедом, в ходе которого возникает небольшая ссора между отцом семейства Тайроном и его старшим сыном Джейми, который заступает за младшего брата Эдмунда. Мэри, супруга Тайрона и мать Эдмунда и Джейми, пытается примирить конфликтующие стороны.

Для адекватной интерпретации речевых актов (3), (4) и (5) нужно принять во внимание качественные и количественные характеристики коммуникантов: личность и эмоциональное состояние отца семейства (обладает консервативными взглядами, постоянно озабочен зарабатыванием денег, в данный момент он находится в очень возбужденном состоянии), личности обоих сыновей (молодые люди, празднично проводящие время). Следовательно, высказывание отца не может быть проинтерпретировано прямо, он выражает свое несогласие путем озвучивания позиции сыновей. Реконструируемые формы речевых актов (3), (4) и (5) могут быть представлены следующим образом: *No, we can't forget! We can't forget everything and face nothing!*

3. Изменение в диктуме высказывания, в ходе которого в одной из частей диктума актуализируется *новая сема*, т. е. реализуемый в анализируемом текстовом фрагменте лексико-семантический вариант транспонируемой единицы не представлен в синонимо-антонимической парадигме семантической системы и не является одним из его возможных словарных значений.

Языковой материал показал, что анализируемый тип изменений определяется исключительно семантическими отношениями речевого акта с другими речевыми актами дискурса. На наш взгляд, это обусловлено тем, что транспонированная лексико-семантическая единица может приобрести новый смысл только в присутствии других высказываний, которые детерминируют данный семантический переход. Рассматриваемый вид транспозиции иллюстрирует следующий пример:

1) *As always occurred* 2) *when he quarreled over principles* 3) *in which he believed passionately*, 4) *he would end up gasping furiously for air and blinking back bitter tears of conviction*. 5) *There were many principles* 6) *in which Clevinger believed passionately*. 7) **He was crazy**²⁶.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *оговорка к (1) – 3) уточнение к (2) – 4) утверждение* – 5) *соединение к (4) – 6) развитие к (5) – 7) результат к (5)*.

²⁶ Heller J. Catch-22. – London: Vintage Books, 1994. – P. 18.

В представленном случае автор знакомит нас с одним из героев романа, порядочным человеком, что, с точки зрения Дж. Хеллера, является безумием в том случае, если ты служишь в армии. Вследствие этого в анализируемом текстовом фрагменте реализуется новый лексико-семантический вариант слова *crazy*. Данное слово приобретает парадоксальный смысл – *principled*.

В рассматриваемом примере автор создает комический эффект, основанный на логической несогласованности речевых актов (5) и (7), так как из того факта, что у человека много принципов, логически не следует вывод о его безумии. При помощи данного парадокса Дж. Хеллер показывает свое негативное отношение к армии, что помогает реализовать цель произведения – обличить армейскую систему.

4. Изменение в диктуме, основанное на референциальных отношениях компонентов высказывания к другим высказываниям вне рамок анализируемого текстового фрагмента. Данный вид транспозиции речевых актов основан на аллюзии, соотносительности с известными цитатами и прецедентными текстами. При этом истинный смысл лексической единицы равен смыслу референтной лексической единицы. Анализируемый тип высказываний относится к *намекам*, причем к очень малочастотному виду, так как большинство намеков не только отсылает нас к другому высказыванию, но обладает определенным самостоятельным смыслом, вследствие чего их относят к случаям редукции речевых актов. Рассматриваемый тип семантической транспозиции речевых актов принципиально отличается от предыдущих, так как подобные высказывания приобретают смысл за рамками выраженного диктума.

Языковой материал показал, что подобный тип изменений определяется исключительно релевантными коммуникативными параметрами ситуации. Это обусловлено тем, что большинство подобных высказываний является искаженными аллюзиями и, следовательно, отсылает нас к ситуациям уже актуализированным и, по мнению автора, нам известным. Рассматриваемый вид транспозиции иллюстрирует следующий пример:

Haines (called to them from the doorway): 1) Are you coming, you fellows?

*Buck Mulligan (going towards the door): 2) I'm ready. 3) Come out, Kinch. 4) You have eaten all we left, I suppose. (Resigned he passed out with grave words and gait, saying, wellnigh with sorrow): 5) **And going forth, he met Butterly** [U.].*

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *запрос информации* – 2) *ответ к (1)* – 3) *побуждение к действию* – 4) *подтверждение (аргумент) к (3)* – 5) *утверждение*.

Вышеприведенный отрывок представляет собой диалог между двумя персонажами романа, Хэйнсом и Быком Маллиганом, который обращается к третьему участнику коммуникации Стивену Дедалу. При помощи искаженной аллюзии Бык намекает на то, что Стивен предал свою мать.

Для адекватной интерпретации речевого акта (4) от читателя требуется знание Библии. Бык Маллиган не имеет в виду кого-либо по имени Батерли, он отсылает нас к описанию действий апостола Петра, после того как он предал Христа: “*and going forth, he wept bitterly*”. Игра слов оформлена на звуковом сходстве формы. Следовательно, поверхностное значение предложения не имеет смысла, так как у него отсутствует референция к какому-либо объекту действительности.

Приведенные выше четыре типа образования косвенных речевых актов не равнозначны. В рассматриваемых косвенных речевых актах разница в степени отдаленности реализуемого смысла лексической единицы от возможных смыслов в рамках семантической системы данной единицы – основной критерий для построения полевой структуры анализируемого вида семантической транспозиции речевого акта, т. е. чем ближе косвенные речевые акты находятся к ядру полевой структуры, тем очевиднее становится их косвенный характер, и наоборот.

К ядерным элементам полевой структуры данного вида семантической транспозиции речевых актов относятся третий и четвертый типы косвенных речевых актов, так как поверхностное и истинное значения лексической единицы существенно отличаются друг от друга.

К ближней периферии принадлежит второй тип косвенных речевых актов, так как, во-первых, смысл лексической единицы меняется в рамках синонимо-антонимической парадигмы, является ее потенциальным значением и не относится к ядру структуры; во-вторых, в рассматриваемом типе косвенных речевых актов реализуется сема, которая не выводится из словарной дефиниции представленной лексической единицы, а следовательно, не принадлежит к дальней периферии структуры.

К дальней периферии относятся косвенные речевые акты первого типа, так как соответствующая сема выводится из словарной дефиниции лексической единицы.

Семантическая транспозиция модуса

В зависимости от того, какой тип модальности реализуется и транспонируется в речевом акте, можно выделить пять типов *модусных изменений*.

1. Изменение в модусе высказывания, характеризующегося *эпистемической модальностью* (в модусе выражается информация об обосновании и степени достоверности высказывания с точки зрения адресанта). В подобных высказываниях фактическая уверенность адресанта в степени достоверности пропозиции высказывания не совпадает с эксплицитированной.

Следует отметить, что, в отличие от случаев семантической транспозиции диктума, любой вид семантической транспозиции модуса может определяться как семантическими отношениями рассматриваемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса, так и коммуникативными параметрами ситуации высказывания.

1.1. Изменение обусловлено семантическими отношениями анализируемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса. Индикатором служит либо последующий, либо предыдущий контекст. Например:

Liza [breathless]: 1) I've won your bet for you, havnt I? 2) That's enough for you. 3) I don't matter, I suppose.

*Higgins: 4) **You won my bet!** 5) You! Presumptuous insect. 6) I won it²⁷.*

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *развитие* к (1) – 3) *вывод* к (2) – 4) *несогласие* к (1) – 5) *подтверждение (аргумент)* к (4) – 6) *вывод* к (5).

Данный диалог между Элизой и профессором Хиггинсом происходит после того, как они триумфально вернулись с герцогского приема. Профессор Хиггинс и полковник Пикеринг обсуждают свой триумф, не уделяя внимания ни самой Элизе, ни ее роли в общем успехе. Все это очень сильно задевает Элизу.

Первый коммуникант представляет нарративный текстовый сегмент, а второй выражает свое несогласие путем аргументации. Контр-

²⁷ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 109.*

тезис, представленный речевым актом (4), является косвенным. Истинный смысл косвенного контртезиса легко восстанавливается при помощи последующего контекста. Речевой акт утверждения *You won my bet*, выполняющий текстовую функцию *согласия*, переходит в речевой акт утверждения *You didn't win my bet*, выполняющий текстовую функцию *несогласия*.

Отсутствие эксплицированного модального компонента затрудняет адекватное восприятие высказывания, поэтому возникает вопрос о том, где происходит транспозиция: в диктуме или в модусе. Только контекст позволяет нам однозначно ответить на поставленный вопрос. Речевой акт (4) имеет противоположный смысл, об этом свидетельствует формальное нарушение семантической связи между речевыми актами (4) и (5), где речевой акт (5) является дополняющим, а следовательно, должен быть семантически связан с предшествующим речевыми актами. Таким образом, если бы транспозиция происходила в диктуме высказывания, то ядерный предикат пропозиции речевого акта *You won my bet!* приобрел бы антонимический смысл – *You lost my bet!* На самом деле пари выиграно, но отношение коммуникантов к основной предикативной связи различно: первый коммуникант уверен в том, что осуществление пропозиции – это его заслуга, в то время как второй коммуникант так не считает и приводит свой аргумент в речевом акте (5). Следовательно, транспозиция подвергается модус высказывания. При этом фактическая модальность речевого акта противоположна эксплицированной.

1.2. Изменение обусловлено релевантными коммуникативными параметрами ситуации, например:

Mrs. Cheveley: 1) *Do you know, I am quite looking forward to meeting your clever husband, Lady Chiltern.*

Lady Chiltern: 2) *I hardly think there will be much in common between you and my husband, Mrs. Cheveley!*²⁸.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *комментарий к (1)*.

В вышеприведенном текстовом фрагменте представлен диалог между хозяйкой дома леди Чилтерн и нежеланной гостьей леди Чевели. Ле-

²⁸ *Wilde O. An Ideal Husband // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 284.*

ди Чилтрен использует косвенные речевые акты для того, чтобы выразить свое несогласие в вежливой форме.

Использование косвенных речевых актов обусловлено локальными детерминантами (светский раут) и квалификативными характеристиками коммуникантов (высокий социальный статус обоих коммуникантов).

Следует отметить, что цель второго коммуниканта – показать свое превосходство над первым, которое заключается в следовании речевому этикету. На самом деле у второго коммуниканта нет никаких сомнений в правильности пропозиции. Следовательно, реконструируемая форма речевого акта (2) может быть представлена следующим образом: *I am sure that there will be anything common between you and my husband, Mrs Cheveley!*

2. Изменение в модусе высказывания, характеризующегося *деонтической модальностью* (в модусе выражается информация, побуждающая людей к определенным поступкам). В подобных высказываниях фактическое побуждение адресанта не совпадает с эксплицитованным.

Актуальная модальность высказывания определяется либо семантическими отношениями анализируемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса, либо коммуникативными параметрами ситуации высказывания.

2.1. Изменение обусловлено семантическими отношениями рассматриваемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса. Индикатором служит либо последующий, либо предыдущий контекст. Например:

1) *Go*, 2) *if you don't love me*, 3) *if you are suspicious of me*, 4) *if you don't esteem me*²⁹.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *побуждение к действию* – 2) *условие к (1) – 3) условие к (1) – 4) условие к (1)*.

В рассматриваемом примере девушка просит своего парня уйти. Затем в речевых актах (2)–(4) выражаются условия, при которых просьба должна быть выполнена.

Для адекватного анализа представленного текстового фрагмента нужно учитывать предыдущий текстовый фрагмент, в котором парень

²⁹ *Valera J. Pepita Jimenez.* – N.Y.: Barron's Educational Series, 1964. – P. 146.

говорит о том, как сильно он ее любит. Соответственно, условия, представленные в речевых актах (2), (3) и (4), не выполнены и парню не следует уходить. При помощи данного текстового фрагмента девушка пытается добиться от парня опровержения речевых актов (2)–(4). Следовательно, реконструируемая форма речевого акта (2) может быть представлена следующим образом: *Do not go*.

Подобные текстовые фрагменты носят манипулятивный характер, их цель – заставить адресата извиняться, оправдываться и т. д. Если адресат воспринимает данный речевой акт как прямой, то адресант может сам реконструировать соответствующий речевой акт. Например:

“Go! If you don't love me – go – quickly. Don't come back!” He looked at her. Should he go or not? It's what I wanted, he cried to himself. It's what I wanted. He turned and took a step to the door. “Tommy!” she screamed, jumping up. “Don't go!” (К. С. Р.).

В приведенном текстовом фрагменте мужчина воспринял речевой акт просьбы как прямой и решил уйти. Увидев это, женщина сама реконструировала исходную форму *Don't go* речевого акта реквестива *Go!*

2.2. Изменение обусловлено релевантными коммуникативными параметрами ситуации, например:

Hester: 1) *I dislike Mrs. Allonby*. 2) *I dislike her more than I can say*.

Lady Caroline: 3) ***I am not sure, Miss Worsley, that foreigners like yourself should cultivate likes or dislikes about the people they are invited to meet***. 4) *Mrs. Allonby is very well born*. 5) *She is a niece of Lord Brancaster's*³⁰.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *интенсификация* – 3) *несогласие* к (1) – 4) *подтверждение (аргумент)* к (3) – 5) *подтверждение (аргумент)* к (3).

В анализируемом примере разговор между Эстер, гостьей из Америки, и леди Кэралайн, хозяйкой дома, происходит во время светского раута. Из представленного выше диалога можно увидеть разницу между американцами времен XIX века, которые высказывают все прямо, и англичанами, которые за показной вежливостью пытаются скрыть аморальность, процветающую в обществе.

³⁰ *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 221.*

Речевой акт (4), выполняющий функцию тезиса, является косвенным. Использование косвенного речевого акта обусловлено локальными детерминантами (светский раут) и квалификативными характеристиками второго коммуниканта (высокий социальный статус адресанта). Речевой акт (3) является реквестивом и предписывает Эстер не судить людей, с которыми она встречается.

Специфика анализируемого примера заключается в том, что в речевом акте (3) эксплицированы два вида модальности: эпистемическая при помощи маркера *I am not sure* и деонтическая при помощи маркера *should*. В то же время при транспозиции эпистемическая модальность не может быть передана, так как предложение переходит в реквестив, для которого не характерна эпистемическая модальность. Отсюда можно сделать вывод о том, что в поверхностной структуре речевого акта ведущей является именно эпистемическая модальность, так как в противном случае она бы просто не могла быть выражена. Транспозиция основана на смене фокуса с одной модальности на другую. Следовательно, речевой акт репрезентатив *I am not sure, Miss Worsley, that foreigners like yourself should cultivate likes or dislikes about the people they are invited to meet* переходит в речевой акт реквестив *As far as you are a foreigner, Miss Worsley, don't cultivate likes or dislikes about the people you are invited to meet*.

3. Изменение в модусе высказывания, характеризующегося *аксиологической модальностью* (в модусе выражается ценностная оценка поступка, факта, события). В подобных высказываниях фактическая оценка адресанта не совпадает с эксплицированной.

Актуальная модальность высказывания определяется либо семантическими отношениями рассматриваемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса, либо коммуникативными параметрами ситуации высказывания.

3.1. Изменение обусловлено семантическими отношениями анализируемого речевого акта с другими речевыми актам дискурса. Индикатором служит либо последующий, либо предыдущий контекст. Рассматриваемый вид транспозиции иллюстрирует следующий пример:

A rookie police officer was out for his first ride with an experienced partner. A call came in telling them to disperse some people who were loitering. The officers drove to the street and observed a small crowd standing on a corner. The rookie rolled down his window and said, "Let's get off the corner people". A few glances, but no one moved, so he barked again, "Let's

get off that corner... NOW!" Intimidated, the group of people began to leave, casting puzzled stares in his direction. Proud of his first official act, the young policeman turned to his partner and asked, "Well, how did I do?" "Pretty good", chuckled the vet, "especially since this is a bus stop"³¹.

В приведенном юмористическом текстовом фрагменте начинающий полицейский разгоняет небольшую группу людей, которые скопились в одном месте. Затем он спрашивает своего более опытного напарника о том, насколько хорошо ему удалось справиться с возникшей ситуацией. Сдерживая смех, напарник говорит, что начинающий полицейский справился достаточно хорошо, особенно если принять во внимание то, что он разогнал людей с автобусной остановки.

В реактивной реплике напарника 1) *Pretty good*, 2) *especially since this is a bus stop* речевой акт (1) выполняет текстовую функцию *ответа*, а речевой акт (2) – текстовую функцию *развития*. Речевой акт (1) является косвенным, это очевидно из последующего контекста. Задача полицейских – обеспечение порядка, а начинающий полицейский порядок нарушил, так как он выгнал людей с остановки. Следовательно, реконструируемая форма речевого акта ответа может быть представлена следующим образом: *Quite bad*.

3.2. Изменение обусловлено релевантными коммуникативными параметрами ситуации. Рассматриваемый вид транспозиции иллюстрирует следующий пример:

Woman: 1) *John, the car won't start!*

Man: 2) *Oh great!* 3) *That's just what we need* [Н. В. S.].

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *оценка к (1)* – 3) *объяснение к (2)*.

В представленном диалоге второй коммуникант реагирует на реплику первого о том, что машина не заводится. Для адекватной интерпретации речевого акта (2), который является косвенным, следует учесть как темпоральные и локальные детерминанты (коммуниканты должны переместиться из одного места в другое за короткий промежуток времени), так и макрособытие (в нормальных условиях факт неисправности своей машины не может оцениваться положительно). Следовательно, реконструируемая форма речевого акта (2) может быть

³¹ *Kayky T. English language for Russian speaking emigrants. – N. Y.: VV Agency Inc., 2006. – P. 57–58.*

представлена следующим образом: *That's very bad*. Второй коммуникант использует косвенный речевой акт для выражения иронии.

4. Изменение в модусе высказывания, характеризующегося *временной модальностью* (в модусе выражается информация о последовательности наступления событий и об их постоянном или дискретном характере протяженности). В подобных высказываниях фактическая последовательность и характер протяженности событий не совпадают с эксплицированными.

Актуальная модальность высказывания определяется либо семантическими отношениями рассматриваемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса, либо коммуникативными параметрами ситуации высказывания.

4.1. Изменение обусловлено семантическими отношениями анализируемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса. Индикатором служит либо последующий, либо предыдущий контекст. Например:

1) *I've never lied*. 2) *Well, except sometimes to the teachers at school*, 3) *but not about anything big*³².

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *оговорка к (1)* – 3) *уточнение к (2)*.

В анализируемом примере адресант говорит, что он никогда не лжет. Но в дальнейшем сказано, что он обманывал учителей в школе по незначительным вопросам.

Речевой акт *I've never lied* переходит в речевой акт *I've lied sometimes*. Подобные случаи как отрицательной, так и положительной модальности встречаются довольно часто, при этом именно коннектор *except* является основным коннектором для случаев «понижения» временной модальности.

В случаях с положительной временной модальностью коннектор *except* указывает на то, что временная модальность со значением «всегда» переходит во временную модальность со значением «почти всегда».

В случаях с отрицательной временной модальностью коннектор *except* указывает на то, что временная модальность со значением «никогда» переходит во временную модальность со значением «иногда».

³² Hill J. Authentic Dialogue With Persons Who Are Developmentally Disabled: Sad without Tears. – London: Jessica Kingsley Pub., 2009. – P. 52.

Эксплицированная модальность находится в одной парадигме с фактической.

4.2. Изменение обусловлено релевантными коммуникативными параметрами ситуации. Рассматриваемый вид транспозиции иллюстрирует следующий пример:

Man: 1) It's a well-known fact that the British love waiting in queues. 2) And, that's true... 3) I mean, I do it whenever I can [Н. В. S.].

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *согласие к (1)* – 3) *уточнение к (2)*.

В представленной ситуации адресант говорит о том, что британцы любят стоять в очередях и что он сам всегда это делает, как только представляется такая возможность.

Для адекватной интерпретации речевого акта (3) следует принять во внимание такие коммуникативные параметры ситуации высказывания, как макрособытие (занятые люди среднего возраста не любят стоять в очередях, так как это занимает много времени) и количественные характеристики адресанта (занятой человек средних лет). Следовательно, речевой акт (3) не может восприниматься как прямой, и его форму можно реконструировать следующим образом: *I never do it if I can*. Употребление косвенного речевого акта обусловлено желанием адресанта сыронизировать по поводу того, что его соотечественники много времени проводят в очередях.

5. Изменение в модусе высказывания, характеризующегося *фактической алетической модальностью* (в модусе выражается информация, связанная с объективной или физической детерминированностью суждений, когда их истинность и ложность определяются положением дел в реальной действительности). В таких высказываниях фактическая уверенность адресанта в обоснованности пропозиции высказывания не совпадает с эксплицированной.

Актуальная модальность высказывания определяется либо семантическими отношениями анализируемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса, либо коммуникативными параметрами ситуации высказывания.

5.1. Изменение обусловлено семантическими отношениями рассматриваемого речевого акта с другими речевыми актами дискурса. Индикатором служит либо последующий, либо предыдущий контекст, например:

1) *The writer is tempted by the money and publicity and the glitter*, 2) *as viewed from a pinnacle of the temple*; 3) *“cast thyself down – 4) you can’t hurt yourself, and 5) look what you can gain!”* 6) ***But you can hurt yourself***, 7) ***and you can hurt your business career past repair***. 8) *I’m not preaching about your self-respect*, 9) *but about your solid business*. 10) *One of my proudest moments was when I met a certain great writer* 11) *and the talk touching upon a certain sex magazine*, 12) *I answered that I knew little about them* 13) *and didn’t write for them*. 14) *“Yes, I know you don’t”, came the reply*. 15) *How about your rates?* 16) *Your pocketbook receives a more direct hit*. 17) *It looks big*. 18) *But count up the most you can earn by writing for the “best” sex magazines*, 19) *and the most you can earn by writing for the best adventure or business or other fiction magazines*. 20) *You’ll see that if there’s any cash balance*, 21) *it’s on the side of decency*³³.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *условие* к (1) – 3) *побуждение к действию* – 4) *подтверждение (аргумент)* к (3) – 5) *подтверждение (аргумент)* к (3) – 6) *несогласие* к (4) – 7) *развитие* к (6) – 8) *оговорка* к (6) – 9) *развитие* к (6) – 10) *соединение* к (9) – 11) *последовательность* к (10) – 12) *последовательность* к (11) – 13) *развитие* к (12) – 14) *комментарий* к (13) – 15) *подтверждение (аргумент)* к (6) – 16) *объяснение* к (15) – 17) *несогласие* к (15) (*контраргумент*) к (14) – 18) *контраст* к (17) – 19) *последовательность* к (18) – 20) *условие* к (21) – 21) *вывод* к (16), (17), (18), (19).

В вышеприведенном отрывке из эссе автор убеждает потенциальных писателей не связываться с мужскими журналами. Речевые акты (6) и (7) являются косвенными, так как в них эксплицированная модальность не совпадает с фактической. Адресант говорит о *возможности* нанесения ущерба, потому что данные речевые акты находятся в оппозиции к речевым актам (4) и (5). Так как в них выражена возможность, то и адресант говорит о возможности. На самом деле он *уверен* в том, что если писатели будут писать статьи для мужских журналов, то они точно нанесут себе ущерб.

В речевых актах (10), (11), (12), (13) и (14) адресант показывает читателю, что писатель, работающий в мужских журналах, теряет авторитет у маститых коллег.

³³ Legends of Literature: The Best Articles, Interviews and Essays from the Archives of Writer’s Digest Magazine / Ed. by Ph. Sexton. – Ohio: Writer’s Digest Books, 2007. – P. 31.

При помощи речевых актов (15), (16), (18), (19) и (21) он доказывает, что в финансовом плане писать для мужских журналов не так выгодно, как это кажется на первый взгляд.

Следовательно, фактическая обоснованность суждений в речевых актах (6) и (7) выше выраженной. Соответственно, реконструируемые формы речевых актов (6) и (7) могут быть представлены следующим образом: *But you will hurt yourself, and you will hurt your business career past repair.*

Также следует отметить, что эксплицированная модальность речевых актов (6) и (7) находится в одной парадигме с фактической модальностью речевых актов, т. е. в рамках положительной модальности.

5.2. Изменение обусловлено релевантными коммуникативными параметрами ситуации. Рассматриваемый вид транспозиции иллюстрирует следующий пример:

Fi Glover: 1) Now, Muriel do your children complain of having too much homework?

Muriel Gray: 2) Oh, not at all Fi, they really love it! [H. B. S.].

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *запрос информации* – 2) *ответ* к (1).

Рассматриваемый текстовый фрагмент представляет собой диалог между интервьюером и интервьюируемым, в ходе которого интервьюер спрашивает у интервьюируемой, жалуются ли ее дети по поводу того, что им слишком много задают на дом.

Для адекватной интерпретации высказывания интервьюируемого следует принять во внимание макрособытие (большинство детей не любят выполнять домашние задания в школе) и квалификативные характеристики интервьюируемой (она считает, что ее дети не отличаются от большинства детей в плане подхода к учебе). В результате реконструируемая форма речевого акта (3) может быть представлена следующим образом: *Of course, they do Fi, they don't love it.* Соответственно, выраженная степень достоверности суждения противоположна фактической.

Основной проблемой является определение того, где происходит транспозиция: в диктуме (*they hate it*) или в модусе (*they don't love it*). И только учет количественных характеристик интервьюируемого (интервьюируемая – мать, а нормальной матери присуща позитивная оценка собственных детей, т. е. нелюбовь детей к выполнению домашних заданий является нормой и позитивно характеризует детей, в то

время как ненависть является отклонением и негативно характеризует детей) позволяет нам однозначно реконструировать форму косвенного речевого акта.

В рассматриваемых косвенных речевых актах разница в степени отдаленности фактической модальности речевого акта от эксплицированной модальности является основным критерием для построения полевой структуры данного вида семантической транспозиции речевых актов.

К ядру полевой структуры относятся те косвенные речевые акты, в которых эксплицированная модальность противоположна фактической.

К ближней периферии следует отнести те косвенные речевые акты, в которых эксплицированная модальность находится в разных парадигмах с фактической.

К дальней периферии следует отнести те косвенные речевые акты, в которых эксплицированная модальность находится в одной парадигме с фактической.

К особым случаям следует отнести тип транспозиции, основанный на смене фокуса от одного вида модальности к другому.

Таблица 11

**Полевая структура для семантической транспозиции
с изменением модуса**

Компонент структуры	Вид модальности	Маркеры формальной и реальной модальности
Ядро	Алетическая	did – didn't, do – don't, will do – won't do
	Аксиологическая	the best – the worst
	Временная	always – never
	Эпистемическая	sure – not sure
	Деонтическая	must – mustn't
Ближняя периферия	Алетическая	could – didn't, can – don't, will be able to do – won't do
	Аксиологическая	good – bad, better – worse
	Временная	always – sometimes, never – often
	Эпистемическая	sure – hardly sure
	Деонтическая	–

Окончание табл. 11

Компонент структуры	Вид модальности	Маркеры формальной и реальной модальности
Дальняя периферия	Алетическая	did – could, do – can, will do – will be able to do
	Аксиологическая	good – better, bad – worse
	Временная	always – often, never – sometimes
	Эпистемическая	not sure – hardly sure
	Деонтическая	–

Следует отметить, что на основе практического материала нам удалось найти примеры для построения полной полевой структуры только для алетической, аксиологической, временной и эпистемической модальностей, в то время как для деонтической модальности были только обнаружены примеры, относящиеся к ядру структуры.

Глава 2

РЕДУКЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Интересен тот факт, что отечественные и зарубежные лингвисты под редуцированными (имплицитными) речевыми актами понимают противоположные явления. На наш взгляд, это обусловлено тем, что они принадлежат к разным подтипам рассматриваемого типа косвенных речевых актов. Анализируемый способ образования косвенных речевых актов мы, вслед за американскими лингвистами, которые первыми начали исследовать данное явление, будем называть *редукцией*.

Следует также отметить, что рассматриваемый способ образования косвенных речевых актов существенно отличается от транспозиции речевых актов, так как анализируемые косвенные речевые акты в полной мере реализуют два речевых акта – редуцированный и нередуцированный.

Редукция речевых актов – это способ образования косвенных речевых актов, при котором один речевой акт реализуется за счет осуществления другого.

Для разделения редукции на различные виды следует принимать во внимание то, в каких отношениях находятся редуцированный и нередуцированный речевые акты. Существует два вида редукции речевых актов: текстовая и кондициональная.

Кроме того, при классификации данных косвенных речевых актов следует принимать во внимание иллокуцию речевых актов. Соответственно, существует шесть частных случаев для каждого вида редукции. Косвенные речевые акты, образованные редукционным способом, употребляются в основном в диалогических единствах на стыке реплик коммуникантов.

В основе редукции лежит стремление адресанта к языковой компрессии. Основным релевантным свойством рассматриваемых косвенных речевых актов является их емкость.

2.1. ТЕКСТОВАЯ РЕДУКЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Текстовая редукция речевых актов – это вид редукции, при которой редуцированный речевой акт, находясь в логико-синтаксических отношениях с нередуцированным, выполняет функцию ядра, а нередуцированный – сателлита.

Текстовая редукция реквестива

Текстовая редукция речевого акта *реквестива* происходит в следующих случаях.

1. Текстовой функцией речевого акта *реквестива* является *побуждение к действию*. Реквестив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *объяснения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Ford: 1) *Alice, you will break a few more hearts yet.* 2) *I must take care of mine!*

Alice: 3) (a) (Implicit: *Sir, come and have the dinner, please*) (b) ***Sir, the dinner is getting cold.***

Ford: 4) *As prudent as you are good-looking, Alice!* 5) *Come, mother dear,* 6) *do not let me keep you standing any longer* [L. A.]

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *развитие к (1) – 3) (a) побуждение к действию* – (b) *объяснение к (3a) – 4) развитие к (1) – 5) побуждение к действию*.

В приведенном примере главный герой флиртует со служанкой в присутствии своей матери. Служанка, в свою очередь, предлагает перейти к процессу принятия пищи. Так как коммуниканты обладают разными социальными статусами, то служанка не прерывает коммуникацию прямо, а делает это косвенно. Речевой акт (3b), который является объяснением к речевому акту (3a), легко можно восстановить из контекста: *Sir, come and have the dinner, please*.

Добавление маркера вежливости *please* и маркера социального статуса *sir* в восстановленной форме имплицитного речевого акта обусловлено разницей социальных статусов коммуникантов, которую второй коммуникант осознает и выражает ее при помощи обращения *sir*.

Следует также отметить реакцию главного героя, который оценил попытку служанки прекратить разговор при помощи использования

косвенного речевого акта. Его оценка проявляется в речевом акте (4), в котором выражена похвала служанке при помощи слова *prudent*.

2. Текстовой функцией речевого акта *реквестива* является *побуждение развития*. Реквестив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *объяснения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Proserpine: 1) *He'll be all right now* 2) *that he has the advantage of your polished conversation*: 3) *that's one comfort, anyhow*.

Burgess: 4) (a) (Implicit: *Shut up*) (b) ***Hi was not addressin myself to you, young woman, that I'm awerr of.***

Proserpine: 4) *Did you ever see worse manners, Mr Marchbanks?*³⁴.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *объяснение к (1) – 3) вывод к (1) – 4) (a) побуждение развития – (b) объяснение к (4a)*.

В вышеприведенном диалоге Бургесс редуцирует речевой акт (4a), который является реквестивом, нацеленным на прекращение диалога. Это обусловлено стремлением коммуниканта минимизировать контакт с собеседником. При этом Бургесс довольно грубо выражает свое нежелание вступать в коммуникацию с Прозерпиной, так как считает, что может себе это позволить, исходя из своего более высокого социального статуса.

Следовательно, редуцированный речевой акт (4a) является приказом с некорректной тональностью. Анализируемый речевой акт можно реконструировать следующим образом: *Shut up*. Несмотря на разность социальных статусов, допускающую употребление речевых актов приказов, Прозерпина реагирует агрессивно, так как данная тональность приказа является недопустимой даже при наличии разницы в социальном статусе коммуникантов.

³⁴ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 157.*

Текстовая редукция интеррогатива

Текстовая редукция речевого акта *интеррогатива* происходит в следующих случаях.

1. Текстовой функцией речевого акта *интеррогатива* является *запрос информации*. Интеррогатив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *объяснения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Vida: [Looking at her watch which lies on the dressing-table].

1) (a) (Implicit: *What is the time?*) (b) ***My watch has stopped.***

Benson: 2) Five to eleven, ma'am [N. Y. I.].

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) (a) *запрос информации* – (b) *объяснение к (1a)* – 2) *ответ к (1a)*.

В представленном примере адресант, сообщая адресату о том, что его часы остановились, тем самым просит сообщить ему время. Использование редукции речевого акта (1a) основано на уверенности адресанта в том, что его поймут адекватно. Так, анализируемое высказывание с позиции возможных умозаключений можно интерпретировать тремя способами:

- а) адресант просит сообщить ему время;
- б) адресант хочет, чтобы адресат починил его часы;
- в) адресант просто выражает досаду по поводу того факта, что его часы не работают.

Из предшествующего контекста вытекает следующее:

– во-первых, адресанту необходимо узнать время как можно скорее, поэтому предпочтительней является интерпретация (a), в то время как интерпретация (б) в меньшей степени адекватна контексту, а интерпретация (в) является абсолютно нерелевантной;

– во-вторых, как предшествующий, так и последующий контексты составляют базу для отказа от интерпретации (б) и (в), так как адресант не настолько хорошо знает адресата, чтобы просить его починить часы.

Кроме того, адресант не знает, умеет адресат ремонтировать часы или нет, поэтому если бы он хотел, чтобы ему починили часы, то он бы сначала выяснил, может ли адресат это сделать.

Основная сложность заключается в реконструкции формы, а следовательно, в определении того, является ли редуцированный речевой

акт (1a) вопросом *What is the time?* или просьбой *Tell me the time, please.*

Во-первых, представленный речевой акт просьбы находится на периферии поля реквестива, так как выполняет текстовую функцию речевого акта интеррогатива – *запрашивает информацию.*

Во-вторых, иллюкутивный акт вопроса является наиболее частотным в ситуациях запроса времени, в то время как эквивалентный ему речевой акт просьбы встречается значительно реже, т. е. в данном синонимическом ряду именно вариант с речевым актом вопроса является доминантой.

В-третьих, в эксплицированных контекстах второй вариант обычно употребляется с речевым актом, выполняющим текстовую функцию объяснения *My watch has stopped*, в то время как первый вариант встречается крайне редко.

Следовательно, предпочтительная форма реконструкции – это форма вопроса *What is the time?*

2. Текстовой функцией речевого акта *интеррогатива* является *запрос действия для адресанта.* Интеррогатив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *объяснения.* Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Patient: 1) a) (Implicit: *What should I do?*) b) **Doc, I haven't had a bowel movement in a week!**

Doctor (gives him a prescription for a mild laxative): 2) *If it doesn't work,* 3) *let me know*³⁵.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) (a) *запрос действия для адресанта* – (b) *объяснение к (1a)* – 2) *условие к (3)* – 3) *побуждение к действию.*

В анализируемой ситуации представлен диалог между доктором и пациентом. Использование редукции речевого акта обусловлено тем, что действие происходит в кабинете врача. Следовательно, очевидно, что пациент пришел получить предписание от врача.

Подобные косвенные речевые акты употребляются коммуникантом с более низким социальным статусом по отношению к коммуниканту с

³⁵ *Кавыку Т. English language for Russian speaking emigrants. – N. Y.: VV Agency Inc., 2006. – P. 38.*

более высоким социальным статусом. В основном они используются подчиненными в отношениях начальник–подчиненный, когда подчиненный приходит к начальнику за дальнейшим планом действий. В отношениях врач–пациент социальный статус врача выше. Как следствие, данные косвенные речевые акты легко интерпретируются в связи с их высокой степенью коммуникативной конвенциональности. Рассматриваемый косвенный речевой акт можно реконструировать следующим образом: *What should I do?*

Текстовая редукция комиссива

Текстовая редукция речевого акта *комиссива* происходит в следующих случаях.

1. Текстовой функцией речевого акта *комиссива* является *принятие*. Комиссив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *развития*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Candida: 1) *Will you, for my sake, make a little poem out of the two sentences I am going to say to you?* 2) *And will you promise to repeat it to yourself whenever you think of me?*

Marchbanks: 3) (a) (Implicit: *I will write a poem*) (b) **Say the sentence**³⁶.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *побуждение к действию* – 2) *побуждение к действию / последовательность к (1) – 3) (a) принятие к (1) – (b) побуждение развития*.

В вышеприведенном текстовом фрагменте первый коммуникант просит второго выполнить речевой акт обещания – сочинить стихотворение, употребив в нем два предложения. Подобный речевой акт требует последующего речевого акта обещания, выполняющего одну из следующих текстовых функций: *принятие, уточнение, отказ* или *уход от ответа*. Второй коммуникант просит сказать ему эти два предложения. Возможны два варианта интерпретации:

а) редуцирован речевой акт (3a) обещание, а речевой акт (3b) выполняет текстовую функцию *развития*;

б) ничего не редуцировано, а речевой акт (3) выполняет текстовую функцию *уточнения*.

³⁶ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 182.*

Для адекватной интерпретации речевого акта (3b) следует принять во внимание взаимоотношение коммуникантов. Марчбэнкс любит Кандиду и беспрекословно выполнит все то, о чем она его попросит, поэтому в данном контексте именно первый вариант является предпочтительным (не случайно М. Богословский и С. Боброва перевели предложение *Say the sentence* как «Хорошо»). Следовательно, можно реконструировать редуцированную форму следующим образом: *I will write a poem.*

2. Текстовая функция речевого акта *комиссива – утверждение*. Комиссив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *побуждения к действию*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

The baker told the story of his daughter and Enzo... A pure and honorable love had sprung up between honest Enzo and his sheltered Katherine but now that the war was ended the poor lad would be repatriated to Italy and Nazorine's daughter would surely die of a broken heart. Only Godfather Corleone could help this afflicted couple. He was their last hope. The Don walked Nazorine up and down the room, his hand on the baker's shoulder, his head nodding with understanding to keep up the man's courage. When the baker had finished, Don Corleone smiled at him and said, "My dear friend, put all your worries aside". He went on to explain very carefully what must be done... Don Corleone explained that this would cost money, the going price was now two thousand dollars. He, Don Corleone, would guarantee performance and accept payment. Did his friend agree? The baker nodded his head vigorously. He did not expect such a great favor for nothing. That was understood. A special Act of Congress does not come cheap. Nazorine was almost tearful in his thanks³⁷.

В приведенном отрывке из романа «Крестный отец» Назорини рассказывает дону историю любви его дочери и итальянца Энцо, которого должны депортировать. Так как Назорини находится среди просителей дона, это предполагает, что он просит дону помочь ему решить данную проблему. Дон советует Назорини оставить свои тревоги и при этом называет его дорогим другом (из чего следует, что он настроен к Назорини доброжелательно).

Следовательно, редуцирован речевой акт комиссива, а нередуцированный речевой акт выполняет текстовую функцию *побуждения к дей-*

³⁷ Puzo M. *The Godfather*. – N. Y.: New American Library, 2002. – P. 13.

ствию. Редуцированный речевой акт комиссива легко восстановить из контекста: ***I will solve your problem. That's why, my dear friend, put all your worries aside.***

Следует отметить реакцию просителя: почти со слезами на глазах он рассыпался в благодарностях. Подобная реакция, т. е. выражение благодарности, является наиболее адекватной в том случае, если речевой акт комиссива, выполняющий текстовую функцию *утверждения*, является промиссивом.

Анализируемый пример интересен еще и тем, что только косвенный комиссив представлен в прямой речи, это обусловлено желанием автора показать манеру дон Корлеоне обещать. Так, дон почти всегда обещает косвенно, не используя прямых комиссивов.

Текстовая редукция пропозитива

Текстовая редукция речевого акта *пропозитива* происходит в том случае, если его текстовой функцией является *побуждение к действию*. Пропозитив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *подтверждения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Cora: 1) I can't go on like this, Frank.

Frank: 2) Me neither.

Cora: 3) I can't stand it. 4) And I've got to get drunk with you, Frank.

5) You know what I mean? 6) Drunk.

Frank: 7) I know.

Cora: 8) And I hate that Greek.

.....
Frank: 9) Cora, how about you and me going away?

Cora: 10) I've thought about it. 11) I've thought about it a lot.

Frank: 12) We'll ditch this Greek and blow. 13) Just blow.

Cora: 14) Where to?

Frank: 15) Anywhere. 16) What do we care?

Cora: 17) Anywhere. 18) Anywhere. 19) You know where that is?

Frank: 20) All over. 21) Anywhere we choose.

Cora: 22) No it's not. 23) It's the hash house.

.....
Cora: 24) Frank, do you love me?

Frank: 25) Yes.

Cora: 26) Do you love me so much that not anything matters?

Frank: 27) Yes.

*Cora: 28) (a) (Implicit: Let's kill him) (b) **There's one way***³⁸.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) аргумент к (28a) – 2) согласие к (1) – 3) интенсификация к (1) – 4) объяснение к (1) – 5) запрос информации – 6) интенсификация к (4) – 7) ответ к (5) – 8) аргумент к (28a) – 9) побуждение к действию / контртезис к (28a) – 10) уход от ответа к (9) – 11) интенсификация к (10) – 12) развитие к (9) – 13) развитие к (12) – 14) запрос развития к (13) – 15) ответ к (14) / развитие к (13) – 16) запрос информации – 17) повтор к (15) – 18) интенсификация к (17) – 19) запрос развития к (15) – 20) ответ к (19) / развитие к (15) – 21) развитие к (20) – 22) несогласие к (21) – 23) объяснение – 24) запрос информации / аргумент к (28a) – 25) ответ к (24) – 26) интенсификация к (24) / запрос информации – 27) ответ к (26) – 28) (a) побуждение к действию / тезис – (b) аргумент к (28a).

Представленный текстовый фрагмент состоит из двух аргументативных цепочек: аргументации и контраргументации. Кроме того, в рассматриваемый фрагмент включен нарративный сегмент. Аргументативный сегмент обладает инвертированной структурой, т. е. редуцированный тезис находится в конце аргументативной цепочки. Так, Кора постепенно подводит Фрэнка к мысли о том, что они должны убить ее мужа-грека.

В представленном контексте редуцирован речевой акт пропозитива, выполняющий текстовую функцию *побуждения к действию*, так как Кора предлагает совместно убить мужа. Форма редуцированного речевого акта – *Let's kill him*. В ходе аргументации Фрэнк предлагает альтернативный вариант – сбежать, но Кора отказывается, так как она не видит перспектив у предложенной Фрэнком альтернативы. По ее мнению, это приведет к тому, что они будут работать в дешевых забегаловках. Главная сложность заключается в определении того, что представляет собой редуцированный речевой акт: тезис или вывод?

Для решения этой проблемы следует обратиться к структуре аргументации, в которой тезис, наряду с аргументом, является обязательным элементом. Соответственно, если редуцированный речевой акт –

³⁸ *Cain J.M.* The Postman Always Rings Twice. – London: Orion Books Ltd., 2005. – P. 12–14.

вывод, то тезис должен быть представлен в начале текстового фрагмента. Следовательно, из первого аргумента можно вывести тезис, но это представляется невозможным, так как пропозиция тезиса не ясна до последнего момента. На основе первого аргумента, выраженного речевым актом (1), можно только определить общую интенцию коммуниканта – уйти от грека к Фрэнку. Редуцированный речевой акт (28a) *Let's kill him* является инвертированным тезисом.

Текстовая редукция репрезентатива

Текстовая редукция речевого акта *репрезентатива* происходит в следующих случаях.

1. Текстовая функция речевого акта *репрезентатива* – *согласие*. Репрезентатив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *объяснения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Algernon: 1) *My dear boy, I love hearing my relations abused.* 2) *It is the only thing that makes me put up with them at all.* 3) *Relations are simply a tedious pack of people, who haven't got the remotest knowledge of how to live, nor the smallest instinct about when to die.*

Jack: 4) *Oh, that is nonsense!*

Algernon: 5) *It isn't!*

Jack: 6) *Well, I won't argue about the matter.* 7) *You always want to argue about things.*

Algernon: 8) (a) (Implicit: *Yes, I do*) (b) ***That is exactly what things were originally made for***³⁹.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *развитие* к (1) – 3) *объяснение* к (1) – 4) *несогласие* к (3) – 5) *несогласие* к (4) – 6) *утверждение (тезис)* – 7) *подтверждение* к (6) (*аргумент*) – 8) (a) *согласие* к (7b) *объяснение* к (8a).

В приведенном диалоге первый коммуникант соглашается с аргументом второго, редуцируя при этом соответствующий речевой акт (8a). Основная проблема заключается в установлении того, нужен ли здесь речевой акт, выполняющий текстовую функцию *согласия*, или речевой акт (8) вступает в логико-синтаксические отношения непо-

³⁹ *Wilde O. The Importance of Being Earnest // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 378.*

средственно с предыдущим речевым актом, т. е. речевой акт (8) выполняет текстовую функцию *развития*.

Для того чтобы решить представленную проблему, следует определить текстовые функции речевого акта (7). Так, речевой акт (6) является отказом от продолжения спора, а речевой акт (7) – аргументом к речевому акту (6), цель которого – убеждение первого коммуниканта в обоснованности позиции второго коммуниканта. Так как первый коммуникант продолжает дискуссию, то он должен:

а) согласиться с аргументом второго коммуниканта, но не согласиться с тезисом;

б) не согласиться с аргументом, а следовательно, и с тезисом.

В случае согласия и с тезисом, и с аргументом его реакцией было бы либо молчание, либо переход к другой теме. Следовательно, речевой акт (8) не может выполнять текстовую функцию *развития* и вступать в логико-синтаксические отношения с речевым актом (7). Первый коммуникант выбирает вариант (а), а речевой акт (8b) выполняет текстовую функцию *объяснения* к речевому акту (8a). Это следует из того, что речевой акт (8b) не находится в смысловой оппозиции с речевым актом (7). Соответственно, речевой акт (8a) выполняет текстовую функцию *согласия* по отношению к аргументу второго коммуниканта, выраженного в речевом акте (7). Итак, речевой акт *Yes, I do*, выполняющий текстовую функцию *согласия*, действительно имплицитирован.

2. Текстовая функция *репрезентатива – несогласие*. Репрезентатив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *подтверждения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Don Corleone: 1) (a) (Implicit: *I promise I will solve your problem with this pezzonovante*) (b) ***At the end of the month you can go back to Hollywood and this pezzonovante, this 90 caliber will give you that job you want.***

Johnny: 2) (a) (Implicit: *You can't solve my problem with this pezzonovante*) (b) ***This guy is a personal friend of J. Edgar Hoover.*** 3) *You can't even raise your voice to him*⁴⁰.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) (a) *утверждение (тезис)* – (b) *развитие* к (1a) – 2) (a) *несогласие* к (1a) (*контрте-*

⁴⁰ *Puzo M. The Godfather. – N. Y.: New American Library, 2002. – P. 28.*

зис) – (b) подтверждение к (2a) (контраргумент) – 3) подтверждение к (2a) (контраргумент).

В анализируемом примере оба коммуниканта прибегают к редукции речевого акта. Первый коммуникант редуцирует речевой акт обещания, а второй – контртезис. В текстовом фрагменте, предшествующем рассматриваемому, Джонни жалуется на то, что его босс (которого дон называет *pezzonovante* – в переводе с итальянского «большая шишка») не предлагает ему роль в новом фильме. Так как Джонни находится среди просителей дона, это предполагает, что Джонни просит дона помочь ему решить данную проблему. Существуют три возможные реактивные реплики:

- а) обещание;
- б) отказ;
- в) уход от ответа.

Дон утверждает, что *pezzonovante* предложит Джонни работу и Джонни получит то, о чем он просит. Это означает, что реактивная реплика дона представляет собой обещание, которое не эксплицитовано. Речевой акт (1b) выполняет текстовую функцию *развития* по отношению к имплицитному речевому акту (1a), который легко можно восстановить из контекста: ***I promise I will solve your problem with this pezzonovante. At the end of the month you can go back to Hollywood and this pezzonovante, this 90 caliber will give you that job you want.***

Крестный отец опускает комиссив, не используя при этом аргументацию, и использует речевой акт (1b), выполняющий текстовую функцию *развития*, для того чтобы сделать свое обещание более убедительным.

Текстовая функция имплицитного речевого акта (1a) – *утверждение*. Утверждение комиссива отличается от утверждения репрезентатива тем, что благоприятной реакцией на данный речевой акт должен стать речевой акт, выполняющий функцию *контактного сигнала* (благодарности). Джонни, в свою очередь, не соглашается с доном и выдвигает контраргумент, подтверждающий контртезис, который является редуцированным. Данный контртезис легко можно восстановить из контекста, так как он выполняет текстовую функцию *несогласия* с тезисом, выраженным в речевом акте (1a), ***You can't solve my problem with this pezzonovante.***

2. Текстовая функция речевого акта *репрезентатива* – *отказ*. Репрезентатив может выражаться при помощи экспликации речевого ак-

та, выполняющего текстовую функцию *подтверждения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Tyrone: 1) *Keep your nose out of my business!*

Jamie: 2) (a) (Implicit: *I will not keep my nose out of this business*)
(b) ***This is Edmund's business***⁴¹.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *побуждение к действию* – 2) a) *отказ к (1b) подтверждение к (2a) (аргумент)*.

В вышеприведенном текстовом фрагменте Тайрон, отец семейства, приказывает своему старшему сыну Джейми не лезть в его дела. Джейми в свою очередь заявляет, что это дела Эдмунда, его младшего брата. Таким образом, пропозиция речевого акта (2b) противопоставлена пропозиции речевого акта (1). Следовательно, второй коммуникант отказывается выполнять приказ первого, а речевой акт (2b) выполняет текстовую функцию *подтверждения* к речевому акту (2a), форму которого легко реконструировать, так как она содержит отрицание речевого акта (1): ***I will not keep my nose out of this business***.

4. Текстовая функция речевого акта *репрезентатива – ответ*. Репрезентатив может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *развития*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Lady Caroline: 1) *Who are Miss Worsley's parents?*

Lord Illingworth: 2) (a) (Implicit: *I don't know*) (b) ***American women are wonderfully clever in concealing their parents***⁴² (Wilde 2000: 226).

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *запрос информации* – 2) (a) *ответ к (1b) / развитие к (2a)*.

В представленном диалоге леди Кэролайн интересуется у лорда Иллингворта о том, кто родители мисс Уэрсли. Он не дает прямого ответа на поставленный вопрос. Вместо этого он утверждает, что американские женщины умны, так как скрывают, кто их родители. Из смысла данного речевого акта, выполняющего текстовую функцию *развития*, следует, что лорд не знает ответа на поставленный вопрос. Соответственно, форму имплицитного речевого акта (2a) можно восстановить следующим образом: *I don't know*.

⁴¹ O'Neill E. Long Day's Journey into Night // Eight Modern Plays / ed. by A. Caputi. – N. Y.: W. W. Norton & Company Inc., 1996. – P. 293.

⁴² Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 226.

Текстовая редукция экспрессива

Текстовая редукция речевого акта *экспрессива* происходит в следующих случаях.

1. Редуцируется речевой акт *извинения*, который может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего функцию *оправдания*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Morell: Why – [He looks at his watch, and is horrified to find it so late.]

1) *My darling!* 2) а) (Implicit: *Sorry!*) б) ***I intended to meet you at the train.*** 3) *I let time slip*⁴³.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *эмотивный контактный сигнал* – 2) (а) *контактный сигнал (извинение)* – (б) *оправдание к (2а)* – 3) *оправдание к (2а)*.

В рассматриваемом примере главный герой приносит извинения собеседнику при помощи подтверждения своего намерения и дальнейшего объяснения того, почему это намерение не было осуществлено. Особенность речевого акта извинения состоит в том, что в большинстве случаев вступления рассматриваемого речевого акта в отношения сопутствующий сателлит выполняет функцию *оправдания*, которая не является в полной мере логико-синтаксической. Скорее, между двумя подобными высказываниями существует семантическая связь.

В данном контексте адресант редуцирует речевой акт извинения *Sorry*. Это обусловлено тем, что он крайне взволнован. То, что адресант действительно сожалеет о случившемся и осознает свою вину, определяется при помощи передачи квалификативных характеристик адресанта: *He looks at his watch, and is horrified to find it so late*.

Тем не менее в связи со специфическим характером отношений между речевыми актами, включающими извинения, они представляются нам наиболее сложными для экспликации в связи с тем, что логико-синтаксическая связь в подобных случаях нарушена.

2. Редуцируется речевой акт *поздравления*, который может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего текстовую функцию *объяснения*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

⁴³ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 144.*

Gerald: 1) Lady Hunstanton, I have such good news to tell you. 2) Lord Illingworth has just offered to make me his secretary.

*Lady Hunstanton: 3) His secretary? 4) (a) (Implicit: Congratulations!) (b) **That is good news indeed, Gerald.** 5) It means a very brilliant future in store for you. 6) Your dear mother will be delighted. 7) I really must try and induce her to come up here to-night. 8) Do you think she would, Gerald? 9) I know how difficult it is to get her to go anywhere.*

Gerald: 10) Oh! I am sure she would, Lady Hunstanton, 11) if she knew Lord Illingworth had made me such an offer.

Lady Hunstanton: 12) I will write and tell her about it, and 13) ask her to come up and meet him. ...

*Lady Caroline: 14) (a) (Implicit: Congratulations!) (b) **That is a very wonderful opportunity opening for so young a man as you are, Mr Arbutnot.***

Gerald: 15) It is indeed, Lady Caroline. 16) I trust I shall be able to show myself worthy of it.

Lady Caroline: 17) I trust so.

Gerald [To Hester]: 18) You have not congratulated me yet, Miss Worsley⁴⁴.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *подготовка сообщения* – 2) *утверждение* – 3) *интенсификация к (2) – 4 (a) контактный сигнал (поздравление) к (2b) объяснение к (4a) – 5) развитие к (4b) – 6) вывод к (5) – 7) утверждение – 8) запрос информации – 9) объяснение к (8) – 10) ответ к (8) – 11) условие к (10) – 12) утверждение к (11) – 13) последовательность к (12) – 14) (a) контактный сигнал (поздравление) к (2) – (b) объяснение к (14a) – 15) согласие к (14b) – 16) развитие к (15) – 17) согласие к (16) – 18) запрос контактного сигнала.*

В приведенном текстовом фрагменте два коммуниканта поздравляют собеседника с получением места референта при лорде Иллингворте с помощью объяснения важности описанного события.

В данном примере представлены две редукции речевого акта поздравления. Речевые акты (4b) и (14b) выполняют текстовую функцию *объяснения*. Форму редуцированных речевых актов (4a) и (14a) легко реконструировать: *Congratulations!*

⁴⁴ *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 222–223.*

Важно отметить, что Джеральд – человек, которого поздравляют – именно так и реконструирует редуцированные речевые акты. Это следует из речевого акта (18), где он спрашивает, почему Эстер его не поздравила. Соответственно, он посчитал, что другие коммуниканты его поздравили.

3. Редуцируется речевой акт *благодарности*, который может выражаться при помощи экспликации речевого акта, выполняющего функцию *комплимента*. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Lady Hunstanton: 1) *I have told Farquhar to put a brace of partridge into the carriage.* 2) *Mrs. Daubeny may fancy them.*

Dr. Daubeny: 3) (a) (Implicit: *Thank you very much*) (b) **It is very kind of you**, 4) *but Mrs. Daubeny never touches solids now*⁴⁵.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *объяснение к (1)* – 3) (a) *контактный сигнал (благодарность)* – (b) *оценка к (1) (комплимент)* – 3) *несогласие к (2) (контраст)*.

В приведенном диалоге второй коммуникант выражает благодарность первому при помощи положительной оценки действия, произведенного первым коммуникантом. Первый коммуникант сообщает второму о том, что слуга положил в экипаж пару куропаток. Данное действие, безусловно, полезно для второго коммуниканта. Соответственно, возможна только одна адекватная реакция – благодарность со стороны второго коммуниканта. В свою очередь второй коммуникант отмечает, что леди Ханстэнтон очень любезна. Данный речевой акт является комплиментом. Именно комплимент сопутствует речевому акту благодарности в большинстве эксплицированных контекстов. Следовательно, речевой акт благодарности редуцирован, при этом он легко восстанавливается в рассматриваемом контексте: *Thank you very much*.

Следует отметить, что такие экспрессивы первой группы, как приветствия, прощания и соболезнования, выражаются прямо, их редукция – пример коммуникативной неудачи.

Речевые акты пожелания, в свою очередь, занимают промежуточное место между экспрессивами первой и второй групп. Хотя они имеют стандартную форму выражения, для каждого вида пожелания она своя и может варьироваться.

⁴⁵ *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 222–223.*

2.2. КОНДИЦИОНАЛЬНАЯ РЕДУКЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Далее приступим к анализу второго вида редукции речевых актов. Кондициональная редукция речевых актов – это вид редукции, при которой в нередуцированном речевом акте выражено условие, необходимое для реализации действия, предписываемого редуцированным речевым актом. Для выражения каждого условия существует одна или несколько прототипических форм. Кроме прототипических форм существуют также и другие эквивалентные формы, но чем дальше форма от прототипа, тем в меньшем количестве ситуаций она может быть использована. Кроме того, в некоторых случаях косвенные речевые акты представлены речевыми актами, связанными с установлением подготовительных условий, необходимых для осуществления действия редуцированного речевого акта.

Условия реквестива

Для выполнения действия, предписываемого речевым актом *реквестива*, необходимо выполнение следующих условий.

1. Условия, касающиеся адресата: (1) желание и (2) возможность адресата выполнить действие.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

(1) а) *Will you do smth?* б) *You will do smth.*

(2) а) *Can you do smth?* б) *You can do smth.*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Reggie Herring: 1) *The “Bull and Bush” is well spoken of in the Automobile guide*, 2) *but I’m always a bit wary of these country pubs*. 3) *I’d much rather be at Brinkley Court*, 4) *of which I have such happy memories*. 5) ***Could you swing it with your aunt?***

Bertie Wooster: 6) *She isn’t here*. 7) *But she rang up this afternoon and instructed me to wire you to come and make a prolonged stay*⁴⁶.

В речевом акте (5) адресант запрашивает о возможности адресата выполнить действие, т. е. поговорить с тетей адресата о его размещении. Модальный глагол *could*, который в представленном контексте

⁴⁶ *Wodehouse P.G. Jeeves in the offing*. – СПб.: Антология, 2009. – Р. 112.

служит для передачи категории вежливости, помогает нам проинтерпретировать речевой акт (5) как косвенный реквестив.

В реактивной реплике адресат прибегает к текстовой редукции. Он не дает прямого ответа на вопрос и не говорит о своем намерении осуществить предписываемое адресантом действие. В речевом акте (7) сообщается о том, что нужный результат достигнут. Отсюда следует, что запрашиваемое адресантом действие неактуально в представленной ситуации. Развернутую форму данного диалога можно представить следующим образом:

– *The “Bull and Bush” is well spoken of in the Automobile guide, but I’m always a bit wary of these country pubs. I’d much rather be at Brinkley Court, of which I have such happy memories. Could you swing it with your aunt?*

– *No, I can’t. She isn’t here. But she rang up this afternoon and instructed me to wire you to come and make a prolonged stay.*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Cecily: 1) *Pray ask the lady to come out here*; 2) *Mr Worthing is sure to be back soon*. 3) ***And you can bring tea.***

Merriman: 4) *Yes, Miss. (Goes out)*⁴⁷.

Одна из героинь пьесы сообщает слуге о том, что он может принести чай. Эксплицитно выраженный речевой акт (3) касается выполнения условия (2), т. е. возможности адресата выполнить действие. Подобные косвенные речевые акты характерны для приказов, в которых адресант определяет возможность выполнения действия адресатом. Кроме того, в подобных случаях единственным необходимым условием, касающимся адресата, является возможность осуществить действие, в то время как наличие желания адресата осуществить действие не имеет особого значения. Развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено спецификой формы речевого акта.

Возможные подготовительные условия для первого и второго видов условий: наличие предмета, место и время. Подобный вид редукции характерен в тех ситуациях, когда уровень взаимопонимания между коммуникантами достаточно высок, так как адресат должен редуцировать два речевых акта адресанта. Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

⁴⁷ *Wilde O. The Importance of Being Earnest // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 396.*

Algernon: 1) ***Have you got the cucumber sandwiches cut for Lady Bracknell?***

Lane: 2) *Yes, sir. (hands them on a salver)*⁴⁸.

В вышеприведенном текстовом фрагменте адресант запрашивает о наличии сэндвичей с огурцом. Основной проблемой для адекватной интерпретации речевого акта (1) является то, что анализируемый речевой акт употребляется в нехарактерном контексте, так как в случае, если кто-то спрашивает о готовности чего-либо для третьего лица, то предполагается, что это что-то предназначено для третьего лица, особенно если этот кто-то является хозяином. В свою очередь, употребление речевого акта (1) в контексте, подобном рассматриваемому, характерно для детей, тем самым автор хочет показать нам высокий уровень инфантильности адресанта.

После того как адресат определил, что адресант пытается установить возможность передачи сэндвичей, он на основе своего опыта взаимоотношений с адресантом заключает, что тот хочет получить сэндвичи, после чего адресат передает сэндвичи адресанту. Развернутую форму анализируемого диалога можно представить следующим образом:

– *Have you got the cucumber sandwiches cut for Lady Bracknell?*

– *Yes, sir.*

– ***Can you pass them to me?***

– *Yes, sir.*

– ***Pass them.***

– *(hands them on a salver).*

2. Условия, касающиеся адресанта: (3) желание и (4) необходимость адресанта в том, чтобы действие было выполнено.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

(3) *a) I want smth. (I want you to do smth); b) I will have smth,*

(4) *I need smth. (I need you to do smth).*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Lady Bracknell: 1) ***And now I'll have a cup of tea, and one of those nice cucumber sandwiches you promised me.***

Algernon: 2) *Certainly, Aunt Augusta (goes over to tea-table)*⁴⁹

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. – С. 370.

Адресант говорит о своем желании выпить чашку чая и съесть сэндвич с огурцом. В анализируемом примере выраженный речевой акт касается выполнения условия (3), т. е. желания адресанта, чтобы это действие было осуществлено.

Для речевых актов представленного типа существуют две формы выражения. Форма *I'll have* характеризует исключительно те реквестивы, в которых статус адресанта выше статуса адресата. Форма *I want* употребляется адресантом при любом социальном статусе.

В рассматриваемом случае леди Брэнкнелл является тетей Алджернона. Следовательно, она обладает более высоким социальным статусом. Редукция осуществляется адресатом. Развернутая форма диалога невозможна, это обусловлено спецификой статусно-маркированной формы речевого акта, выражающего условие желания адресанта.

3. Условия, касающиеся самого действия: (5) необходимость выполнения действия адресатом.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

(5) *Smth. must be done by you.*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

***And now, you have only to surrender the charter to me to complete the ceremony of submission to the order of His Majesty*⁵⁰.**

В анализируемом примере редукция осуществляется адресантом, так как он считает избыточным употреблять реквестив, который является очевидным: *And now, you have only to surrender the charter to me to complete the ceremony of submission to the order of His Majesty. Surrender it!*

Условия интеррогатива

Для получения ответа на вопрос, представленный в речевом акте *интеррогатива*, необходимо выполнение следующих условий.

1. Условия, касающиеся адресата: 1) желание и 2) возможность адресата ответить на вопрос.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

1) Will you tell (say to) me *clause*,

2) Can you tell (say to) me *clause*.

⁵⁰ *Carlton H. The Tree That Saved Connecticut. – Memphis: General Books, 2010. – P. 23.*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример.

The Lieutenant: 1) **Now, will you tell me who else was there?**

The Corporal: 2) *Jim Roger, Tom Bancroft, and George Crotti*⁵¹.

Адресант, обладающий более высоким социальным статусом, спрашивает адресата, обладающего более низким статусом, есть ли у него желание ответить на вопрос. Эксплицитно выраженный речевой акт (1) касается выполнения условия (1), т. е. желания адресата ответить на вопрос. Это нехарактерно для речевых актов, касающихся выполнения условия желания, при подобном соотношении социальных статусов коммуникантов. Употребление данного косвенного речевого акта обусловлено желанием адресанта показать свое недовольство адресатом и служит средством передачи иронии. В рассматриваемом случае развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено спецификой представленной формы речевого акта.

2. Условия, касающиеся адресанта: (3) необходимость и (4) желание адресанта того, чтобы адресат ответил на вопрос.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

3) I need to know *clause*,

4) I want to know *clause*.

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Solomon: 1) *Happy Father's Day, by the way.* 2) *As a divorced father of three daughters,* 3) *are you a good dad?*

Eminem: 4) *Yes.* 5) *My kids – I love them so much,* 6) *and they've helped me through so many things.*

Solomon: 7) **I wonder what they'll think of your rousing new song, "W.T.P."**, 8) *which stands for a white-trash party.* 9) *You tell the listener, "Hop in my minivan / let's get rowdy"*.

Eminem: 10) *Just going back to my white-trash roots* [N. Y. T.].

Эксплицитно выраженный речевой акт (7) касается выполнения условия (3), т. е. желания адресанта получить ответ на вопрос. В анализируемом примере практически полностью исключено употребление прямого ответа, так как поставленный вопрос направлен не адресату, а третьим лицам. Адресат может только выдвинуть предположение, но ответа он дать не может, так как не знает, что в действительности думают его дети. Следовательно, для того чтобы адресат мог ответить на

⁵¹ *Gregor M. Town without pity.* – N. Y.: Random House, 1961. – P. 21.

вопрос, его надо переориентировать на адресата. Например, при помощи введения словосочетания *do you think: What do you think they'll think of your rousing new song, "W.T.P.", which stands for a white-trash party?* В рассматриваемом случае развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено спецификой формы речевого акта.

3. Условие, касающееся самого действия: 5) необходимость дать ответ на вопрос.

Данные косвенные речевые акты представлены следующей прототипической формой:

5) Somebody must say *clause*.

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Lady Caroline: 1) ***But you have not told us yet what the reward of the Ideal Man is to be.***

Mrs. Allonby: 2) *His reward?* 3) *Oh, infinite expectation*⁵².

Адресант просит адресата ответить на вопрос. Слово *yet* указывает на то, что запрашиваемая информация является важной и от адресата ждут устранения недостатка в информации.

Следует отметить, что именно условия, касающиеся самого действия, являются наиболее близкими к прямому речевому акту. Развернутую форму рассматриваемого диалога можно представить следующим образом:

– *But you have not told us yet what the reward of the Ideal Man is to be.*

– ***No, I haven't.***

– ***What is his reward.***

– *His reward? Oh, infinite expectation.*

Условия комиссива

Для выполнения действия, предписываемого речевым актом комиссива, необходимо выполнение следующих условий.

1. Условия, касающиеся адресата: 1) желание и 2) необходимость адресата в том, чтобы действие было выполнено.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

1) *Do you want smth (me to do smth)?*

2) *Do you need smth (me to do smth)?*

⁵² *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 240.*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Mary: 1) ***Do you want a cup of tea?***

I: 2) *Thanks, Mary*⁵³.

Адресант спрашивает у адресата, хочет ли тот чая. В анализируемом примере эксплицитно выраженный речевой акт (1) касается выполнения условия (1), т. е. желания адресата того, чтобы действие было выполнено. Соответственно, адресант, спрашивая гостя о его желании выпить чай, берет на себя обязательства напоить того чаем в случае наличия у адресата желания. Это подтверждается тем, что адресат благодарит адресанта, а не отвечает на вопрос. Развернутую форму рассматриваемого диалога можно представить следующим образом:

– *Do you want a cup of tea?*

– ***Yes, I do.***

– ***(gives him one)***

– *Thanks, Mary.*

2. Условия, касающиеся адресанта: 3) желание, 4) возможность и 5) необходимость адресанта выполнить действие.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

3) *I want to do smth,*

4) *I can do smth,*

5) *I must do smth.*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Algernon: 1) ***I think I can promise you he'll be all right by Saturday.***

Lady Bracknell: 2) *Thank you, Algernon*⁵⁴.

Первый коммуникант сообщает о своем желании помочь второму коммуниканту. Эксплицитно выраженный речевой акт (1) касается выполнения условия (4), т. е. возможности адресанта выполнить действие.

Помимо того что первый коммуникант обещает косвенно, он также добавляет дополнительную сему неуверенности при помощи словосочетания *I think*. Таким образом, речевой акт (1) представляет собой предположение о возможности адресанта осуществить действие, что

⁵³ Rowen K. *Bipolar 1: Psychotic Experience*. iUniverse, 2008. – P. 28.

⁵⁴ *Wilde O. The Importance of Being Earnest // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde*. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 372.

позволяет ему в случае невыполнения данного действия уйти от ответственности.

Рассматриваемый пример в полной мере характеризует первого коммуниканта, человека необязательного и не берущего на себя какой-либо ответственности. Развернутую форму рассматриваемого диалога можно представить следующим образом:

– *I think I can promise you he'll be all right by Saturday.*

– *Promise.*

– *I promise he'll be all right by Saturday.*

– *Thank you, Algernon.*

В представленном контексте именно развернутая форма диалога была бы оптимальной для второго коммуниканта, так как в этом случае первому коммуниканту пришлось бы взять на себя ответственность за осуществление действия.

3. Условие, касающееся самого действия: б) необходимость выполнения действия адресантом.

Данные косвенные речевые акты представлены следующей прототипической формой:

б) *Smth must be done (Smb must do smth).*

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример.

Mrs. Donskaya: 1) Actually, I hate this work. 2) But it must be done, and in winter, especially, 3) it saves lives [N. Y. T.].

Адресант жалуется на свою работу, при этом он говорит о том, что определенное действие должно быть выполнено. Но так как претендентов занять место медсестры в данной больнице нет, то очевидно, что адресант берет на себя обязательство выполнить соответствующее действие.

Подобные косвенные речевые акты используются в тех случаях, когда никто, кроме адресанта, не может выполнить то или иное действие. В рассматриваемом случае развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено самой ситуацией общения.

Условия пропозитива

Для осуществления действия, предписываемого речевым актом *пропозитива*, необходимо выполнение большего количества условий, чем в предыдущих случаях, так как и адресант, и адресат должны выполнить действие совместно.

1. Условия, касающиеся адресата: 1) желание и 2) возможность адресата выполнить действие, 3) желание адресата, чтобы адресант выполнил действие.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

- 1) Will you do smth together with me? (Will we do smth together?),
- 2) Can you do smth together with me? (Can we do smth together?),
- 3) Do you want me to do smth together with you?

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Jack: 1) Well... may I propose to you now?

Gwendolen: 2) I think it would be an admirable opportunity.

Jack: 3) Gwendolen!

Gwendolen: 4) Yes, Mr. Worthing, 5) what have you got to say to me?

Jack: 6) You know what I have got to say.

Gwendolen: 7) Yes, but you don't say it.

*Jack: 8) **Gwendolen, will you marry me?***

Gwendolen: 9) Of course I will, darling⁵⁵.

В анализируемом примере Джек просит Гвендолен выйти за него замуж. Эксплицитно выраженный речевой акт (8) касается выполнения условия (1), т. е. желания адресата выполнить действие совместно с адресантом.

Следует отметить, что именно представленная форма, а не ее прямой эквивалент, приобрела конвенциональный характер и повсеместное распространение в ситуациях предложения руки и сердца.

Рассматриваемый речевой акт интересен еще и тем, что он не предполагает выполнения действия непосредственно его участниками (действие осуществляется над ними, изменяя их социальный статус, соответственно, они являются пассивными участниками действия), так как само действие является институциональным и осуществляется специальным лицом.

Кроме того, следует отметить, что в представленном текстовом фрагменте адресант всеми силами избегает употребления не только прямого речевого акта, но и косвенного, так как считает данный ритуал неромантичным. Развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено спецификой отношения речевого акта к действию.

⁵⁵ *Wilde O. The Importance of Being Earnest // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 373.*

2. Условия, касающиеся адресанта: 4) желание, 5) необходимость и 6) возможность адресанта выполнить действие, 7) желание адресанта, чтобы это действие было выполнено адресатом.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

4) *a) I want to do smth. together with you, b) I will do smth together with you,*

5) *I need to do smth together with you,*

6) *I can do smth together with you,*

7) *I want you to do smth together with me.*

Рассматриваемый вид редукации речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Aunt Augusta: 1) I'm not speaking from Brinkley. I'm in London.

Bertie Wooster: 2) Till when?

Aunt Augusta: 3) Driving back this afternoon.

Bertie Wooster: 4) I'll give you lunch.

Aunt Augusta: 5) Sorry, can't manage it. 6) I'm putting on the nosebag with Sir Roderick Glossop⁵⁶.

Второй коммуникант заявляет о своем желании осуществить действие совместно с первым коммуникантом. В анализируемом примере эксплицитно выраженный речевой акт (4) касается выполнения условия (4), т. е. желания адресанта осуществить действие, предписываемое речевым актом (4), совместно с адресатом.

Подобные речевые акты употребляются в основном в тех случаях, когда действие выгодно адресату. Так, в рассматриваемом случае Берти предлагает своей тете Августе поужинать вместе с ним за его счет. Развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено спецификой формы представленного речевого акта.

3. Условие, касающееся самого действия: (8) необходимость выполнения действия адресатом и адресантом.

Данные косвенные речевые акты представлены следующей прототипической формой:

8) *We must do smth together.*

Рассматриваемый вид редукации речевых актов иллюстрирует следующий пример:

⁵⁶ *Wodehouse P.G. Jeeves in the offing.* – СПб.: Антология, 2009. – Р. 107.

Reggie Herring: 1) ***We mustn't let this thing break our old friendship.***
Bertie Wooster: 2) *Of course not. Damn silly idea*⁵⁷.

Адресант заявляет о необходимости сохранения их с адресатом дружбы. Анализируемый пример интересен тем, что он касается ментального действия, у которого нет четко выраженного материального способа реализации. Поэтому от адресата требуется не выполнение какого-либо действия, а согласие с пропозицией высказывания. В рассматриваемом случае развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено спецификой отношения речевого акта к действию.

Условия репрезентатива

Для актуализации информации, содержащейся в речевом акте *репрезентатива*, необходимо выполнение следующих условий.

1. Условия, касающиеся адресата: 1) желание адресата узнать определенную информацию, 2) отсутствие данной информации у адресата.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

1) Do you want to know that *clause*?

2) Do you know that *clause*?

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Lord Illingworth: 1) ***Don't you know that I always succeed in whatever I try?***

Mrs Allonby: 2) *I am sorry to hear it.* 3) *We women adore failures*⁵⁸.

Адресант спрашивает у адресата, знает ли он о том, что адресант всегда добивается успеха во всем, за что бы он ни брался. В анализируемом примере эксплицитно выраженный речевой акт (1) касается выполнения условия (2), т. е. отсутствия информации у адресата.

Практический материал показал, что именно представленная форма является наиболее распространенной среди редуцированных репрезентативов этого вида.

Следует также отметить, что в подобных косвенных речевых актах происходит нейтрализация аффирмативности – негативности, т. е. косвенные речевые акты с отрицанием в модусе или без отрицания высту-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 233.*

пают в ситуациях чрезвычайно сходных. Развернутую форму рассматриваемого диалога можно представить следующим образом:

– *Don't you know that I always succeed in whatever I try?*

– *No.*

– *I always succeed in whatever I try.*

– *I am sorry to hear it. We women adore failures.*

В аналогичных речевых ситуациях редукция преимущественно осуществляется адресатом, так как речевой акт условия представлен в виде вопроса. Тем не менее так как такие вопросы не имеют цели запроса информации, то редукция может быть осуществлена и самим адресантом.

2. Условия, касающиеся адресанта: 3) желание, 4) возможность адресанта сообщить информацию и 5) необходимость в том, чтобы адресат узнал данную информацию.

Рассматриваемые косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

3) *I want to tell you that *clause*,*

4) *I can tell you that *clause*,*

5) *I need to tell you that *clause*.*

Данный вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Brown: 1) Do you have any sense of how deep that water is?

Meserve: 2) Well, I can tell you that in the vicinity where I was, the water came up to the eaves of the house. 3) And I was told by several rescue workers that we were not seeing the worst of it⁵⁹.

Первый коммуникант спрашивает, насколько сильно затопило ту местность, в которой находился второй коммуникант, тот отвечает, что уровень воды доходил до крыши. Эксплицитно выраженный речевой акт (1) касается выполнения условия (4), т. е. возможности адресанта сообщить адресату определенную информацию.

Следует отметить, что второй коммуникант не осознает того, что он использует косвенные речевые акты, на протяжении всего интервью он прибегает к данной форме, которая является для него скорее клише, чем косвенным речевым актом. Невозможно использовать развернутую форму диалога из-за специфики формы речевого акта. В аналогичных речевых ситуациях редукция может осуществляться как адресантом, так и адресатом.

⁵⁹ *Heerden I. van. CNN Reports Katrina, State of Emergency. – Atlanta: Lionheart Books Ltd., 2005. – P. 27.*

Условия экспрессива

Для выражения психологического состояния, отражаемого в речевом акте *экспрессива*, необходимо выполнение следующих условий.

1. Условие, касающееся адресата: 1) желание адресата, чтобы психологическое состояние было выражено.

Данные косвенные речевые акты представлены следующей прототипической формой:

1) May I (expressive) you?

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

1) *As a former director of public relations for the Boston, Mass. NAACP, 2) may I congratulate you on the excellent and informative cover article, "Blacks and the Mass Media"?*⁶⁰

Автор письма поздравляет адресата с хорошей статьей, которая была напечатана в предыдущем номере журнала. В речевом акте (1) адресант заявляет о том, что он вправе поздравить адресата с написанной статьей, так как является экспертом в этой области, т. е. он показывает, что данный речевой акт поздравления не является формальным.

В свою очередь, разграничение экспрессивов на формальные и неформальные представляется нам важным, так как смысл формальных экспрессивов является «стертым», они представляют собой скорее символы, чем смысловые единицы. Напротив, неформальные экспрессивы обладают смыслом и помогают лучше реализовать контактоустанавливающую функцию.

Основная проблема заключается в том, что требуются дополнительные средства для выражения неформальных экспрессивов. В рассматриваемом случае развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено письменным каналом передачи информации.

2. Условия, касающиеся адресанта: 2) желание и 3) необходимость адресанта выразить психологическое состояние.

Данные косвенные речевые акты представлены следующими прототипическими формами:

2) I want to (expressive) you,

3) I must (expressive) you.

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

1) *I want to thank you for Kathleen's ability to paint lovely pictures.*
2) *I want to thank you for Evelyn's ability to embroider.* 3) *I want to thank*

⁶⁰ The Crisis. – 1989. – № 8 (96). – P. 6.

*you for the kindness of Deidre and Raelin and how they helped me this afternoon. 4) And, most of all, I want to thank you for and 5) ask a special blessing on your High Priestess Brikita, 6) who loves you and loves me with true selflessness*⁶¹.

В приведенном примере главная героиня романа выражает благодарность своему собеседнику. Эксплицитно выраженные речевые акты (1), (2), (3), (4), (5) и (6) касаются выполнения условия (2), т. е. желания адресанта выразить свою благодарность адресату. Подобный вид косвенных речевых актов употребляется для убеждения адресата в искренности своих намерений. Развернутая форма диалога невозможна, что обусловлено спецификой формы речевого акта.

3. Условие, касающееся самого действия: 4) необходимость того, чтобы психологическое состояние было выражено.

Данные косвенные речевые акты представлены следующей прототипической формой:

4) (Expressive) must be done.

Рассматриваемый вид редукции речевых актов иллюстрирует следующий пример:

*Watson: You are to be congratulated*⁶².

В приведенном примере один из главных героев заявляет о том, что его собеседника следует поздравить с успехом. Представленный вид кондициональной редукции речевых актов характерен для тех случаев, в которых либо коммуниканты недостаточно хорошо знакомы друг с другом и адресант не считает возможным поздравить адресата от собственного имени, либо они находятся во враждебных отношениях и адресант не хочет осуществлять экспрессив от собственного имени. Адресант доктор Ватсон впервые встретился с адресатом Шерлоком Холмсом, поэтому он прибегает к нейтральной форме поздравления, выраженной косвенным речевым актом.

⁶¹ *Cast P.C. The Divine Blood.* – N. Y.: Worldwide Library, 2009. – P. 220.

⁶² *Conan Doyle A. The Complete Stories of Sherlock Holmes.* – London: Wordsworth Library Collection, 2007. – P. 17.

Глава 3

НА ГРАНИЦЕ МЕХАНИЗМОВ ОБРАЗОВАНИЯ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В данной главе будут рассмотрены следующие языковые явления: сложные косвенные речевые акты, псевдосложные косвенные речевые акты, аллокутивный сдвиг в коммуникативном акте. Эти явления объединяет то, что они в той или иной степени связаны с механизмами образования косвенных речевых актов.

При этом если сложные косвенные речевые акты относятся к косвенным речевым актам напрямую, то псевдосложные косвенные речевые акты вообще не являются косвенными речевыми актами, а лишь похожи на них.

В случае аллокутивного сдвига можно говорить о косвенном коммуникативном акте. Данное явление можно было бы и не рассматривать в рамках представленного исследования, но мы все же решили не обходить его стороной в силу некоторых причин.

Во-первых, аллокутивный сдвиг достаточно часто встречается в реальной коммуникации и представляет собой достаточно эффективный и изощренный манипулятивный прием, безусловно относящийся к сфере непрямой коммуникации.

Во-вторых, мы в своем исследовании применяем лингвосемиотический подход, что предполагает изучение не только самого анализируемого явления, в данном случае речевого акта, но и сопряженных с ним явлений, в данном случае коммуникативного акта.

В-третьих, насколько нам известно, до сих пор не осуществлялось попыток изучения аллокутивного сдвига. Соответственно, мы не могли упустить возможность заложить фундамент для дальнейшего исследования этого явления.

3.1. СЛОЖНЫЕ КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Сложные способы образования косвенных речевых актов основываются на сочетании транспозиции одного речевого акта и редукции другого.

На основе анализа практического материала мы выделили два сложных способа образования косвенных речевых актов: редукционно-функциональный и редукционно-семантический.

Редукционно-функциональный способ образования косвенных речевых актов

Редукционно-функциональный способ образования косвенных речевых актов – это способ, который предполагает редукцию одного речевого акта и функциональную транспозицию эксплицитного речевого акта.

Так как сложный косвенный речевой акт представляет собой комбинацию двух простых косвенных речевых актов, то, следовательно, все правила, действующие для каждого из представленных видов косвенных речевых актов по отдельности, свойственны сложному косвенному речевому акту в целом. Соответственно, рассматриваемый способ образования косвенных речевых актов встречается преимущественно в диалогических единствах, так как редукция речевых актов характерна для диалогических единств.

Следует отметить, что для редукционно-функционального способа образования косвенных речевых актов не характерно включение кондизиональной редукции, так как она исключает присутствие функциональной транспозиции.

Прежде всего, редукционно-функциональный способ образования косвенных речевых актов характерен для аргументативных текстовых сегментов при редукции тезиса или контртезиса и при сопутствующей функциональной транспозиции аргумента.

Рассматриваемый способ образования косвенных речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Sonny: 1) *Johnny thinks you can't fix it*, 2) *that's why I thought you might want me to go out there*.

Don Corleone (turned his head to Johnny): 3) (a) (Implicit: ***I will fix it***) (b) ***Why do you doubt me?*** 4) *Hasn't your Godfather always done what he said he would do?* 5) *Have I ever been taken for a fool?*⁶³

⁶³ *Puzo M. The Godfather. – N. Y.: New American Library, 2002. – P. 33.*

Последовательность взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте: 1) *утверждение (тезис) – 2) вывод к (1) – 3) а) несогласие к (1) / утверждение (контртезис) к (b) – b) подтверждение к (3a) / утверждение к (4) – 4) подтверждение к (3) – 5) подтверждение к (3).*

В представленном диалоге Санни, сын дона Корлеоне, рассказывает последнему о том, что Джонни считает дона неспособным решить его проблему. Так как дон Корлеоне уже обещал Джонни разобраться в этом деле, то на этот раз он выбирает косвенную стратегию убеждения.

Использование функциональной транспозиции речевого акта обусловлено желанием адресанта придать своей речи дополнительную экспрессию и выразить свое недовольство адресатом, а редуция обусловлена нежеланием адресанта повторять данное им обещание. Таким образом, в речевом акте (3) выражено два речевых акта:

1) речевой акт (3a) – редуцированный контртезис, который выполняет текстовые функции *несогласия к (1)* и *утверждения к (3b)*. Смысл редуцированного контртезиса очевиден, так как адресант уже обещал адресату решить его проблему. Форма контртезиса может быть легко реконструирована из контекста, так как она противоположна форме тезиса. Следовательно, редуцирован речевой акт обещания *I will fix it*;

2) речевой акт (3b) – аргумент, выполняющий текстовую функцию *подтверждения* редуцированного тезиса, представлен в форме интеррогатива “*Why do you doubt me?*”, но развитие тезиса не может быть выражено в форме интеррогатива, поэтому осуществляется переход речевого акта интеррогатива “*Why do you doubt me?*” в речевой акт репрезентатива *You mustn't doubt me*.

Редукционно-семантический способ образования косвенных речевых актов

Редукционно-семантический способ образования косвенных речевых актов – это способ, который предполагает редуцию одного речевого акта и семантическую транспозицию эксплицитного речевого акта.

Как и в случае с простой семантической транспозицией, косвенные речевые акты, принадлежащие к данному сложному способу образования, можно классифицировать в зависимости от того, происходит транспозиция в модусе или в диктуме.

Среди пяти типов модусных изменений для редукционно-семантического способа образования косвенных речевых актов наиболее

распространенным является тип с изменением эпистемической модальности.

Рассматриваемый способ образования косвенных речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Lady Hunstanton: 1) *I fancy, Caroline, that diplomacy is what Lord Illingworth is aiming at.* 2) *I heard he was offered Vienna.* 3) *But that may not be true.*

Lady Caroline: 4) (a) (Implicit: *I don't know whether it is true or not.*) (b) ***But I don't think that England should be represented abroad by an unmarried man, Jane.*** 5) *It might lead to complication*⁶⁴.

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: 1) *утверждение* – 2) *развитие* к (1) – 3) *развитие* к (2) (*контраст* к (2) / *запрос информации* к (4a) – 4) (a) *ответ* к (3) – (b) *утверждение* / *контраст* к (4a).

Приведенный отрывок представляет собой диалог между леди Ханстэнтон и леди Кэралайн, которые обсуждают возможность назначения лорда Иллингворта послом в Вене.

Анализируемый пример интересен тем, что речевой акт (2) является речевым актом сплетни (слуха). Как отмечают отечественные лингвисты Г.Е. Крейдлин и М.В. Самохин, неотъемлемым свойством речевых актов слухов является то, что они «принадлежат чужой речи» [55, с. 188]. Это порождает еще одно их свойство: люди, передающие слухи, показывают, что они недостаточно владеют информацией и не уверены в ее достоверности.

Кроме того, в речевом акте (3) первый коммуникант подчеркивает свою неуверенность в истинности представленного слуха. При этом речевой акт (2) приобретает интеррогативный характер, т. е. прежде чем передать содержание слуха, второй коммуникант должен высказаться о достоверности слуха.

Тем не менее второй коммуникант не стал этого делать и в дальнейшем никак не обозначал своей осведомленности по данному вопросу, что говорит о том, что он не знает ответа. Следовательно, речевой акт (4a) можно восстановить следующим образом: *I don't know whether it is true or not.* В речевом акте (4b) формальная эпистемическая модальность отличается от реальной.

⁶⁴ *Wilde O. A Woman of No Importance // Wilde O. The Plays of Oscar Wilde. – London: Wordsworth Editions Limited, 2000. – P. 223.*

Транспозиция обусловлена коммуникативными параметрами ситуации (квалификативными характеристиками адресанта и локальными детерминантами).

Среди четырех типов диктальных изменений для редуционно-семантического способа образования косвенных речевых актов наиболее характерен тип изменений, в ходе которого либо предикат, либо аргументы предиката реализуют *противоположную* сему.

Рассматриваемый способ образования косвенных речевых актов иллюстрирует следующий пример:

Higgins: 1) Get up 2) and come home; 3) and don't be a fool.

Mrs. Higgins: 4) (a) (Implicit: She will not come to your house) (b) Very nicely put, indeed. 5) No woman could resist such an invitation⁶⁵.

Последовательность взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте: 1) *запрос действия* – 2) *запрос действия / последовательность к (1)* – 3) *запрос действия / последовательность к (2)* – 4) *(a) утверждение к (1) и 2 – (b) объяснение к (4a)* – 5) *вывод к (4b)*.

В данном диалоге профессор Хиггинс приказывает Элизе уйти с ним, а мать Хиггинса просит его быть вежливее. В анализируемом примере первый коммуникант обращается к одному лицу, а отвечает ему другое лицо. Так как речевые акты (1), (2) и (3) направлены к третьему лицу, то реактивной репликой второго коммуниканта не может быть отказ. Второй коммуникант не обладает властью над третьим лицом и не может от его имени принимать решения. Редуцированный речевой акт (4a) выполняет текстовую функцию *утверждения*, равно по значению отказу. Его можно реконструировать следующим образом: *She will not come with you.*

В речевых актах (4b) и (5) происходит изменение диктума, в ходе которого в речевом акте (4b) слово *nicely* получает значение *badly*, а в речевом акте (5) слово *no* получает значение *every*.

В представленном случае транспозиция обусловлена коммуникативными параметрами ситуации высказывания, а именно макрособытием (нашими знаниями о правилах вежливой коммуникации).

Так, нами не были отмечены случаи сложной транспозиции речевых актов, т. е. косвенных речевых актов, сочетающих семантическую и функциональную транспозиции. Отсутствие или малочисленность данной группы косвенных речевых актов обусловлены тем, что для их образования адресантом и их последующей интерпретации адресатом

⁶⁵ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 134.*

нужно прилагать слишком много усилий (вследствие того, что затрагиваются два аспекта речевого акта), и поэтому они являются коммуникативно-нецелесообразными.

Также нами не были выявлены случаи употребления суперсложного способа образования косвенных речевых актов, хотя нельзя отрицать его возможное существование.

Итак, классификацию простых и сложных косвенных речевых актов можно представить в виде табл. 12.

Таблица 12

Классификация косвенных речевых актов

Критерий квантитативности	Критерий лингвистического механизма образования косвенных речевых актов	Критерий изменяемого компонента / вида текстовых отношений	Критерий релевантного фактора
Простые косвенные речевые акты	Транспозиция	Функциональная	Аргументативный тип текста
			Нарративный тип текста
		Семантическая	Диктум
			Модус
	Редукция	Текстовая	Репрезентатив
			Экспрессив
			Реквестив
			Интеррогатив
			Комиссив
			Пропозитив
		Кондициональная	Репрезентатив
			Экспрессив
			Реквестив
			Интеррогатив
Сложные косвенные речевые акты	Транспозиция и редукция	Редукционно-функциональный	
		Редукционно-семантический	

Таким образом, на первой ступени косвенные речевые акты по критерию квантитативности можно разделить на две большие группы: *простые* и *сложные*.

На второй ступени простые косвенные речевые акты по критерию лингвистического механизма образования делятся в зависимости от того, что лежит в их основе: *транспозиция* или *редукция*. Сложные косвенные речевые акты сочетают в себе оба лингвистических механизма образования.

На третьей ступени транспозиция речевых актов по критерию изменяемого компонента делится на *функциональную* (изменяется иллокутивный акт) и семантическую (изменяется локутивный акт), а редукция речевых актов по критерию вида текстовых отношений делится на *текстовую* (отношение ядро–сателлит, т. е. отношения в рамках разных текстовых компонентов) и *кондициональную* (отношение в рамках ядра или сателлита, т. е. отношения в рамках одного текстового компонента). Сложные косвенные речевые акты на третьей ступени делятся на *редукционно-функциональные* и *редукционно-семантические*.

На четвертой ступени по критерию релевантного фактора функциональную транспозицию речевых актов можно классифицировать на основе того, в каком типе текста реализуется косвенный речевой акт, а семантическую транспозицию можно классифицировать в зависимости от того, реализуется ли косвенный речевой акт данной группы в диктуме или в модусе. Как для кондициональной редукции, так и для текстовой редукции релевантный фактор – группа редуцируемых речевых актов.

3.2. ПСЕВДОСЛОЖНЫЕ КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Формально псевдосложные косвенные речевые акты выглядят как сложные косвенные речевые акты, образованные при помощи сочетания семантической и функциональной транспозиций речевых актов.

На самом деле подобные речевые акты являются эмотивными экспрессивами, которые не могут образовывать косвенные речевые акты в принципе, так как они не имеют собственных форм выражения.

Эмотивные экспрессивы выражаются посредством либо регулирующих, либо информирующих речевых актов. Основные средства их выражения – восклицательный знак (хотя его наличие не является обязательным) на письме и интонация в устной речи. Эмотивные экспрессивы используются как для передачи положительного эмоционального состояния, так и для передачи негативного эмоционального состояния. Передачу позитивного эмоционального состояния можно показать на следующем примере.

Burgess: 1) *I've turned a moddle hemployer.* 2) *I don't hemploy no women now:* 3) *they're all sacked;* 4) *and the work is done by machinery.*

5) *Not a man 'as less than sixpence a hour; 6) and the skilled 'ands gits the Trade Union rate. (Proudly) 7) What ave you to say to me?*

*Morell: 8) Is it possible? 9) Well, there's more joy in heaven over one sinner that repenteth!*⁶⁶

Последовательность взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте следующая: 1) *утверждение* – 2) *развитие* к (1) – 3) *развитие* к (2) – 4) *перечисление* к (3) – 5) *развитие* к (1) – 6) *развитие* к (1) – 7) *запрос информации* – 8) *ответ* к (7) – 9) *вывод* к (1).

Анализируемый отрывок представляет собой диалог между священником Мореллом и его тестем, промышленником Бургессом, который рассказывает первому о том, какие изменения он внес на своей фабрике. Первый коммуникант запрашивает мнение второго о совершенном им поступке. Второй коммуникант, одобряя действия первого, выражает свое радостное удивление.

Ошибочная интерпретация речевого акта (8) может быть представлена следующим образом: второй коммуникант использует для ответа речевой акт интеррогатив, но речевой акт интеррогатив не может выполнять текстовую функцию ответа, поэтому речевой акт интеррогатив *Is it possible?* переходит в речевой акт репрезентатив *It is impossible!* Тем не менее второй коммуникант при помощи данного утверждения не выражает свое неверие первому, а скорее выражает радостное удивление возможности данного события, так как последующий контекст показывает нам, что второй коммуникант поверил первому.

При такой интерпретации возникает непреодолимая сложность, которая заключается в восстановлении точной формы исходного речевого акта, что представляется невозможным в связи с тем, что смысл сказанного не имеет особого значения в случае эмотивов. В подобных речевых актах значение имеет только то, какую эмоцию передает эмотив и насколько она сильна. Следовательно, в рассматриваемых речевых актах не может происходить семантической транспозиции речевого акта.

В представленном случае не происходит и функциональная транспозиция речевого акта, так как эмотивные экспрессивы не имеют определенной формы выражения.

Соответственно, данные речевые акты не являются косвенными вообще. Тем не менее стоит отметить, что вопросительная форма служит для усиления эмоций.

⁶⁶ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 141.*

Передача негативного эмоционального состояния показана на следующем примере:

1) *So what?* 2) *I had it made, I tell you.* 3) *Fifty grand a year I was knocking down,* 4) *and almost all of it tax-free,* 5) *since I made my customers pay me in cash.* 6) *I had the strongest trade association in the world backing me up.* 7) *And look what happened.* 8) *Just when I was all set to really start stashing it away,* 9) *they had to manufacture fascism and start a war horrible enough to affect even me.* 10) *I gotta laugh when I hear someone like Hungry Joe screaming his brains out every night.* 11) *I really gotta laugh.* 12) *He's sick?* 13) **How does he think I feel?**⁶⁷

Последовательность взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте: 1) утверждение – 2) подтверждение к (1) – 3) развитие к (2) – 4) развитие к (3) – 5) объяснение к (4) – 6) развитие к (2) – 7) запрос действия – 8) развитие к (9) – 9) развитие к (7) – 10) вывод к (3), (6) – 11) интенсификация к (10) – 12) подготовка сообщения к (13) – 13) кульминация к (2).

В рассматриваемом текстовом фрагменте доктора Даника возмущает, что Джо жалуется ему на свое недомогание. Даника пытается доказать, что он чувствует себя ничем не лучше Джо.

Речевой акт (13) является кульминацией его рассказа. Таким образом, в представленном речевом акте адресант выражает свое негодование по поводу жалоб пациента. Вопросительная форма служит для усиления выражения эмоции, в представленном случае – негодования.

В работах многих как отечественных, так и зарубежных лингвистов данные речевые акты рассматриваются как косвенные экспрессивы, что, как было показано нами выше, является заблуждением.

3.3. АЛЛОКУТИВНЫЙ СДВИГ В КОММУНИКАТИВНОМ АКТЕ

Аллокутивный сдвиг в коммуникативном акте происходит в том случае, когда основной вектор аллокуции коммуникативного акта направлен на «других». Все случаи косвенных аллокутивных актов можно разделить на две общие группы:

- 1) сторона «другие» эксплицитована в коммуникативной ситуации;
- 2) сторона «другие» имплицитована в коммуникативной ситуации.

⁶⁷ Heller J. Catch-22. – London: Vintage Books, 1994. – P. 58.

Сторона «другие» эксплицирована в коммуникативной ситуации

В представленной группе аллокутивного сдвига в коммуникативном акте сторона «другие» напрямую участвует в коммуникативной ситуации. Несмотря на то что адресант обращается к адресату, его аллокутивный акт направлен на «других».

Следует отметить, что в большинстве найденных нами примеров аллокутивный сдвиг является коммуникативной стратегией адресанта, т. е. он использует данный аллокутивный сдвиг на протяжении всей коммуникативной ситуации.

Схему взаимодействия коммуникантов в подобных ситуациях можно представить следующим образом:

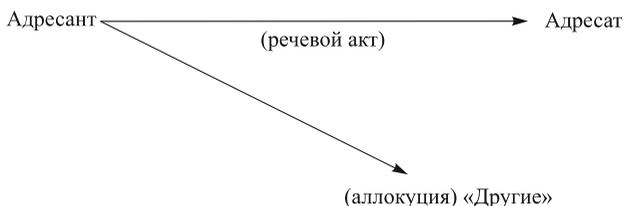

Рис. 11. Трехсторонняя модель коммуникации (сторона «другие» эксплицирована в коммуникативной ситуации)

Рассматриваемый вид аллокутивного сдвига иллюстрирует следующий пример из пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

Liza [to Pickering, taking no apparent notice of Higgins, and working away deftly]: Will you drop me altogether now that the experiment is over, Colonel Pickering?

Pickering: Oh don't. You mustn't think of it as an experiment. It shocks me, somehow.

Liza: Oh, I'm only a squashed cabbage leaf –

Pickering [impulsively]: No.

Liza [continuing quietly]: – but I owe so much to you that I should be very unhappy if you forgot me.

Pickering: It's very kind of you to say so, Miss Doolittle.

Liza: It's not because you paid for my dresses. I know you are generous to everybody with money. But it was from you that I learnt really nice manners; and that is what makes one a lady, isn't it? You see it was so very difficult for me with the example of Professor Higgins always before

me. I was brought up to be just like him, unable to control myself, and using bad language on the slightest provocation. And I should never have known that ladies and gentlemen didnt behave like that if you hadnt been there.

Higgins: Well!

Pickering: Oh, thats only his way, you know. He doesnt mean it.

Liza: Oh, I didnt mean it either, when I was a flower girl. It was only my way. But you see I did it, and thats what makes the difference after all.

Pickering: No doubt. Still, he taught you to speak; and I couldn't have done that, you know.

Liza (trivially): Of course: that is his profession.

Higgins: Damnation!

Liza (continuing): It was just like learning to dance in the fashionable way: there was nothing more than that in it. But do you know what began my real education?

Pickering: What?

Liza (stopping her work for a moment): Your calling me Miss Doolittle that day when I first came to Wimpole Street. That was the beginning of self-respect for me. [She resumes her stitching]. And there were a hundred little things you never noticed, because they came naturally to you. Things about standing up and taking off your hat and opening door –

Pickering: Oh, that was nothing.

Liza: Yes, things that shewed you thought and felt about me as if I were something better than a scullery-maid; though of course I know you would have been just the same to a scullery-maid if she had been let in the dra- wing-room. You never took off your boots in the dining room when I was there.

Pickering: You mustn't mind that. Higgins takes off his boots all over the place.

Liza: I know. I am not blaming him. It is his way, isn't it? But it made such a difference to me that you didnt do it. You see, really and truly, apart from the things anyone can pick up (the dressing and the proper way of speaking, and so on), the difference between a lady and a flower girl is not how she behaves, but how she's treated. I shall always be a flower girl to Professor Higgins, because he always treats me as a flower girl, and always will; but I know I can be a lady to you, because you always treat me as a lady, and always will.

Mrs. Higgins: Please don't grind your teeth, Henry.

Pickering: Well, this is really very nice of you, Miss Doolittle.

Liza: I should like you to call me Eliza, now, if you would.

Pickering: Thank you. Eliza, of course.

*Liza: **And I should like Professor Higgins to call me Miss Doolittle.***

Higgins: I'll see you damned first⁶⁸.

В вышеприведенном текстовом фрагменте Элиза использует аллокутивный сдвиг на протяжении всей коммуникативной ситуации. Все ее речевые акты формально обращены к полковнику Пикерингу, при этом настоящим адресатом многих из них (выделены жирным курсивом) является профессор Хиггинс.

Элиза использует данную коммуникативную стратегию, для того чтобы задеть чувства профессора Хиггинса. Так, она восхваляет полковника (*I know you are generous to everybody with money... And there were a hundred little things you never noticed, because they came naturally to you. Things about standing up and taking off your hat and opening door... though of course I know you would have been just the same to a scullery-maid if she had been let in the drawing-room... etc.*) и принижает заслуги профессора (*You see it was so very difficult for me with the example of Professor Higgins always before me. I was brought up to be just like him, unable to control myself, and using bad language on the slightest provocation... Of course: that is his profession... It was just like learning to dance in the fashionable way: there was nothing more than that in it... etc.*).

Кроме того, многие речевые акты, являющиеся комплиментами для полковника, представляют собой упреки в адрес профессора (*But it was from you that I learnt really nice manners; and that is what makes one a lady, isn't it?... You never took off your boots in the dining room when I was there... etc.*). Последний, в свою очередь, очень бурно реагирует на поведение и реплики Элизы (*Well!... Damnation!... I'll see you damned first*). Соответственно, выбранная Элизой коммуникативная стратегия аллокутивного сдвига приносит желаемый эффект. Ей удается вывести профессора из себя.

Приведенный ниже текстовый фрагмент, на всем протяжении которого реализуется стратегия аллокутивного сдвига, интересен тем, что коммуниканты провоцируют коммуникативную сторону «другие» стать активным участником коммуникации.

Обычно аллокутивный сдвиг направлен на отстранение одного из коммуникантов от разговора, в данном же случае имеет место прямо противоположная ситуация.

⁶⁸ *Shaw B. Pygmalion // Shaw B. Plays. – СПб.: Антология, 2008. – P. 134–137.*

Something wicked stirred in Anne. She started the pickles... and something else. Without letting herself stop to think she bent forward, her great, gray-green eyes glimmering limpidly, and said gently,

“Perhaps you would be surprised to hear, Dr. Carter, that Mr. Taylor went deaf very suddenly last week?”

Anne sat back, having thrown her bomb. She could not tell precisely what she expected or hoped. If Dr. Carter got the impression that his host was deaf instead of in a towering rage of silence, it might loosen his tongue. She had not told a falsehood... she had not said Cyrus Taylor was deaf. As for Cyrus Taylor, if she had hoped to make him speak she had failed. He merely glared at her, still in silence.

But Anne's remark had an effect on Trix and Pringle that she had never dreamed of.

.....
“Such an affliction for poor papa”, said Trix, addressing Dr. Carter across the table. ***“And him only sixty-eight”***.

Two little white dents appeared at the corners of Cyrus Taylor's nostrils when he heard his age advanced six years. But he remained silent.

“It's such a treat to have a decent meal”, said Pringle, clearly and distinctly. ***“What would you think, Dr. Carter, of a man who makes his family live on fruit and eggs... nothing but fruit and eggs... just for a fad?”***

“Does your father...?” began Dr. Carter bewilderedly.

“What would you think of a husband who bit his wife when she put up curtains he didn't like... deliberately bit her?” demanded Trix.

“Till the blood came”, added Pringle solemnly.

“Do you mean to say your father...?”

“What would you think of a man who would cut up a silk dress of his wife's just because the way it was made didn't suit him?” said Trix.

“What would you think”, said Pringle, ***“of a man who refuses to let his wife have a dog?”***

“When she would so love to have one”, sighed Trix.

“What would you think of a man”, continued Pringle, who was beginning to enjoy himself hugely, ***“who would give his wife a pair of goloshes for a Christmas present... nothing but a pair of goloshes?”***

“Goloshes don't exactly warm the heart”, admitted Dr. Carter. His eyes met Anne's and he smiled. Anne reflected that she had never seen him smile before. It changed his face wonderfully for the better. What was Trix saying? Who would have thought she could be such a demon?

“Have you ever wondered, Dr. Carter, how awful it must be to live with a man who thinks nothing... nothing – of picking up the roast, if it isn't perfectly done, and hurling it at the maid?”

Dr. Carter glanced apprehensively at Cyrus Taylor, as if he feared Cyrus might throw the skeletons of the chickens at somebody. Then he seemed to remember comfortingly that his host was deaf.

“What would you think of a man who believed the earth was flat?” asked Pringle.

Anne thought Cyrus would speak then. A tremor seemed to pass over his rubicund face, but no words came. Still, she was sure his mustaches were a little less defiant.

“What would you think of a man who let his aunt... his only aunt... go to the poorhouse?” asked Trix.

“And pastured his cow in the graveyard?” said Pringle. *“Summerside hasn't got over that sight yet”*.

“What would you think of a man who would write down in his diary every day what he had for dinner?” asked Trix.

.....
“What would you think”, kept on Trix, “of a man who opens and reads his wife's letters?”

“What would you think of a man who would go to a funeral... his father's funeral... in overalls?” asked Pringle.

What would they think of next? Mrs. Cyrus was crying openly and Esme was quite calm with despair. Nothing mattered any more. She turned and looked squarely at Dr. Carter, whom she had lost forever. For once in her life she was stung into saying a really clever thing.

“What”, she asked quietly, “would you think of a man who spent a whole day hunting for the kittens of a poor cat who had been shot, because he couldn't bear to think of them starving to death?”

A strange silence descended on the room. Trix and Pringle looked suddenly ashamed of themselves. And then Mrs. Cyrus piped up, feeling it her wifely duty to back up Esme's unexpected defense of her father.

“And he can crochet so beautifully... he made the loveliest centerpiece for the parlor table last winter when he was laid up with lumbago”.

Everyone has some limit of endurance and Cyrus Taylor had reached his. He gave his chair such a furious backward push that it shot instantly across the polished floor and struck the table on which the vase stood. The table went over and the vase broke in the traditional thousand pieces.

Cyrus, his bushy white eyebrows fairly bristling with wrath, stood up and exploded at last [A. W. P.].

В вышеприведенном текстовом фрагменте, взятом из романа Л.М. Монтгомери «Аня из Шумящих Тополей», отец семейства обиделся на членов своей семьи и демонстративно не разговаривает с ними. Они же, в свою очередь, вслух говорят о нем различные неприятные вещи, для того чтобы он вышел из себя и прекратил свое молчание. В конце концов, им удастся это сделать. Причем последняя цепочка речевых актов (*And he can crochet so beautifully... he made the loveliest centerpiece for the parlor table last winter when he was laid up with lumbago*), с точки зрения адресанта, характеризует коммуникативную сторону «другие» с положительной стороны, в то время как сторона «другие» так не считает.

Кроме того, все речевые акты (кроме последнего) с аллокутивным сдвигом являются косвенными речевыми актами, а именно риторическими вопросами.

Следует отметить, что использование данной стратегии в абсолютном большинстве найденных нами примеров давало желаемый результат. Целью адресанта обычно являлось выведение коммуникативной стороны «другие» из психологического равновесия.

Сторона «другие» имплицирована в коммуникативной ситуации

В данной группе аллокутивного сдвига в коммуникативном акте сторона «другие» не включена в коммуникативную ситуацию. Адресант, сообщая что-то адресату, рассчитывает, что последний передаст сообщение стороне «другие».

Схему взаимодействия коммуникантов в подобных ситуациях можно представить следующим образом:

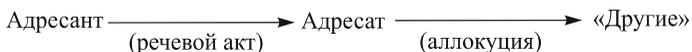

Рис. 11. Трехсторонняя модель коммуникации, сторона «другие» имплицирована в коммуникативной ситуации

Рассматриваемый вид аллокутивного сдвига иллюстрирует следующий пример из скрипта анимационного фильма «Кунг-фу панда».

Tai Lung (to Zeng): Fly back there and tell them...the real Dragon Warrior is coming home [K. F. P.].

В вышеприведенном текстовом фрагменте Тай Лунг приказывает Дзенгу лететь обратно в город и рассказать всем о том, что он сбежал из тюрьмы и собирается вернуться домой.

В подобных примерах адресат выступает в роли канала сообщения. Так, от адресата может требоваться либо полное воспроизведение исходного сообщения для коммуникативной стороны «другие», т. е. адресат полностью выполняет функцию канала сообщения, либо передача общей сути сообщения, т. е. адресат не полностью выполняет функцию канала сообщения.

В анализируемом случае для Тай Лунга неважно, какой из двух вариантов будет реализован, так как его целью является запугать «других», т. е. нужно донести лишь то, что он вернулся, а то, в какой форме это сделано, не имеет особого значения.

Интересными также представляются те случаи, в которых адресант сообщает адресату о том, что сообщение должно быть передано коммуникативной стороне «другие», но при этом формально адресат не выполняет функцию канала, т. е. адресат не рассказывает «другим» о том, что это адресант попросил адресата передать им сообщение. Например:

“You are engaged, as I understand, to dine with our friends the Stapletons tonight”.

“I hope that you will come also. They are hospitable people, and I am sure that they would be very glad to see you”.

“I fear that Watson and I must go to London”.

“To London?”

“Yes, I think we should be more useful there at the present juncture”.

The baronet’s face perceptibly lengthened. “I hoped that you were going to see me through this business. The Hall and the moor are not very pleasant places when one is alone”.

*“My dear fellow, you must trust me implicitly and do exactly what I tell you. **You can tell your friends that we should have been happy to have come with you, but urgent business required us to be in town. We hope very soon to return to Devonshire. Will you remember to give them the message?**”*

“If you insist upon it”.

“There is no alternative, I assure you”⁶⁹.

⁶⁹ Conan Doyle A. The Complete Stories of Sherlock Holmes. – London: Wordsworth Library Collection, 2007. – P. 283.

В представленном текстовом фрагменте Шерлок Холмс дает ложную информацию сэру Генри Баскервиллю, для того чтобы он передал ее Степлтону. При этом последний не знает того, что это Шерлок попросил сэра Генри рассказать Степлтону о поездке Холмса и доктора Уотсона в Лондон.

В приведенном примере обозначено, что адресат является каналом сообщения (*You can tell your friends that we should have been happy to have come with you, but urgent business required us to be in town. We hope very soon to return to Devonshire. Will you remember to give them the message?*).

Следует отметить, что если бы сэр Генри в разговоре со Степлтоном передал сообщение Шерлока Холмса дословно, то первый бы раскрыл уловку последнего. Соответственно, для Шерлока Холмса было важно, чтобы сэр Генри не передавал его слова точно.

Оптимальным вариантом для Шерлока Холмса было бы не акцентировать внимание на том, что представленная информация должна быть донесена до Степлтона. Но у него были опасения, что в таком случае сэр Генри может не рассказать Степлтону о том, что они с Уотсоном уезжают в Лондон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании представлен лингвосемиотический подход к изучению речевых актов в целом и косвенных речевых актов в частности, который состоит из следующих этапов.

1. Описание структурных компонентов и пространства реализации речевых актов.

К структурным компонентам речевого акта относятся его фонетический, локутивный и иллокутивный акты. Фонетический акт – это акт произнесения определенных звуков; локутивный акт – это акт, состоящий из акта референции и акта предикации; иллокутивный акт – это акт, который соответствует произнесению высказывания, обладающего определенной конвенциональной силой. Для построения классификации речевых актов необходим учет локутивного и иллокутивного компонентов и ряда других социокоммуникативных аспектов. В результате мы выдвигаем многоуровневую классификацию речевых актов, в которой выделяются следующие группы иллокутивных актов, относящиеся к неинституциональным речевым актам: 1) репрезентативы, 2) реквестивы, 3) интеррогативы, 4) комиссивы, 5) пропозитивы, 6) экспрессивы. К институциональным речевым актам относятся декларативы.

Пространство реализации речевого акта включает контекстуальные и текстовые условия его реализации. К контекстуальным условиям реализации речевого акта относятся как коммуникативные параметры ситуации (квантитативные и качественные характеристики коммуникантов высказывания, локальные и темпоральные детерминанты, микро- и макрособытия), так и конвенциональные и коммуникативные импликатуры (принцип кооперации, принцип вежливости, принцип иронии, принцип процессуальности, принцип ясности, принцип экономии и принцип экспрессивности). Текстовые условия реализации речевого акта включают логико-синтаксические и семантические отношения между отдельными речевыми актами в различных типах текста (аргументативный и нарративный).

2. Выявление языковых механизмов образования косвенных речевых актов и построение их классификации.

Существует два вида транспозиции речевых актов:

1) функциональная транспозиция речевых актов (с изменением иллокуции речевых актов) зависит от соотношения иллокутивного акта с текстовой функцией высказывания в определенных логико-синтаксических отношениях, т. е. каждая группа иллокутивных актов может соотноситься только с определенными текстовыми функциями. Если данное соотношение нарушено, то имеет место функциональная транспозиция речевых актов с изменением иллокуции.

В аргументативных текстовых сегментах функциональной транспозиции речевых актов подвергаются тезис, аргументы, развитие аргумента, вывод, контртезис и контраргумент. В нарративных текстовых сегментах рассматриваемая транспозиция речевых актов характерна для кульминации, развития действия, завязки и для развязки. Также следует отметить более высокую степень частотности функциональной транспозиции речевых актов во второстепенных компонентах любого типа текста;

2) семантическая транспозиция речевых актов (транспозиция с изменением локуции речевого акта) зависит либо от семантических отношений речевого акта с другими речевыми актами соответствующего дискурса, либо от релевантных коммуникативных параметров ситуации. Косвенные речевые акты рассматриваемого вида делятся в зависимости от того, происходят ли изменения в диктуме высказывания или в его модусе.

В зависимости от семантического изменения диктума можно выделить четыре типа диктальных изменений (оказиональный смысл, противоположный смысл, новый смысл и намек) и пять типов модусных изменений (алетические, эпистемические, деонтические, аксиологические, временные).

Для каждого вида семантической транспозиции речевых актов построена полевая структура. Полевая структура для диктального вида семантической транспозиции речевых актов выглядит следующим образом: к ядерным элементам относятся случаи актуализации новой семы и намеки, к ближней периферии принадлежат случаи актуализации противоположной семы, к дальней периферии относятся случаи актуализации оказиональной семы. Полевая структура для модусного вида семантической транспозиции речевых актов выглядит следующим образом: к ядерному элементу полевой структуры относятся те косвенные речевые акты, в которых эксплицированная модальность противо-

положна фактической; к ближней периферии принадлежат те косвенные речевые акты, в которых эксплицированная модальность находится в разных парадигмах с фактической; к дальней периферии принадлежат те косвенные речевые акты, в которых эксплицированная и фактическая модальность относятся к одной парадигме. К особым случаям следует отнести тип семантической транспозиции речевых актов, основанный на смене фокуса от одного вида модальности к другому.

Существует два вида редукции речевых актов.

1. Текстовая редукция – это редукция, при которой редуцированный речевой акт является доминирующим компонентом в логико-синтаксических отношениях с нередуцированным речевым актом, который является второстепенным компонентом в этих отношениях. Для каждой группы речевых актов определены отношения между редуцированным и нередуцированным речевым актом. Текстовую редукцию речевых актов представлена в табл. 13.

Т а б л и ц а 13

Текстовая редукция речевых актов

Редуцированный речевой акт	Функция редуцированного речевого акта	Функция эксплицированного речевого акта
Реквестив	Побуждение к действию, побуждение развития	Объяснение
Интеррогатив	Запрос информации, запрос действия для адресанта	Объяснение
Комиссив	Принятие	Развитие
	Утверждение	Побуждение к действию
Пропозитив	Побуждение к действию	Подтверждение
Репрезентатив	Согласие	Объяснение
	Несогласие, отказ	Подтверждение
	Ответ	Развитие
Экспрессив	Извинение	Оправдание
	Поздравление	Объяснение
	Благодарность	Комплимент

2. Кондициональная редукция – это редукция, при которой нередуцированный речевой акт связан с установлением необходимых усло-

вий реализации редуцированного речевого акта. Установлен набор условий и прототипических форм для каждой группы речевых актов при осуществлении кондициональной редукции.

Для выполнения действия, предписываемого реквестивом, необходима реализация следующих условий: желание (*Will you do smth?*) и возможность (*Can you do smth?*, *You can do smth*) адресата выполнить действие; желание (*I want smth*, *I want you to do smth*, *I will have smth*) и необходимость (*I need smth*, *I need you to do smth*) адресанта в том, чтобы действие было выполнено; необходимость выполнения действия адресатом (*Smth must be done by you*).

Для получения ответа на вопрос, представленный в интеррогативе, необходимо выполнение следующих условий: желание (*Will you tell (say to) me *clause**) и возможность (*Can you tell (say to) me *clause**) адресата ответить на вопрос; необходимость (*I want to know *clause**) и желание (*I need to know *clause**) адресанта, чтобы адресат ответил на вопрос; необходимость дать ответ на вопрос (*Somebody must say *clause**).

Для выполнения действия, предписываемого комиссивом, необходима реализация следующих условий: желание (*Do you want smth? Do you want me to do smth?*) и необходимость (*Do you need smth? Do you need me to do smth?*) адресата в том, чтобы действие было выполнено; желание (*I want to do smth*), необходимость (*I must do smth*) и возможность (*I can do smth*) адресанта выполнить действие; необходимость выполнения действия адресантом (*Smth must be done*, *Smb must do smth*).

Для выполнения действия, предписываемого пропозитивом, необходима реализация следующих условий: желание (*Will you do smth together with me? Will we do smth. together?*) и возможность (*Can you do smth together with me? Can we do smth together?*) адресата выполнить действие совместно с адресантом; желание (*Do you want me to do smth together with you?*) адресата, чтобы адресант выполнил действие совместно с адресатом; желание (*I want to do smth together with you, I will do smth together with you*), необходимость (*I need to do smth together with you*) и возможность (*I can do smth together with you*) адресанта выполнить действие совместно с адресатом; желание адресанта того, чтобы действие было выполнено адресатом совместно с адресантом (*I want you to do smth together with me*); необходимость выполнения действия адресатом и адресантом (*We must do smth together*). Следует

отметить, что во многих случаях слово *together* не эксплицировано в тексте.

Для актуализации информации, содержащейся в репрезентативе, необходимо выполнение следующих условий: желание адресата узнать определенную информацию (*Do you want to know that *clause*?*); отсутствие информации у адресата (*Do you know that *clause*?*); желание (*I want to tell you that *clause**) или возможность (*I can tell you that *clause**) адресанта сообщить информацию; необходимость в том, чтобы адресат узнал данную информацию (*I need to tell you that *clause**).

Для выражения психологического состояния, передаваемого при помощи экспрессива, необходимо выполнение следующих условий: желание адресата, чтобы психологическое состояние было выражено (*May I (expressive) you?*); желание (*I want to (expressive) you*) и необходимость (*I must (expressive) you*) адресанта выразить это состояние; необходимость того, чтобы это состояние было выражено (*Expressive must be done*).

Существует два сложных способа образования косвенных речевых актов:

1) редуccionно-функциональный способ образования косвенных речевых актов – это способ, который предполагает редуccion одного речевого акта и функциональную транспозицию эксплицитного речевого акта. Все правила, которые действуют для каждого из представленных видов косвенных речевых актов по отдельности, свойственны сложному косвенному речевому акту в целом. Соответственно, рассматриваемый способ образования косвенных речевых актов встречается преимущественно в диалогических единствах, так как редуccion речевых актов характерна для диалогических единств. Для редуccionно-функционального способа образования косвенных речевых актов нехарактерно включение кондициональной редуccion, так как она исключает присутствие функциональной транспозиции;

2) редуccionно-семантический способ образования косвенных речевых актов – это способ, который предполагает редуccion одного речевого акта и семантическую транспозицию эксплицитного речевого акта. Как и в случае с простой семантической транспозицией, косвенные речевые акты, принадлежащие к данному сложному способу образования, можно классифицировать в зависимости от того, происходит ли транспозиция в модусе или в диктуме высказывания.

3. Определение коммуникативных условий реализации косвенных речевых актов.

Коммуникативные условия реализации косвенных речевых актов включают их функции, свойства, причины употребления, интенции и основные цели адресанта. На основе исследованного материала мы выделили три группы коммуникативных условий реализации косвенных речевых актов на основе выполняемых ими функций.

Первая группа случаев употребления косвенных речевых актов связана с фатической функцией. Данная функция реализуется совместно с одной из двух интенций адресанта:

1) вовлечение адресата в виртуальный диалог. Адресант использует интеррогативы, так как форма вопроса предполагает дальнейшую реакцию адресата. Тем самым адресат становится участником иллюзорного диалога. Цель адресанта – убедить или заинтересовать адресата. Основными причинами употребления косвенных речевых актов представленной группы являются их возможность создать иллюзию диалога в монологе и желание адресанта воздействовать на адресата в большей степени;

2) сохранение репутации. Согласно концепции П. Браун и С. Левинсона, любой речевой акт может угрожать «репутации» коммуникантов. Данная функция реализуется совместно с одной из четырех интенций адресанта: угроза позитивной репутации адресата, угроза позитивной репутации адресанта, сохранение позитивной репутации адресата, сохранение позитивной репутации адресанта.

Вторая группа случаев употребления косвенных речевых актов связана с информативной функцией. Данная функция реализуется в связи со стремлением адресанта к языковой компрессии. Основным релевантным свойством рассматриваемых косвенных речевых актов является их емкость. При помощи одного эксплицитно выраженного речевого акта может быть передан смысл двух. Это и является основной причиной употребления анализируемого вида косвенных речевых актов, при этом цели адресанта могут быть различными.

Третья группа случаев употребления косвенных речевых актов связана с эстетической функцией. Данная функция реализуется совместно с одной из двух интенций адресанта:

1) создание усложненного коммуникативного кода. Использование усложненного коммуникативного кода основывается на потенциальной многозначности интерпретации косвенных речевых актов. Используя подобные косвенные речевые акты, адресант заставляет адресата прилагать усилия для интерпретации текста, поэтому главной причиной употребления косвенных речевых актов может стать сложность их интерпретации;

2) создание комического эффекта. В данных случаях комический эффект основан на неоднозначности косвенных речевых актов. При этом либо адресат выбирает интерпретацию, которая заведомо неадекватна в рассматриваемом контексте, либо адресат выбирает интерпретацию, которая на первый взгляд кажется адекватной, но дальнейший контекст указывает нам на то, что адекватным является другое значение этого речевого акта. Адресант преследует цель рассмешить адресата. Основной причиной употребления косвенных речевых актов представленной группы является возможность обмануть ожидания адресата.

Результаты проведенного исследования вносят вклад как в теорию речевых актов, так и в теорию функционирования языка вследствие того, что явление речевых актов получило широкое распространение в различных направлениях теории языка. То же самое касается и проблемы косвенных речевых актов, которые стали объектом исследования в теории речевых актов, теории референции, теории сегментной репрезентации дискурса.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением коммуникативных условий реализации косвенных речевых актов и сложных косвенных речевых актов, анализом грамматических и лексических маркеров логико-синтаксических отношений между речевыми актами в английском языке. Также перспективной видится дальнейшая разработка видов логико-синтаксических отношений и их возможные комбинации в различных типах текста. Кроме того, интересным представляется исследование аллокутивного сдвига в коммуникативном акте. Так, нами был лишь заложен фундамент для дальнейшего изучения этого явления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аллен Дж. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании / Дж. Аллен, К.Р. Перро // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 322–362.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
3. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – Вып. 13. С. 5–40.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
6. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 416 с.
8. Барт Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 442–449.
9. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 384–391.
10. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Собрание сочинений. – М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 422 с.
12. Белоколоцкая С.А. Риторический вопрос в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2005. – 197 с.
13. Белявцева И.В. Место коннекторов в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале русского и немецкого языков) / И.В. Белявцева // Язык, коммуникация и соц. среда / под ред. В.Б. Кашкина. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 130–138.
14. Блох М.Я. Категория оппозиционного замещения / М.Я. Блох // Вопросы теории английского языка: труды МГПИ им. В.И. Ленина. – 1973. – № 1. – С. 37–41.

15. *Богданов В.В.* Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол / В.В. Богданов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин: КГУ, 1983. – С. 83–102.

16. *Богданов В.В.* Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты яз. общения / под ред. И.П. Сусова. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С. 25–37.

17. *Бочкарев А.И.* К вопросу о косвенных экспрессивах / А.И. Бочкарев // Научное обозрение. Гуманитарные исследования. – 2012. – № 3. – С. 136–142.

18. *Бочкарев А.И.* Коммуникативные условия реализации косвенных речевых актов / А.И. Бочкарев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – Вып. 3. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. – С. 503–509.

19. *Бочкарев А.И.* Косвенные речевые акты в реактивных репликах вопросно-ответных единств / А.И. Бочкарев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 4 (15). – С. 28–33.

20. *Бочкарев А.И.* О семантическом способе образования косвенных речевых актов с изменением диктума / А.И. Бочкарев // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2013. – № 2 (23). – С. 89–93.

21. *Бочкарев А.И.* Сложные и псевдосложные косвенные речевые акты / А.И. Бочкарев // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 176–180.

22. *Бочкарев А.И.* Теоретическая грамматика английского языка. Морфология: учебное пособие / А.И. Бочкарев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 92 с.

23. *Бочкарев А.И.* Функционально-прагматические характеристики гетерогенных компонентов коммуникативного акта / А.И. Бочкарев // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 5. – С. 128–140.

24. Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 362 с.

25. *Быценко Т.А.* Косвенные способы реализации речевых актов экспрессивов негативной эмоциональности / Быценко Т.А. // Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія». Том XI / Харьков, НУ А. Харьков, 2005. – С. 532 – 540.

26. *Вежбицкая А.* Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251–275.

27. *Вежбицкая А.* Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 99–112.

28. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

29. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

30. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238–250.
31. Витгенштейн Л. Коричневая книга / Л. Витгенштейн // Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – 440 с.
32. Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа // URL: <http://www.philosophy.ru/library/witt/phil.html>.
33. Власенко Н.И. Косвенные речевые акты в эпистолярном жанре: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 158 с.
34. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация (Общие вопросы) / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – С. 230–293.
35. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
36. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
37. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста / Т. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.
38. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
39. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
40. Демьянков В.З. Аргументирующий дискурс в общении: (по материалам заруб. лингвистики) / В.З. Демьянков // Речевое общение: проблемы и перспективы. – М.: ИНИОН, 1983. – С. 114–131.
41. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца XX века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
42. Дэйвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе перформативности» / А. Дэйвисон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 235–269.
43. Женнет Ж. Палимпсесты: литература второго уровня / Ж. Женнет. – М.: Научный мир, 1982. – 76 с.
44. Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / Вяч.Вс. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
45. Изенберг Х. О предмете лингвистической теории текста / Х. Изенберг // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 43–56.
46. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: Сопоставительное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001. – 451 с.
47. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
48. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1992. – 330 с.

49. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
50. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс // В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
51. *Карасик В.И.* Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград: Гнозис, 2009. – 406 с.
52. *Кокова А.В.* Стилистические нормы немецкого языка (история и современность): учеб. пособие (для лингвистических университетов и факультетов иностранных языков) / А.В. Кокова. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2006. – 123 с.
53. *Кондрашова Д.С.* Теория сегментной репрезентации дискурса для решения задач судебной лингвистической экспертизы при извлечении из текста имплицитной информации / Д.С. Кондрашова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2006» / под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 275–279.
54. *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 349–384.
55. *Крейдлин Г.Е.* Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок / Г.Е. Крейдлин, М.В. Самохин // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М.: Индрик, 2003. – С. 117–157.
56. *Кристева Ю.* Семиотика: исследования по семанализу / Ю. Кристева. – М.: Академический Проект, 2013. – 285 с.
57. *Кронгауз М.А.* Текст и взаимодействие участников в речевом акте // Логический анализ языка. Язык речевых действий / М.А. Кронгауз. – М.: Наука, 1994. – С. 22–29.
58. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
59. *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993 гг.). – СПб.: Искусство, 1998. – С. 423–436.
60. *Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений): автореф. дис. ... д-а филол. наук. – М., 1985. – 62 с.
61. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
62. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. – Т. I. Введение. Ч. 1: Слово. – М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1997. – С. 401.
63. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. – Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. – М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. – 543 с.

64. Мельчук И.А. Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. – Т. III. Ч. 3: Морфологические средства; Ч. 4: Морфологические синтактики. – М.: Языки русской культуры; – Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2000. – 367 с.

65. Мельчук И.А. Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. – Т. IV. Ч. 5: Морфологические знаки. – М.: Языки славянской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. – 580 с.

66. Мельчук И.А. Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. – Т. V. Ч. 6: Морфологические модели. Ч. 7: Принципы морфологического описания. – М.: Языки славянских культур; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2006. – 542 с.

67. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту / И.А. Мельчук. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 176 с.

68. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учебное пособие для вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2004. – 432 с.

69. Милосердова Е.В. Прагматика речевого общения: учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 122 с.

70. Милосердова О.С. Косвенное и имплицитное отрицание в современном немецком диалогическом дискурсе: семантико-синтаксические и прагматические аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2010. – 199 с.

71. Молчанова С.Е. Функционально-семантическое поле дискурсивных коннекторов в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. – 195 с.

72. Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика языка и литературы / отв. ред. Ю.С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.

73. Москальская О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

74. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 5–42.

75. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

76. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 146 с.

77. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–131.

78. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

79. Пирс Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, 2000. – 352 с.

80. *Плотникова С.Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С.Н. Плотникова. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000. – 244 с.
81. *Поспелова А.Г.* Косвенные высказывания / А.Г. Поспелова // Спорные вопросы английской грамматики. – Л., 1988. – С. 141–153.
82. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2006. – 656 с.
83. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2001. – 143 с.
84. *Разинкина Н.М.* Функциональная стилистика / Н.М. Разинкина. – М.: Высшая школа, 2004. – 272 с.
85. *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
86. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–195.
87. *Серль Дж.* Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 195–223.
88. *Серль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Серль, Вандервекен Д. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. С. 242–264.
89. *Серль Дж.* Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 151–170.
90. *Симонова С.А.* Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2011. – 207 с.
91. *Слепцова М.А.* Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 172 с.
92. *Соломоник А.* Очерк общей семиотики / А. Соломоник. – Минск: МЕТ, 2009. – 191 с.
93. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики / Ю.С. Степанов // Семиотика языка и литературы / отв. ред. Ю.С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. – С. 5–36.
94. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства // Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 336 с.
95. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 312 с.
96. *Сусов А.А.* Моделирование дискурса в терминах теории риторических структур / А.А. Сусов // Вестник ВГУ. 2006. – № 2. – С. 133–138.
97. *Сусов И.П.* К предмету прагмалингвистики / И.П. Сусов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин: КГУ, 1983. – С. 3–15.
98. *Сусов И.П.* Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 200 с.

99. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред. Б.А. Серебrenников. – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
100. *Тодоров Ц.* Теории символа / Ц. Тодоров. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
101. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
102. *Фреге Г.* Мысль: Логическое исследование / Г. Фреге. – Томск: Водолей, 1997. – 128 с.
103. *Фреге Г.* Смысл и значение / Г. Фреге // Избранные работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. – 128 с.
104. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – СПб.: Азбука, 2011. – 288 с.
105. *Харверг Р.* Редуцированная речь / Р. Харверг // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 388–401.
106. *Чахоян Л.П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка / Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.
107. *Черемисина М.И.* Очерки по теории сложного предложения / Черемисина М.И., Т.А. Колосова. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.
108. *Чернобров А.А.* Лингвокультурология: основы интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура): учеб. пособие для студентов старших курсов гуманитарных факультетов, аспирантов и соискателей. Материалы к спецкурсу / А.А. Чернобров. – Новосибирск: Изд-во «Свинья и сыновья», 2006. – 332 с.
109. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
110. *Швейцер А.Д.* Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / А.Д. Швейцер. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – 256 с.
111. *Широкых А.Ю.* Косвенные высказывания в публицистическом стиле речи: на материале английского языка: дис. ... канд. фил. наук. – М., 2007. – 152 с.
112. *Щербинина А.В.* Косвенные высказывания и их функции в тексте: на материале декларативных речевых актов: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2002. – 170 с.
113. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – М.: Петрополис, 1998. – 432 с.
114. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// philologos. narod.ru/ classics/jakobson-1p.htm](http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-1p.htm). – Загл. с экрана.

115. Янко Т.Е. К типологии иллокутивных актов / Т.Е. Янко // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 478–488.
116. *Alston W.P.* Illocutionary Acts and Sentence Meaning / *W.P. Alston*. – London: Cornell University Press, 2000. – 327 p.
117. *Asher N.* A Web of Words: Lexical Meaning in Context / *N. Asher*. – New York: CUP, 2011. – 344 p.
118. *Asher N.* Reference to Abstract Objects in Discourse / *N. Asher*. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. – 455 p.
119. *Asher N.* Indirect Speech Acts / *N. Asher* // *Synthese*. Dordrecht, 2001. – № 128 (1–2). – P. 183–228.
120. *Asher N.* Logics of conversation / *N. Asher, A. Lascarides*. – N.Y.: CUP, 2003. – 526 p.
121. *Bach K.* Semantic slack: what is said and more / *K. Bach* // *Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives* / Ed. by S.L. Tsohatzidis. – London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 267–291.
122. *Bach K.* Linguistic Communication and Speech Acts / *K. Bach, R. Harnish*. – Cambridge: MIT Press, 1979. – 217 p.
123. *Ballmer Th.* Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs / *Th. Ballmer, W. Brennenstuhl*. – Berlin: Springer, 1981. – 274 p.
124. *Beaugrande R.–A. de, Dressler W.U.* Einführung in die Textlinguistik / *R.–A. deBeaugrande, W.U. Dressler*. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 290 p.
125. *Bertolet R.* Are there indirect speech acts? / *R. Bertolet* // *Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S.L. Tsohatzidis. – London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 335–349.
126. *Bird G.H.* Relevance theory and speech acts / *G.H. Bird* // *Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S.L. Tsohatzidis. – London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 292–311.
127. *Bochkarev A.I.* Indirect Speech Acts in Argumentative Text Segment / *A.I. Bochkarev* // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – № 4 (6). – Красноярск: Издательство СФУ, 2013. – P. 501–507.
128. *Brinker K.* Linguistische Textanalyse / *K. Brinker*. – Berlin: Schmidt, 1988. – 151 p.
129. *Brown G.P.* Characterizing Indirect Speech Acts / *G.P. Brown* // *Computational Linguistics*. 1980. – № 6 (3–4). – P. 150–166.
130. *Brown G.P.* Toward a Computational Theory of Indirect Speech Acts / *G.P. Brown*. – Cambridge: MIT, 1979. – 207 p.
131. *Brown P.* Politeness. Some universals in language usage / *P. Brown, S. Levinson*. – Cambridge: CUP, 1987. – 345 p.
132. *Carberry S.* Process Model for Recognizing Communicative Acts and Modeling Negotiation Subdialogues / *S. Carberry, L. Lambert* // *Computational Linguistics*. 1999. 25 (1). – P. 1–54.

133. *Clapp L.* The rhetorical relations approach to indirect speech acts / L. Clapp // *Pragmatics & Cognition* 17:1. Philadelphia: Pragmatics & Beyond, 2009. – P. 43–76.
134. *Clark H.H.* Responding to Indirect Speech Acts / H.H. Clark // *Cognitive Psychology*. 1979. 11. – P. 430–477.
135. *Clark H.H., Carlson T.B.* Hearers and Speech Acts / H.H. Clark, T.B. Carlson // *Language*. 1982. – 58 (2). – P. 332–371.
136. *Conlan Ch.J.* Face threatening acts, primary face threatening acts, and the management of discourse: Australian English and speakers of Asian Englishes / Ch.J. Conlan // *Broadening the Horizon of Linguistic Politeness* / ed. By R.T. Lakoff, S. Ide. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. – P. 129–144.
137. *Davis S.* Anti-individualism and speech act theory / S. Davis // *Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S.L. Tsohatzidis. London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 208–219.
138. *Davison A.* Indirect Speech Acts and What to Do with Them / A. Davison // *Syntax and Semantics*. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 143–185.
139. *Dijk T.A. van.* Some Aspects of text grammar / T.A. van Dijk. – The Hague: Mouton, 1972. – 331 p.
140. *Dijk T.A. van.* Text and context / T.A. van Dijk. – N.Y.: Longman, 1980. – 261 p.
141. *Dimter M.* Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache / M. Dimter. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 144 p.
142. *Eemeren F.H. van, Grootendorst R.* A systematic theory of argumentation / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst. – New York: Cambridge University Press, 2004. – 216 p.
143. *Engel U.* Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg: Groos, 1996. – 888 p.
144. *Fraser B.* Hedged Performatives / B. Fraser // *Syntax and Semantics*. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 187–210.
145. *Gazdar G.* Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form / G. Gazdar. – N.Y.: Academic Press, 1979. – 186 p.
146. *Gazdar G.* Natural Language Processing in LISP: An Introduction to Computational Linguistics / G. Gazdar, Ch. Mellish. – N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1989. – 524 p.
147. *Geis M.* Speech acts and conversational interaction / M. Geis. – N.Y.: Cambridge University Press, 2006. – 248 p.
148. *Gordon D.* Conversational postulates / D. Gordon, G. Lakoff // *Papers from the seventh regional meeting of the Chicago Linguistic Society* / ed. by D. Adams, M.A. Cambell, V. Cohen and etc. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1971. Reprinted in *Syntax and Semantics*. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 83–106.

149. *Green G.M.* How to Get People to Do Things with Words: The Whimperative Question / G.M. Green // *Syntax and Semantics*. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 107–141.
150. *Grosz B.* Plans for Discourse / B. Grosz, C. Sidner // *Intentions in Communications* / ed by. J. Morgan, P.R. Cohen. – Cambridge: MIT, 1990. – P. 365–388.
151. *Halliday M.A.K.* Cohesion in English / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1976. – 374 p.
152. *Harris W.V.* Interpretive Acts: In Search of Meaning / W.V. Harris. – N.Y.: Oxford University Press, 1988. – 192 p.
153. *Hausser R.R.* Surface Compositionality and the Semantics of Mood / R.R. Hausser // *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht: Springer, 1980. – P. 71–96.
154. *Haverkate H.* Impositive Sentences in Spanish: Theory and Description in Pragmatics / H. Haverkate. – N.Y.: North-Holland Publishing Company, 1979. – 194 p.
155. *Haverkate H.* Speech acts, speakers and hearers / H. Haverkate. – Amsterdam: Pragmatics & Beyond, 1984. – Vol. 4. – 131 p.
156. *Heringer J.* Some grammatical correlates of felicity conditions / J. Heringer // *Working Papers in Linguistics*. Columbus: Ohio State University, 1972. – № 11. – P. 1–110.
157. *Holdcroft D.* Words and Deeds: Problems in the Theory of Speech Acts / D. Holdcroft. – Oxford: Clarendon Press, 1978. – 178 p.
158. *Jacobs S.* Strategy and Structure in Conversational Influence Attempts / S. Jacobs, S. Jackson // *Communicative Monographs*. – N.Y.: CUP, 1983. – № 50. – P. 285–304.
159. *Kamp H., Reyle U.* From Discourse to Logic: Introduction to Modeltheoretic Semantics of Natural Language, Formal Logic and Discourse Representation Theory / H. Kamp, U. Reyle. – Dordrecht: Springer, 1993. – 713 p.
160. *Kasher A.* Modular speech act theory: programme and results / A. Kasher // *Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S.L. Tsohatzidis. – London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 312–322.
161. *Katz J.J.* Propositional Structure and Illocutionary Force: A Study of the Contribution of the Sentence Meaning to Speech Acts / J.J. Katz. – N.Y.: T.Y. Crowell, 1977. – 249 p.
162. *Kearns J.T.* Meaning, structure and speech acts / Kearns J.T. // *Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S.L. Tsohatzidis. London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 50–79.
163. *Kreckel M.* Communicative acts and shared knowledge in natural language / M. Kreckel – N.Y.: Academic Press, 1981. – 316 p.
164. *Kristeva J.* Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman / J. Kristeva // *Critique*. – 1967. – № 23. – P. 438–465.

-
165. *Lakoff R.T.* Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation / R.T. Lakoff // Variation in the Form and Use of Language: a Sociolinguistics Reader. – Washington: Georgetown University Press, 1983. – P. 305–323.
166. *Leech G.* Principles of Pragmatics / G. Leech. – N.Y.: Longman, 1983. – 264 p.
167. *Leech G.* Semantics / G. Leech. – Middlesex: Penguin, 1974. – 386 p.
168. *Levinson S.* The Essential Inadequacies of Speech Act Models of Dialogue / S. Levinson // Possibilities and Limitations of Pragmatics / ed. by H. Parret, M. Sbis'a and J. Verschueren. Amsterdam: John Benjamins, 1981. – P. 473–492.
169. *Levinson S.* Pragmatics / S. Levinson. – N.Y.: CUP, 1981. – 420 p.
170. *Levinson S.* Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity / S. Levinson. – N.Y.: CUP, 2003. – 389 p.
171. *Lieb H.–H.* Syntactic Meaning / H.–H. Lieb // Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht: Springer, 1980. – P. 121–154.
172. *Lycan W.G.* Logical Form in Natural Language / W.G. Lycan. – Cambridge: MIT Press, 1984. – 348 p.
173. *Mann W.C.* Rhetorical Structure Theory: looking back and moving ahead / W.C. Mann // Discourse Studies. 2006. – № 8(3). – P. 423–459.
174. *Mann W.C.* Rhetorical Structure Theory: Description and Construction of Text Structures // Natural Language Generation: New Results in Artificial Intelligence / W.C. Mann, S. Thompson. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 1986. – P. 279–300.
175. *Mann W.C.* Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization / W.C. Mann, S.A. Thompson // Text. – 1988. – №8 (3). – P. 243–281.
176. *Marcu D.* An unsupervised approach to recognizing discourse relations / D. Marcu, A. Echihiabi // Proceedings of ACL, 2002. – P. 368–375.
177. *Merin A.* Algebra of elementary social acts / A. Merin // Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives / ed. by S.L. Tsohatzidis. London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 234–266.
178. *Mey J.L.* Speech acts in context / *Mey J.L.* // Context and Contexts: parts meet whole? / ed. by A. Fetzer, E. Oishi. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. – P. 171–180.
179. *Morgan J.* Some Interactions of Syntax and Pragmatics Syntax and Semantics / J. Morgan. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 289–304.
180. *Morgan J.* Two Types of Convention in Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics / J. Morgan. – N.Y.: Academic Press, 1978. – Vol. 9. – P. 261–280.
181. *Motsch W.* Situational Context and Illocutionary Force Speech Act Theory and Pragmatics / Motsch W. – Dordrecht: Springer, 1980. – P. 155–168.
182. *Muller S.* Discourse Markers in Native and Non-native English Discourse / S. Muller. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 290 p.

183. *Munro A.* Indirect speech acts are not strictly conventional / A. Munro // *Linguistic Inquiry*. – 1979. – № 10 (3). – P. 353–356.
184. *Oishi E.* How are speech acts situated in context? / E. Oishi // *Context and Contexts: parts meet whole?* / ed. by A. Fetzer. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. – P. 181–204.
185. *Palmer F.R.* Modality and the English Modals / F.R. Palmer. – London: Longman, 1979. – 196 p.
186. *Polanyi L., Scha R.* A Syntactic Approach to Discourse Semantics / L. Polanyi, R. Scha // *Proceedings of the 10th International Conference on Computational Linguistics*. – 1984. – P. 413–419.
187. *Recanati F.* Contextualism and anti-contextualism in the philosophy of language / F. Recanati // *Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S.L. Tsohatzidis. – London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 156–166.
188. *Recanati F.* Some Remarks on Explicit Performatives, Indirect Speech, Locutionary Meaning and Truth-Value / F. Recanati // *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht: Springer, 1980. – P. 205–221.
189. *Posner R.* Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language / R. Posner // *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht: Springer, 1980. – P. 169–204.
190. *Rosner D.* Customizing RST for the automatic production of technical manuals / D. Rosner, M. Stede // *Aspects of Automated Language Generation*. Berlin: Springer, 1992. – P. 119–214.
191. *Ross J.R.* On Declarative Sentences / J.R. Ross // *Readings in English Transformational Grammar* / Ed. by R. Jacobs, P. Rosenbaum. – Massachusetts: Ginn and Company. – P. 223–277.
192. *Ross J.R.* Where to Do Things with Words / Ross J.R. // *Syntax and Semantics*. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 233–256.
193. *Russell B.* On propositions: what they are and how they mean / B. Russell // *Logic and knowledge*. – London: Allen & Unwin, 1956. – 43 p.
194. *Sadock J.* Speech act idioms / J. Sadock // *Papers from the Eighth Regional Meeting*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1972. P. 329–339.
195. *Sadock J.* Toward a linguistic theory of speech acts / J. Sadock. – N.Y.: Academic Press, 1974. – 168 p.
196. *Sandig B.* Stilistik der deutschen Sprache / B. Sandig. – N.Y.: de Gruyter, 1986. – 368 p.
197. *Schegloff E.* Presequences and indirection / E. Schegloff // *Journal of Pragmatics*. 1988. – № 12. – P. 55–62.
198. *Schiffer S.R.* Meaning / S.R. Schiffer. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 200 p.
199. *Searle J.R.* Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts / J.R. Searle. – N.Y.: CUP, 1979. – 187 p.

-
200. *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J.R. Searle. – N.Y.: CUP, 1969. – 203 p.
201. *Searle J.R.* The Background of Meaning / J.R. Searle. // Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht: Springer, 1980. – P. 221–232.
202. *Searle J.R.* Foundations of illocutionary logic / J.R. Searle, D. Vanderveken. – N.Y.: CUP, 1985. – 227 p.
203. *Sowinski B.* Textlinguistik. Eine Einführung / B. Sowinski. – Stuttgart: Kohlhammer, 1983. – 176 p.
204. *Sperber D.* Relevance / D. Sperber, D. Wilson. – N. J.: Blackwell Publishing, 1995. – 327 p.
205. *Sporleder C.* Using Automatically Labelled Examples to Classify Rhetorical Relations: An Assessment / C. Sporleder, A. Lascarides // Natural Language Engineering. – 2008. – № 14 (3). – P. 369–416.
206. *Srinarawat D.* Indirectness as a politeness strategy of Thai speakers / D. Srinarawat / Broadening the Horizon of Linguistic Politeness / ed. by R.T. Lakoff, S. Ide. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. – P. 175–196.
207. *Stalnaker R.* Pragmatic presupposition // Semantics and Philosophy / R. Stalnaker. – N.Y.: New York University Press, 1974. – P. 197–214.
208. *Stegmüller W.* Wissenschaftliche Erklärung und Begründung / W. Stegmüller. – T. 1. B.: Schmidt, 1974. – 192 S.
209. *Taboada M.* Discourse markers as signals (or not) of rhetorical relations / M. Taboada // Journal of Pragmatics. – 2006. – № 38. – P. 567–592.
210. *Tannen D.* Indirection in Discourse; Ethnicity as Conversational Style / D. Tannen // Discourse Processes. – 1981. – № 4. – P. 221–238.
211. *Tarski A.* Logic, Semantics, Metamathematics / A. Tarski. – London: Oxford University Press, 1956. – 506 p.
212. *Toulmin S.* The Uses of Argument / S. Toulmin. – Cambridge: CUP, 1958. – 264 p.
213. *Tsohatzidis S.L.* Speaker meaning, sentence meaning and metaphor / S.L. Tsohatzidis // Foundations of speech act theory. Philosophical and linguistic perspectives / Ed. by S.L. Tsohatzidis. – London: Taylor and Francis Routledge, 1994. – P. 365–374.
214. *Tsui A.B.M.* English Conversation / A.B.M. Tsui. – N.Y.: Oxford University Press, 1994. – 298 p.
215. *Vanderveken D.* Illocutionary Logic and Self-Defeating Speech Acts / Vanderveken D. // Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht: Springer, 1980. – P. 247–273.
216. *Vanderveken D.* Meaning and speech acts: Principles of Language use / Vanderveken D. – Cambridge: CUP, 1990. – 237 p.
217. *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.

218. *Wunderlich D.* Methodological Remarks on Speech Act Theory // *Speech Act Theory and Pragmatics* / D. Wunderlich. – Dordrecht: Springer, 1980. – P. 291–312.
219. *Wunderlich D.* Studien zur Sprechakththeorie / Wunderlich D. – Frankfurt: Suhrkamp, 1976. – 416 p.
220. *Yule G.* Pragmatics / G. Yule. – N.Y.: Oxford University Press, 1996. – 138 p.
221. *Yule G.* The Study of Language / G. Yule. – N.Y.: CUP, 1985. – 320 p.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- A. – Raha M. Angel. – Access mode: URL: <http://www.storybytes.com>.
- A. W. P. – Montgomery L.M. Anne of Windy Poplars / L.M. Montgomery. – URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks01/0100251h.html>.
- C.-H.P. – The Big Bang Theory: The Cooper-Halfstader Polarization. – URL: Access mode : http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=big-bang-theory&episode=s01e09.
- D.P. – The Big Bang Theory: The Dumpling Paradox. – Access mode: URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=big-bang-theory&episode=s01e07.
- H. – Shakespeare, W. Hamlet. Mode of Access: URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/2265/pg2265.html>
- H.B.S. – How to be sarcastic // BBC.com. – Access mode: URL: <http://downloads.bbc.co.uk>.
- J. – Carroll L. Jabberwocky. – Access mode: URL: <http://www.glasswings.com>.
- K. C. R. – Kansas City Review. Mode of Access: URL: <http://books.google.ru>.
- K. F. P. – Aibel J. Kung Fu Panda / J. Aibel, G. Berger. – URL: <http://www.imsdb.com/scripts/Kung-Fu-Panda.html>.
- L. A. – The Living Age. – Mode of Access: URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/livn/index.html>.
- L.-S.E. – The Big Bang Theory: The Lizard-Spock Expansion. – Access mode : URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=big-bang-theory&episode=s02e08.
- L.F.E. – The Big Bang Theory: The Luminous Fish Effect. – Access mode: URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=big-bang-theory&episode=s01e04.
- M. – Poe E. A. Marginalia. Part I // Access mode: URL: <http://www.eap-oe.org/works/misc/mar1144.html>.
- N.Y. – The New Yorker (2000-2012). Mode of Access: URL: <http://www.newyorker.com>.
- N.Y.I. – *Mitchell L.* The New York Idea. – Access mode : URL: <http://www.gutenberg.org/files/25565/25565-h/25565-h.html>.

N.Y.T. – The New York Times. – URL: <http://www.nytimes.com>.

P. – The Big Bang Theory: Pilot. – Access mode : URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=big-bang-theory&episode=s01e01.

P.A. 2 – Police Academy 2 – Access mode : URL: http://www.springfield-springfield.co.uk/movie_script.php?movie=police-academy-2-their-first-assignment.

P.C.I. The Big Bang Theory: The Pork Chop Indeterminacy – Access mode : URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=big-bang-theory&episode=s01e15.

R.S.T. – Rhetorical Structure Theory. – Access mode : URL: <http://www.sfu.ca/rst/index.html>.

S. W. S. – A Sense without sense. – Access mode: URL: <http://loloi.tripod.com/senseles.html>.

U. – Joyce J. Ulysses. – Access mode: URL: <http://www.gutenberg.org/files/4300/4300-h/4300-h.html>.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. *Кожина М.Н.* Современный энциклопедический словарь русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

3. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

5. Cambridge International Dictionary of English / ed. by P. Procter. – N.Y.: CUP, 2001. – 1774 p.

6. Concise Oxford English Dictionary / ed. by H.W. Fowler. 11th edition. – N.Y.: Oxford University Press, 2006. – 1728 p.

7. Longman Dictionary of Contemporary English / ed by. S. Bullon. – London: Pearson Education Limited, 2003. – 1949 p.

8. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by A.S. Hornby. – N.Y.: Oxford University Press, 2010. – 1796 p.

9. Oxford Collocations Dictionary (for students of English) / ed. by C. McIntosh. 2nd edition. – N.Y.: Oxford University Press, 2009. – 963 p.

10. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms / ed. by A. Spooner. 2nd edition. – N.Y.: Oxford University Press, 2007. – 528 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть 1. Теоретические основы исследования речевых актов	5
Глава 1. Внутренние характеристики речевого акта	9
1.1. Структурные компоненты речевого акта.....	13
1.2. Структура коммуникативного акта	26
Глава 2. Внешние характеристики речевого акта	41
2.1. Контекстуальное пространство реализации речевого акта	41
2.2. Текстуальное пространство реализации речевого акта	46
2.2.1. Текстовые условия реализации речевого акта	47
2.2.2. Текстовые примитивы	72
2.2.3. Интертекстуальное пространство реализации речевого акта	88
Глава 3. Косвенные речевые акты в современной теории языка.....	91
3.1. Языковые аспекты исследования косвенных речевых актов.....	91
3.2. Коммуникативные условия реализации косвенных речевых актов	102
Часть 2. Функционирование косвенных речевых актов в английском языке.....	107
Глава 1. Транспозиция речевых актов	108
1.1. Функциональная транспозиция речевых актов	109
1.2. Семантическая транспозиция речевых актов	117
Глава 2. Редукция речевых актов	137
2.1. Текстовая редукция речевых актов	138
2.2. Кондициональная редукция речевых актов.....	153
Глава 3. На границе механизмов образования косвенных речевых актов.....	167
3.1. Сложные косвенные речевые акты.....	168

3.2. Псевдосложные косвенные речевые акты	173
3.3. Аллокутивный сдвиг в коммуникативном акте	175
Заключение.....	184
Библиографический список	191
Список электронных источников	204
Словари и справочники	205

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Бочкарев Арсентий Игоревич

**КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ
В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Монография

Редактор *Е.Н. Николаева*
Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *Л.Н. Кишин*
Художественный редактор *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Л.А. Веселовская*

Подписано в печать 20.10.2016
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 13,0. Печ. л. 13,0. Тираж 100 экз.
Изд. № 120. Заказ № 1521

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Издательство Новосибирского государственного
технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Тел. (383) 346-31-87
E-mail: office@publish.nstu.ru

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20